

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 6 2017

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 6 2017

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science
Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review
"East West" Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1
1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:



© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Gender Studies

Long Sara,
California State University,
Fullerton MA in History
E-mail: saralong.edu@gmail.com

MODERN EUROPEAN GENDER DISCOURSE: THE LIMITATIONS AND OPPORTUNITIES OF HISTORICAL EXAMINATION THROUGH A GENDER BINARY LENS

Abstract: An additional trend of examining history through the lens of a gender binary has been exemplified within recent studies. The new methods of incorporation regarding gender ideals have influenced topics such as: political and military, cultural, women's, and scientific history. A benefit of the method would be how it provides a way for people to make sense of events that occurred in the past by supplying an informal lens to examine daily life throughout European nations. However, the methodology could also potentially tempt scholars to reinforce stereotypical gender archetypes, therefore increasing chances of misinterpreting historical events.

Keywords: gender, modern Europe, gender binary.

Historians of the late twentieth century and early twenty-first century have incorporated notions about gender into modern scholarship by acknowledging that definitions of gender change between societies depending upon how they define masculine and feminine characteristics according to cultural customs and local ideologies. Clarification between the difference in women's and gender history proves necessary regarding the proceeding analysis. The two academic fields do not address the same subject; rather the history of gender magnifies women's history by giving women agency in their own past.

An additional trend of examining history through the lens of a gender binary has been exemplified within recent studies. The new methods of incorporation regarding gender ideals have influenced topics such as: political and military, cultural, women's, and scientific history. A benefit of the method would be how it provides a way for people

to make sense of events that occurred in the past by supplying an informal lens to examine daily life throughout European nations. However, the methodology could also potentially tempt scholars to reinforce stereotypical gender archetypes, therefore increasing chances of misinterpreting historical events.

The incorporation of gender ideals within military history has allowed scholars to better understand the participation of women in wartime events and analyze national identity and collective memory. Josie McLellan, a Professor of History at the University of Britsol, specializes in modern European historical research as exemplifies by her scholarship that traces topics such as, sexuality, politics, and society in East Germany. Her book *Love in the Time of Communism: Intimacy and Sexuality in the GDR* examines the dynamics of everyday life under a communism government paying special attention

to factors that ignited a sexual revolution within the German Democratic Republic (GDR).

The focused study of intimate aspects of everyday German life from 1950 to 1980 provides academia with an explanation of the reasons discussions revolving sexuality and gender were restricted. She reveals significant constraints placed upon the sexual behavior of the youth, “These were most sharply felt by gay and lesbian teenagers, as well as girls who wished to step outside established gender roles” [1, 52]. Additionally, McLellan explains how the GDR romanticized marriage as a way to obtain freedom and manipulated young couples to marry through propaganda that advocated legal unity and monogamy [1, 53–70]. The previously advertised source of freedom quickly became a way to regulate and monitor the states potential labor force, as demonstrated by abortion and birth control regulations. As a result, young couples had little control over their fertility. McLellan centralizes on how the norms of heterosexual behavior drastically changed throughout the duration of the GDR, therefore suggesting dramatic changes in popular preferences of sexuality ideals.

Wendy Lower, a Professor of History at Claremont McKenna College and expert in researching critical subjects such as genocide and human rights, expands upon the dynamics of gender theory in German history by supplying contextual information about politics during the second World War (WWII) [2, 5]. In her book *Hitler’s Furies: German Women in the Nazi Killing Fields*, she directs the scope of academic attention to German women’s contribution in shaping domestic and foreign policies. The examination focuses on how ordinary women from diverse backgrounds and professions transformed into some of Hitler’s most lethal killers as the Nazi regime ruthlessly headed east. Lower illuminates that although Hitler was undoubtedly malevolent he was not ignorant of the fact that regimes of terror thrive upon the vigor and optimism of youth. Although many young German women did not originally lean in favor with the Nazi party, because female political in-

volvement was completely prohibited, she outlines how their minds began to change as the prospect of different jobs became possible and Hitler’s proposal of a new German utopia seemed to heal many of their lost identities.

As Lower delves deeper into the collective memory of the Nazi regime’s merciless desire to head east and establish living space for the new empire, she explores the gruesome realities of the primary professions women typically worked. Teachers focused on indoctrinating the youth and screened for children that did not meet Hitler’s requirements for the ideal German. Nurses strengthened the military by separating the mentally disabled from the physically, taking people to gas chambers, and issuing lethal injections. Secretaries subtly organized the paperwork that documented the deaths of so many innocent lives and wives encouraged German soldiers to serve out their lethal orders.

Lower claims that previously romanticized perceptions of German women as additional victims of Hitler and the Nazi regime should not be taken out of context since sources suggest that most of them played a significantly large role in various gruesome war crimes. The women she researches witnessed and helped kill more people than can be counted [2, 146–150]. A line from the letter of a Nazi district chief’s daughter, illuminates how detached women became from their actions and the realities of war, “I think that they feel very differently from us and therefore don’t feel this humiliation and everything” [2, 155]. Her works unearths the startling transformation of how regular women became stone-cold killers.

The analysis of the women in the thirteen different case studies suggests that some were forced to partake in the violence as a result of the jobs they had been assigned from the Nazi party, however her research also showcases that some killed simply because they wanted to. She gives academia a refreshing new scope to examine women’s participation in Nazi Germany and reminds scholars to not let their own fear or anxieties dictate how they conduct their

research, but rather alert them as to what subjects deserve further discourse.

Jochen Hellbeck examines the revolutionary ideologies and complex desire of acceptance from a Socialist state through four diary case studies that represent the core of his book *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin*. His experience in historical research as a professor of history at Rutgers University strengthens his attempt to understand how Soviet citizens perceived themselves in a militarized government through review of four diarists: Zinaida Denisevskaya, Stepan Podlubny, Leonid Potemkin, and Alexander Afinogenov [3, 12]. The book prompts his audience to contemplate underlying themes like individual and collective identities, the Bolshevik perspective of diary writing, and diaries as historical records that freeze time and preserve the emotions and thoughts of humans. In specific regards to how a socialist government influenced gender ideology, he concludes that significant changes could be observed through in the refinement of how masculinity was defined [3, 15–32]. The creation of the “new man” during the 1930s, arguably a period of *high Stalinism*, derived from state initiatives to increase productivity in the work force – a revival of romanticism in Russia also contributed to adjustments in favorable make behavior [3, 25].

Discourse regarding gender has been used to extract information surrounding the male cultural identity in Holland during the early to mid seventeenth century. Benjamin B. Roberts a journalist and historian based in Amsterdam of the Netherlands, specializes in Dutch history. His knowledge of masculine identity reveals itself throughout the scholarship presented in his book *Sex and Drugs before Rock ‘n’ Roll: Youth Culture and Masculinity during Holland’s Golden Age* [4]. Although the timeframe of his study regards prior to the era stated within the investigative statement of this investigation, his assessment and review of cultural heritage brings attention to the benefit of examining European history and youth culture through the lens of a gender bi-

nary, “Gender, often from the perspective of women studies, has produced new focal points for historical research” [4, 16]. Similar to the seventeenth century, the twentieth century experienced phases of economic distress, war, prosperity, and change.

Paul Gilroy, a Professor of American and English Literature at King’s College London, investigates the effects of turbulent social events in Britain from approximately 1960 to 1970 in his publication, *There Ain’t No Black in the Union Jack’* [5]. He constructed the book with an aim to reveal the dimensions of cultural studies. Scope of the academic field presents itself through detailed discussion regarding how issues of gender, sexuality, racism, citizenship, national and cultural identity, and independence underpinned protests and demonstrations of civil unrest.

Scholarship from Susan Grayzel, a professor of history at the University of Mississippi, asserts that classic typecasts of masculinity and femininity survived during WWI in France and Britain as a result of social pressure to maintain soldiering and mothering as typical gender roles [6]. Her book *Women’s Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France During the First World War* outlines reasons supporting her argument the Great War provides scholars with an opportunity to study the largest group of noncombatant adults during any war that attempted to understand their own gender and national identities. She attempts to clarify difficulties faced by both nations through an overarching theme of the female body being perceived as communal property. Although many scholars may argue that the upsetting concept has not defined civilizations throughout history, Grayzel makes clear how war strengthens and amplifies the mentality by providing information concerning women’s nonprocreative sexuality as a potential threat to nationalism and efforts for the war [6, 245]. She relies on an array of sources to help strengthen her research, such as significant sources from French and British archives, however visual representations of women serve as powerful primary sources for comparing how the

two nations struggled to understand sexual identity [6, 2–3].

In addition, her work encourages readers to examine popular opinions for how the nations addressed certain problems, like how Britain employed invasive measures to monitor women's bodies for the good of the state. Furthermore, she expands the scope of research by discussing political realities, or more specifically, how women began to fight for their political rights [6, 158]. Her work promotes discussion concerning women's agency in the political realm by analyzing the limitations of women's citizenship, sexual freedoms, and purpose in national identity.

Professor of history and women's studies at the University of Michigan Dena.

Goodman, also applies feminist theory to review of sources that aim to highlight gender inequalities within French society during the late eighteenth century [7]. Her study *Marie-Antoinette: Writings on the Body of a Queen* showcases collective belief that the female body was understood as communal property [7, 2–5]. French women did not have to right to govern their own person and Goodman exemplifies the reality through an examination of primary sources that regard regulations to the body and image of Marie-Antoinette, "... the struggle for agency and personal autonomy — the ability to be herself and to act according to her own will and desires — was carried out on the public stage and within a set of dynamic forces, within what we might call history itself" [7, 3]. Restrictions about proper gender roles resulted in loss of rights to manage her physicality and reputation as every action became critically compared to French ideals of female identity.

Lucy Bland and Laura Doan masterfully investigate scientific history through the progression of theories involving normative masculine and feminine behavior during the late nineteenth century in their book *Sexology Uncensored: The Documents of Sexual Science* [8]. A robust study of primary sources acquired from medical documents, criminal records, personal missives, and papers from physicians and

scientist of various European nations brings attention to a complex relationship between the marginalized science of sexology and marginalized people

As with any so-called objective scientific method, sexology was rooted in the cultural beliefs and values of its practitioners, primarily white, middle-class men, who often conceptualized their subjects in terms of the constructed binaries which inscribed the dominant power relations (female against male, deviant or pervert against norm, homosexual against heterosexual, primitive against civilized [8, 6].

Recording and evaluating the history of sexology reveals the emergence of a boundary between legitimate and illegitimate science throughout Europe. Historical analysis that embraces the marriage of gender and scientific study supplies a stronger understanding of intimate features that defined daily life as civilization approached the turn of the nineteenth to twentieth century.

Historians have advanced and incorporated awareness of shifts in collective memory of gender theories into the history of modern European nations through extensive studies in academic fields like cultural, scientific, military, and political history, as well as women's history. Research produced during the twenty-first century symbolizes the benefits of the technique by broadening the scope of interpretation and prompting reexamination of popular theories regarding events of previous generations. As with any method of inquisition the recognition of fluctuating ideals, dependent on time and culture, should not be ignored nor dismissed, specifically in regards to gender in this study. Understanding the difference between women's and gender history also remains crucial to the history of gender studies because the two academic fields do not address the same subject — history of gender magnifies women's history by means of giving women agency in their own past.

The examination technique of reviewing historical events through the lens of a gender binary represents an additional way that gender has become interwoven in modern European historical discourse. Application of the method allows scholarship to acknowledge per-

spectives from group of social minorities, which may have been previously ignored or dismissed in records regarding the history of humankind therefore helping to expand the breadth of cultural heritage sources that could be evaluate in forthcoming generations.

References:

1. Josie McLellan. *Love in the Time of Communism: Intimacy and Sexuality in the GDR* (Cambridge University Press: Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Delhi, Tokyo, Mexico City, – 2011).
2. Wendy Lower, *Hitler's Furies: German Women in the Nazi Killing Fields* (Mariner Books: Boston and – New York, – 2013).
3. Jochen Hellbeck. *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin* (Harvard University Press: Cambridge and – London, – 2006).
4. Benjamin B. Roberts. *Sex and Drugs before Rock 'n' Roll: Youth Culture and Masculinity during Holland's Golden Age* (Amsterdam University Press: – Amsterdam, – 2012).
5. Paul Gilroy. *There Ain't No Black in the Union Jack* (The University of Chicago Press: – Chicago, – 1987).
6. Susan Grayzel. *Women's Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France During the First World War* (The University of North Carolina Press: Chapel Hill and – London, – 1999).
7. Dena Goodman. *Marie-Antoinette: Writings on the Body of a Queen* (Taylor & Francis Books: Routledge, – 2003).
8. Lucy Bland and Laura Doan. *Sexology Uncensored: The Documents of Sexual Science* (The University of Chicago Press: Chicago, – 1998).

Section 2. Study of art

*Mammadova Shabnam Amil,
Azerbaijan National Conservatory
Candidate for a Degree
E-mail: sheb.87@mail.ru*

*Aliyeva Ulkar Sabir,
Azerbaijan National Conservatory
Doctor of Sciences on Art, professor
E-mail: ula-music@rambler.ru*

THE MAIN FEATURES OF THE STORY LINE OF THE “VAGIF” DRAMA BY SAMAD VURGUN, AND THE SAME-NAME OPERA BY RAMIZ MUSTAFAYEV

Abstract: The article presents a comparative description of the “Vagif” drama by Samad Vurgun with the libretto of the same name opera by Ramiz Mustafayev. The article analyzes the general and specific similarities between the two works. At the same time it presents the dramaturgic features of the “Vagif” opera by Ramiz Mustafayev.

Keywords: Azerbaijani opera, Samad Vurgun, Ramiz Mustafayev, drama, libretto.

The “Vagif” opera, one of the best works by Ramiz Mustafayev, was put per Samad Vurgun’s the same name drama. The “Vagif” drama by Samad Vurgun and the “Vagif” opera by Ramiz Mustafayev reflect the political history of the Karabakh khanate of XVIII century, the national war against Aga Mohammed Shah Ghajar, the Shah of Iran, and the role of the poet – vizier, Molla Panah Vagif, in the people’s livelihood.

Most of the characters of the opera played on the basis of the drama are real historical figures. Among them there are the great poets of the Azerbaijani people – Molla Panah Vagif and Molla Veli Vidadi, Alibek, the son of Vagif, Garabagh Khan Ibrahim and the Iranian Shah – Aga Mohammed Shah Ghajar.

The language of the “Vagif” drama by Samad Vurgun is a living national language. This feature is

stored in the opera’s libretto. Interrogating the characters, the poet used a simple conversational style; he plainly used proverbs and aphorisms. Correctly choosing the musical tone for such a living national language, Ramiz Mustafayev, together with libretto is Firidun Mehdiyev, used Halabadzhi dance, battle, ashug’s music and mughams. Listening to the opera, we can clearly hear the intonation of mugham, such as Bayat-Shiraz, Shur, Shushstar, Seigagh, Zabol-seigah, and Chahargah. The composer used the shades of mugham so skillfully that at the time of their hearings, the character’s emotion is embodied. Ramiz Mustafayev also symbolically applied mughams. So, given that all of the events occurred in the Karabakh khanate, we clearly see in how many places Karabakh oriental melody can be heard in the wedding scene in Story I, Act I of the opera.

The main hero of the "Vagif" opera created on the basis of real heroes, is Molla Panah Vagif, an Azerbaijani poet, who lived in the XVIII century. Molla Panah Vagif was not only a poet, he was also the politician, and worked as a vizier – court noble in the palace of the Karabakh khan Ibrahim. These characteristics of Molla Panah Vagif, who played a major role in political and social life of the Khanate, were

not out of sight of SamadVurgun and Ramiz Mustafayev. The writers showed all of these characteristics to the reader and the viewer in their works. Therefore, the composer presented the main character of the opera by two keynotes: one that animates the emotional features of the poet's image (Example 1), while the other revives the image of a statesman – Patriot (Example 2).



Example 1.



Example 2.

In the “Vagif” drama and the opera the story develops in several ways, and most of them take place around the character of Vagif. Samad Vurgun and Ramiz Mustafayev revealed the hero in a multidisciplinary way. In the opera, Vagif is presented as a great poet (the duet of Vagif and Ghajar in Act III), a fair statesman (the arias in the Act I and III), a loyal friend (the “Cranes” duet with Molla Veli Vidadi in Act I), a faithful spouse (the duet with Khuraman in story I, Act I, and story II, Act IV), a loving father (the wedding scene in Act I, the scene of act IV) and a patriot (the aria in story I, act I).

First and foremost, Vagif is the national actor. The “Look” ghazel, “Not Seen” muhammes (Ghazel and muhammes are the poetic forms of the East poetry) and the “Cranes” poem by Molla Panah Vagif were used in order to create an image of the poet Vagif in the work. So, Ramiz Mustafayev began an opera with voicing “Not Seen” muhammes by Molla Panah Vagif in the Prologue (this muhammes also sounds in the story I, Act IV), the “Cranes” poem is announced in the story I, and finally “Look” gazelle concludes the opera. Using poetry of Molla Panah Vagif for the opera the composer emphasized the poetic image of Vagif.

One of the main features of poet Vagif is that he distanced himself from the Arabic and Persian languages, ruling the Azerbaijani literature in those ages, and wrote works in his native language. Both authors skillfully revived these features in the duet scene of Vagif and the Iranian Shah in Act III of the opera. So when Ghajar demanded Vagif to write works in Farsi, the poet said, “Farsi has Khayyam, Firdovsi, it has so many great masters. I’m the son of our mountains, doing a little composing.” We also see the modest nature of the character on the basis of these words.

At the same time, Vagif is a great historical figure. The reason for his adoration of the people is not only the fact that he was a poet, but also a wise, free-thinking statesman doing all his best for the freedom of the people. No matter how much Vagif lived in the

palace, he saw the obscenity, the hardships of life at court, and he hated that kind of life.

The character of Vagif in the drama and opera is also presented as a true friend. As we know from the literature, two prominent poets of Azerbaijan, Molla Panah Vagif and Molla Veli Vidadi, established more friendly relations with each other. Both Samad Vurgun and Ramiz Mustafayev did not miss this important fact. An example of this is the “Cranes” song by Vagif and Vidadi in the story I, Act I of the opera (Molla Veli Vidadi is Azerbaijani poet who lived in the period of Molla Panah Vagif. Samad Vurgun presented to the reader the character of Vidadi as a nice old man with a clear conscience, looking at life philosophically. In the drama and opera Vidadi is a positive character. He was always there with Vagif, tried to support and protect his friend from the yoke of Ghajar).

According to Samad Vurgun and Ramiz Mustafayev, Vagif is faithful spouse at the same time that known treason. The wife of a hardworking, non-greedy, faithful Vagif philosophically treating the world, is completely his opposite. This contradiction between the two characters causes the tragic end of their relationship. Such action from the woman who committed treason is similar to trickery of the enemy, and shocked Vagif. The tragic end of Vagif’s love is shown in the duet with Khuraman in Act IV of the opera. This duet can also be considered as the culmination of the lyrical feature of the opera. Vagif not condoning the betrayal, lost his love forever.

In the “Vagif” drama and opera, not all characters are historical. One of the positive characters created by Samad Vurgun is a folk hero, Eldar. If we imagine Vagif as a generalized character of the Azerbaijani poets and writers of that age, Eldar represents a generalized image of national heroes of Azerbaijan, such as Babak, Koroglu, Gachag Nabi and other heroes who fought for freedom throughout history. In the both drama and opera, Eldar is presented as one of the close friends of Vagif. He agrees with Vagif, fight-

ing for the same idea. Eldar saves his friend and his son, Alibek, from death, freeing them from the heavy wood in the story VI.

Throughout the opera the composer used the leitmotif built on the intonations of Zabul-Seigah mugham to represent the musical content of Eldar. In general, Zabul-Seigah mugham is mugham, which generates the zeal and desire for reunification in humans. Ramiz Mustafayev conveyed his leitmotif through the intonations of Zabul-Seigah mugham in order to prevent the creation of such a nature for the character of Eldar in the opera.

The largest negative image created in the drama of Samad Vurgun "Vagif" is that of Iranian Shah, Aga Mohammed Shah Ghajar. The Iranian army, under the leadership of the Aga Mohammed Shah Qajar, attacked Azerbaijan twice in the XVIII century, and during the second attack, the Karabakh khanate was occupied. Both Samad Vurgun and Ramiz Musta-

fayev revealed these facts of history in the "Vagif" drama and opera.

The character of Ghajar originated in the opera. In the drama he is presented as a cruel tyrant, like a man who wants to stain the world with blood, and an eunuch hating the world around him. However, it should be noted that although Samed Vurgun presented Aga Mohammed Shah Ghajar as the alien invader, in fact, this historical figure was a wise, visionary head of state, a scientist, a skilled fox hunter and a very patient and resilient person.

Ramiz Mustafayev showed the features Ghajar described verbally by Samad Vurgun, through special musical characteristics. As previously noted, the composer wrote the leitmotif for the character of Ghajar, one of the main characters of the opera. The composer used the paradigmatic style to create a negative character in the keynote (tremolo, jump, chromatism, dissonant intervals).



Example 3.

In the drama and opera the insidious tone and despotism of the Ghajar is clearly visible in his relation to the hard-working people. For example, in the scene of Ghajar with the chorus in Act II, the choir covers arioso reflecting the calm nature caused death and oppression.

Although Samad Vurgun and Ramiz Mustafayev very clearly emphasized the hatred and anger of Ghajar towards the world and humanity, and his desire to destroy them, at the same time,

they explain the reason for this attitude. The reason for such cruelty from Ghajar is a misfortune in his personal life, and it annoys the image of his fate. The pain of such resentment tries to cover the world with blood. Ramiz Mustafayev reviled these features through the aria in Act II. The composer assessed the two sets of content of the three-part aria as a possibility of revealing two features of the character – the brutality, tyranny and futility in his personal life, which disappointed him. Also, another

er point should be noted, is that despite the fiery words of the aria, the music is soft by comparison.

The drama and opera include the woman who supports two different positions. The first characteristic of the woman named Khuraman, is the wife of the main hero of opera – Vagif. Samad Vurgun and Ramiz Mustafayev were inspired by him represented this character with the complex nature subjected to transformation. Khuraman is represented as a character wishing for a rich life, not appreciating the honor and glory, a woman who committed treason, sold for wealth, and finally realized her mistake and committed suicide.

Ramiz Mustafayev fully disclosed all the features of the character of Khuraman in II story, Act I. This aria written in the complex form consisting of three parts shows the attitude of Khuraman to her husband, the assessment of her positive and negative characteristics, praise, condemnation and women's greed. The scene of betrayal in the "Vagif" opera takes place during a meeting of Khuraman with the insidious old woman and Sheikh sent by Ibrahim Khan to avenge Vagif. Thus, Khuraman takes a step to her unfortunate end.

The repentance by Khuraman is shown in the prison scene with Vagif in the story II, Act IV. Although Khuraman apologizes for shame from the beloved national poet among the crowd, she is not forgiven. Here, the duet of Vagif and Khuraman is the culminating point of lyrical and dramatic features of the opera.

In the "Vagif" play, Samad Vurgun created the character of Gulnar, completely different from the character of Khuraman and summarizing the features of the real immaculate Azerbaijani woman. The composer in turn imitated such features in the play. Gulnar plays a positive role for the opera, and always supports Vagif, her father-in-law. Vagif, in turn, respects and honors his daughter-in-law. Even through in the aria dedicated to Gulnar, he says to his son about his admiration with blameless and morality of Gulnar.

Thus, as a result of the comparative analysis carried out with respect to the "Vagif" drama by Sama-

dVurgun and the same name opera by Ramiz Mustafayev, it may be noted that both works, in turn, are jewels of our literature and culture. In the drama and opera, the authors reflected the hard life of the people, princes and poets, the actions of these poets, through lyrical personification of internal features (mainly, the character of Vagif), and also used the poems of their works.

It can be said that dramaturgy of the drama and opera are developing in the same direction. However, librettist F. Mehdiev takes into account the differences. The story, together with the drama and opera genres, made some cuts. So, in the opera there is no a new character that is different from the drama, even the number of the opera characters has been reduced (Kurd Musa, Ilyas, Teymur Ahmed kishi, Gurbankishi Qasim Murad Arshak, Amin Tukazban, Telhek), and the names of some have been modified (the name of the small Georgian was changed to a Georgian prisoner, the name of Zulfugar – to the pylorus).

The authors places the main character – Vagif, in the center of the drama and opera, relating him directly to most of the events taking place in the story. As a result, many features of the character are represented, and the composer provides it to the viewer by two leitmotifs, aria, aria, duet, and etc.

Patriotism, courage, loyalty, and other characteristics inherent to the character of Vagif, are also portrayed in his close friends (M. M. Vidadi and Eldar). These aforementioned features combine them and create a front against the opposition. This is the cause of conflict in the story, both in the drama and opera.

The "Vagif" opera by Ramiz Mustafayev played on June 23, 1960 on the stage of the Azerbaijan State Opera and Ballet Theatre named after M. F. Akhundov, was greeted by the audience with great interest. In November 2016, at the festival dedicated to the 90th anniversary of Ramiz Mustafayev the "Vagif" opera was again played on the stage of the Azerbaijan State Opera and Ballet Theatre.

References:

1. Faseh R. The relationship between words and music in Azerbaijani mugham. Baku: Chirag publishing house – 2004. – P. 134.
2. Vurgun S. The Selected Works. Five volumes, Volume IV. Baku: East-West. – 2005. – 400 p.

Section 3. History and archaeology

*Palunchanka Volha,
Leading Bibliographer of the National Library of Belarus
E-mail: polunchenkoolga@yandex.by.*

THE NESVIZH MILITARY SCHOOL IN HISTORIOGRAPHY, 1845–2016: FOR THE 270TH ANNIVERSARY OF ITS FOUNDATION

Abstract: The Nesvizh Military School is the first military educational institution on the territory of Belarus. The history of creation and different periods of activity of The Nesvizh Military School at the time of M. K. Radziwill “Rybonka” and K. S. Radziwill “Pane Kokhanku” is reflected in the pages of scientific, popular science, socio-political, literary and art publications of Belarus and Poland. Most authors mention cessation of the Nesvizh Military School activities in the 1770s in their works. In the Belarusian historiography, only the book by N. Volkov “Artillery of the Nesvizh Castle” contains some scientifically grounded information about the artillery unit organization by K. S. Radziwill “Pane Kokhanku” on his return to Nesvizh in the spring of 1784 that was based on a military school, which was revived a little earlier, in 1783. N. Volkov’s book “Artillery of the Nesvizh Castle” is the best publication in Belarusian historiography as it contains information previously unknown to the reader and gives grounds to conclude that the activity of the Nesvizh Military School has not been explored well and requires further study.

Keywords: Nesvizh Military School, N. Volkov, “Artillery of the Nesvizh Castle”.

The Nesvizh Military School is the first military educational institution on the territory of the Grand Duchy of Lithuania and Belarus. This year, it has turned 270 years old since its official opening. To date, there is no separate publication on the activities of the Nesvizh Military School. It has not become the topic of a dissertation research either. The number of sources that analyze and disclose its activity is also small. In this article, we attempted to track the reflection of the creation history and different periods of activity of the Nesvizh Military School in the pages of the publications presented both by books of individual authors and by articles in the pages of reference books, collections, conference materials, periodicals of Belarus and Poland, to find out where authors’ opinions coincide and differ.

We paid special attention to the chronological depth of the sources that authors used when writing their books, and the availability of references to archival materials in the texts. Among the Belarusian-Russian materials, we considered: “The Diary of Mikhail Kazimir Radziwill Rybonka” prepared for publication by V. Oreshka and published in the magazine “Spadchyna”, as well as some of its fragments used in publication of the selected works of F. U. Radziwill, and the papers written by N. Volkov, D. Krivosheev, A. Metelsky, V. Pozdnyakov, V. Rakutis, A. Zhmurovsky, O. Kletschina, A. Samovich, Yu. Tsarevich, P. Brigadin and A. Lukashevich, A. Samusik. The authors of the materials published in Polish include M. J. Bączkowski, M. Borucki, A. Cwer, H. Dymnicka-Wołoszyńska, A. Knot, S. Kościolkowski, M. J. Lech, P. Ostolski,

M. Pasztor, J. Rys, A. Sajkowski, W. Syrokomla. The Nesvizh Military School laid the foundation for establishment and development of the national military science, brought country's military education to a qualitatively new level. Therefore, the publications devoted to cadet education in modern independent Belarus were included in the analyzed sources – Ye. Zatirka, N. Kotovich in co-authorship with M. Tomkovich and A. Romanovskaya, T. Bletsko, the book by co-authors Yu. Gavrilchenko and M. Misko. We wanted to track how often the Nesvizh Military School is mentioned, and whether its memory is honored.

At first, we turned to the reflection of the history of the Nesvizh Military School in the pages of the reference publications. The characteristics of the terms “military school” and “military schools” in the pages of the publications “Belarusian Soviet Encyclopedia” [14] and “Encyclopedia of the History of Belarus” [15] do not contain any specific information about the Nesvizh Military School. In the pages of the second publication, it is simply mentioned among others. The content of V. Pozdnyakov's articles in the pages of 1999–2006 reference publications [29; 30; 31; 32] written on the basis of M. Lech's and S. Kostelkovsky's materials is completely identical. Since the first publication, the material was further reprinted from a publication to a publication for 7 years, and V. Pozdnyakov studied neither archival documents nor publications of other authors. This approach characterizes the content of the Belarusian encyclopedias not from the best side and affects edition's authority, even if it is an isolated case. Now, if the author had reviewed the contents of M. Bonchkovsky's materials published in 1994, the Belarusian encyclopedias would give the reader more reliable information about The Nesvizh Military School, and would not continue further falsification of its history. In his review of M. K. Radziwill's activities in the pages of the encyclopedia “Grand Duchy of Lithuania”, A. Gritskevich mentions duke's establishment of a military school for training officers for his own army [10, P. 497].

In the pages of the encyclopedia “The Republic of Belarus”, A. Samusik [37] associates cessation of the existence of the Military School of K. S. Radziwill, contrary to other authors, with introduction of the military subjects in the curricula of a number of secular and district schools. Unfortunately, there is no source list in this article. In general, the content of the material and statistical data of 1751 (13 cadets) and 1770 (17 cadets) coincides with V. Pozdnyakov's information, but for three exceptions. Firstly, the author outlines the number of teachers invited from Germany as accounting to 6, secondly, the number of cadets (60) of 1785, which runs counter to the statistical data of N. Volkov's table, according to which the military school amounted to 44–49 cadets within the artillery unit [7, P. 182], and thirdly, 14 cadets are specified in M. Bonchkovsky's table [42, P. 46] from February to the end of 1770. In this case, the statistical data of N. Volkov's and M. Bonchkovsky's tables of 1785 coincide (N. Volkov's data does not contain 1770).

D. Krivosheev's [19; 20; 21; 22] materials on the activities of the Nesvizh Military School of the time of M. K. Radziwill «Rybonka» and his son K. S. Radziwill «Pane Kokhanku» are published in the pages of the historical editions and periodicals of 1993–2011. Analyzing the activities of M. K. Radziwill «Rybonka»'s school [19], the author primarily studied the works of Polish researchers B. Taurogiński [59] and M. J. Lech [50], and analyzing the time of K. S. Radziwill “Pane Kokhanku” [20] – S. Kościolkowski [49] and “Papiery Pana Ambrożego” [60], as well as W. Syrokomla [58, P. 166]. The author emphasizes the designation of the military school for the petty bourgeoisie children, which distinguished it from Warsaw Knights' School that could admit only children of the Lithuanian and Royal nobility. According to the author, material difficulties are the main reason for the small number of students. D. Krivosheev's statistical information of 1764 (41 people) is contradicted by the information from N. Volkov's table [8, P. 180]

that states 135–169 people in February – April of the same year, 139 people – before this period, in December 1763, and 76 people – in March 1765. Obviously, just before 1764 and the following year, the number exceeded 41. D. Krivosheev published “Three Documents from the History of The Nesvizh Military Schools” in Polish [38] that included “Register of Students of the Nesvizh Horse Riding School from 1740 to 1749” [35], “Charter for the Students of Nesvizh Knights’ School who are Practicing Equestrian Riding in the Arena” (dated March 30, 1746, Nesvizh) [39] and “Resolution for the Headmaster of the Nesvizh Military School” (May 25, 1747 – September 4, 1748, Nesvizh) [33]. Exploration of the periods of activity of the Nesvizh Military School that started with small newspaper notes and the article “Cadets of Pane Kokhanku” were followed by the historiographic materials and the publication of archival documents. D. Krivosheev’s materials were written on the basis of the same printed sources and documents from the archival funds of Warsaw, Lithuania and Belarus. We consider D. Krivosheev’s works to be distinctive in the Belarusian historiography.

Within the denoted topic, we have analyzed the publications of A. Lukashevich presented with the articles [23, 24], one of the sections of the monograph “Military School of Belarus, XVIII century – First Quarter of XIX Century” co-authored with P. Brigadin [5] called “Military Educational Institutions of the Polish-Lithuanian Commonwealth” and the thesis “Officer Training in the Military School within Belarus (1778–1863)” protected in 1999 [25]. The section of the monograph contains very short information about the activity of the Military School of the time of M. K. Radziwill “Rybonka” and K. S. Radziwill “Pane Kokhanku”, because the co-authors did not go deeply into the material, and they only refer to the above materials of D. Krivosheev of 1996 [22] and V. Pozdnyakov of 1999 [32]. In the content of the thesis, the Nesvizh Military School is not even mentioned, despite the coincidence of the period studied in the thesis with the period of exis-

tence of the Military School as part of the artillery unit of the Nesvizh Castle. According to A. Lukashevich, the first military educational institutions of the period of the Polish-Lithuanian Commonwealth could not be organizationally strengthened, and ceased to exist after the first split of the Polish-Lithuanian Commonwealth [25, P. 94].

It is common knowledge that the first split of the Polish-Lithuanian Commonwealth took place in 1772, while the statistical data of N. Volkov’s tables indicate that the Military School existed in 1783–1791, and since October 16, 1791–1792, the cadets and the sub-officers were made geometers [7, P. 183]. In the articles of A. Lukashevich, the Nesvizh Military School is only mentioned among other units. Based on the analysis of the published materials of A. Lukashevich and the thesis, we came to the conclusion that the author had covered the activities of the Nesvizh Military School in a sketchy way, and he merely ignored it in his thesis. Existence of the Military School in Nesvizh is confirmed by the tables of N. Volkov and M. Bonchkovsky “Cadets of the Knights Academy in Nesvizh 1747–1792” and “Commandants of the Garrison and Governors of the Knights Academy in Nesvizh 1759–1792” [42, P. 46–49]. And while the tables of N. Volkov were printed in the book “Artillery of the Nesvizh Castle” in 2015, the materials of M. Bonchkovsky were published in 1994–5 years before A. Lukashevich defended his thesis.

In the pages of A. Metelsky’s books “Owners of the Old Nesvizh” and “Forgotten Alba” published in Minsk in 2014, the activities of the Military School in Nesvizh are also mentioned. According to the author, the Military School of M. K. Radziwill “Rybonka” [26] ceased its activity in the middle of XVIII century, because the children of the tycoon, Karol and Janusz, whose upbringing was the main motivation for the school foundation grew up, and the Duke lost his interest in it. The author attributes the revival of the Military School by K. S. Radziwill “Pane Kokhanku” [27] to 1767–1768, and its activity cessation – to 1770–1771, which is explained by the

references to the materials of P. Brigadin and A. Lukashevich. At the same time, the Polish researcher M. Bonchkovsky [42] suggests 1750–1762 to be the second period of the school existence, when Frychinsky was the Headmaster, and the General-Admiral of Police Traubnich nicknamed as “the governor” was performing the general control over the academy. M. Bonchkovsky calls the period of 1762–1767 “transitional”, since K. S. Radziwill was taking over the affairs after his father’s death and was occupied with political issues. In the pages of the newspaper “Forgotten Alba”, A. Metelsky notes that, although M. K. Radziwill used the zoo area as a site for inspection of his troops from time to time, the written sources do not provide any information concerning the activities of the military school and academy in Alba, the more so concerning any artillery training [28, P. 40].

V. Rakutis [34] and M. Bonchkovsky [42] attribute the idea to create a military school in Nesvizh to 1730, when M. K. Radziwill “Rybonka” visited the Dresden Military School. And here we have 8-year chronological contradictions again. The Dresden horse carousels from the materials of Yu. Tsarevich [40] and O. Kletschina [18] come up in mind at once, with a description of Mikhail Kazimir’s participation in them on February 17, 1722. The visit of Saxony Duke is also mentioned by A. Saikovsky [56, P. 409]. But, in the pages of the Polish biographical dictionary, H. Dymnicka-Wołoszyńska [45] mentions M. K. Radziwill’s visit to Saxony in the mid-1730s and the foundation of a military school in Nesvizh in 1747 that was modeled after the existing institutions of Lunéville, Dresden and Legnica. Since M. K. Radziwill had visited Saxony among other countries for several times before the establishment of the Military School in Nesvizh, it is difficult to determine the visit, during which the Duke decided to establish a military educational institution in his possessions. Perhaps, the owner of the Nesvizh Ordinance had been planning this for several years in a row.

In the material “Milicje Radziwiłłów jako oręż feodałów w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi i Litwie” [50], M. J. Lech categorizes M. K. Radziwill’s Military School as a secondary school rather than a military educational institution. Presentation of the material on the cadets is very similar in the works of M. Pasztor [52] and M. J. Lech. The chronological interval between publications is 33 years, and there are text references to different sources. M. J. Lech is referred to by M. Pasztor only regarding the issues of the Radziwill militia.

Comparing the contents of the Resolution on the Foundation of the Military School dated May 25, 1747 with the records on the Lignytsky school, A. Sajkowski [55; 56] suggests that the beginning of the Charter was copied from Lignitsky. The researcher described participation of the cadets in theatrical staging of Polish and French comedies in 1749–1752 under the direction of Frychinsky. In the content of M. K. Radziwill’s diary, there is a record dated June 15, 1749 stating that his cadets performed the roles in the production of the French comedy, which took place after dinner, and they performed very well [11, P. 392]. According to M. Bonchkovsky [42], there are not enough sources to assert that the Nesvizh Military School was modeled after a Warsaw or Lunéville institution. M. Bonchkovsky suggests that the Military School in Nesvizh is more like a German school, which can be evidenced by regular drills that arose in 1743 through Frederick II, and the Radziwill militia included many officers of German descent.

From the very beginning, there was lack of discipline in the cadet environment, and conflicts appeared. Cadet Volovich would not sit at the general cadet table. Zakrevsky would snicker at Tomitsky and Konopets who could not afford buying new uniforms. Ruzhevsky could not find a place for himself either at the table or in the barracks for long. Cadet Zhovtovsky abandoned the guard post and a horse in the field, joined the corporal and went to priest’s place and had danced until panna Keczynska lost her consciousness. He would be punished for violation

of discipline because of the fair sex more than once. A. Saikovsky also mentions the priest Antony Zhebrovsky who had a lot of criticism regarding the cadet discipline. Not only would they skip classes, but even if they did attend, they would disappear without waiting until the classes were over. But if the cadets had to endure it to the end, they behaved self-willed for sure. Even if some of them wished to observe discipline, they were necessarily hampered by others. On religious holidays, the cadets would not appear in the church, and if they did, they would behave indecently [55; 56].

M. K. Radziwill was very concerned about the violation of discipline, therefore, to control the activities of the school, a Decree dated May 25, 1747 was introduced, which regulated the training program and the rhythm of life of the academy. M. Bonchkovsky described in detail the daily routine of the cadets, punishments for faults, generation of respect for Radziwill's house, religious education, teaching staff, organizational difficulties, lack of textbooks and other literature to assist the educational process including the lack of publications in French and German. The researcher emphasizes exhaustion of the cadets from a large number of different classes and versatile duties including endless duty service.

M. Bonchkovsky divides the activity of the Military School into four periods – 1747–1749, 1750–1762, 1762–1767, 1768–1792. Researcher's publication contains a review of the works by B. Taurogiński, E. Kotlubay, M. Lech, V. Lisovsky. The valuable tables "Cadets of the Knights Academy in Nesvizh 1747–1792" and "Commandants of the Garrison and Governors of the Knights Academy in Nesvizh 1759–1792" both contain statistical data and point to the archival funds, from which the information is taken. The work by M. J. 42. Bączkowski (M. Bonchkovsky) «Akademia Rycerska w Nieświeżu i radziwiłłowskie korpusy kadetów w XVIII wieku» is considered fundamental, informative and worth looking up to. Unfortunately, in the Belarusian historiography, no one of the authors selected by us except N. Volkov

and O. Kletschina, refers to M. Bonchkovsky, only partially to S. Kostelkovsky. This is especially applicable to the materials of V. Pozdnyakov in the pages of Belarusian encyclopedias.

A. Samovych analyzes the activity of the military unit of artillery and engineering of the time of K. S. Radziwill "Pane Kokhanku" [36]. A. Samovych considers the work by S. Kostelkovsky [49] to be the main source on activity of this institution, and he associates the idea of establishment of the military school with the influence of the Warsaw Military School (1765) on the Duke. On some reason, the author does not even mention the K. S. Radziwill's revival of the deed initiated by his father. It turns out that the Warsaw Military School affected K. S. Radziwill, but the cadet education received in his father's school did not affect him. In our opinion, A. Samovych covered the period taken for analysis superficially, because the author did not consider all the sources on the topic existing at the beginning of 2004. Take, for example, the work of the above mentioned M. Bonchkovsky of 1994 that discloses some previously unknown information about the activities of the Military School in Nesvizh. A. Samovych is also one of the reviewers of the book by Yu. Gavrilchenko and M. Misko "Cadet Education" [9].

Despite the fact that the book was published in 2015, the material on the Nesvizh Military School is represented by the reprinted article by V. Pozdnyakov [32] written on the basis of obsolete studies. In our opinion, the candidates of sciences are very careless about the inclusion of the information on the Nesvizh Military School in the contents of the book. Any academic degree imposes obligations first, and provides opportunities after.

Moreover, the activities of the Military School of K. S. Radziwill's time were considered by M. Borucki [43], P. Ostolski [51], A. Zhmurovsky [12], J. Ryś [54], A. Knot [47; 48], A. Cwer [44] in their works. M. Borucki believes that K. S. Radziwill was guided, as always, by his ambitions and desire to compare with the King of Poland, but there

was no corresponding professional education in the school. P. Ostolski reports that the Military School in Nesvizh was established in 1767 and existed for 10 years. A. Zhmurovsky mentions that the school had existed until 1775. J. Ryś associates the active development of the school since 1767 and cessation of existence since 1784 with the occupation of Nesvizh by Russian troops [54, P. 7]. And again, another contradiction that runs counter to the publications of N. Volkov, M. Bonchkovsky and other researchers. A. Knot argues that during the visit of the last king of the Polish-Lithuanian Commonwealth S. A. Poniatowski to Nesvizh in 1784, the Military School was no longer there. Similar information is contained in the material “Kadetów szkoły w dawnej Polsce» in the pages of the reference publication [46, P. 332]. A. Cwer emphasizes that in Lithuania, K. S. Radziwill’s school founded in 1767 was the first institution of this type and ceased to exist in 1776 due to the occupation of Nesvizh by Russian troops. At the same time, A. Cwer notes that in 1768, on the initiative of M. K. Radziwill “Rybonka” and with the support from the Polish King, it was possible to organize a second school in Nesvizh, and the first in the history of the Polish schoolchildren “The Maitkov Military School” [44, P. 21]. M. K. Radziwill “Rybonka” died in 1762 [45, P. 299], and he could not take part in any events in 1768. Nor was the Military School of 1767 the first in Lithuania and in Nesvizh.

In 2015, the book by N. Volkov “The Artillery of the Nesvizh Castle” that was already repeatedly mentioned appeared in the book market of Belarus [8] and put an end to the falsification of the history of the Nesvizh Military School in the Belarusian historiography. One of the sections of the book “The Reform of the King Stanislav Radziwill “Pane Kokhanku” contains information about the military school. The author explains the difference between K. S. Radziwill’s military school and the school of his father. Among the works of the Belarusian historiography, only N. Volkov’s book contains information about the establishment of the artillery

unit by the magnate on his return to Nesvizh in the spring of 1784. It was based on the Military School, whose activity was resumed a little earlier, and as soon as in October 1783, the personnel of the Military School included 71 cadets. In the second half of 1785–1788, the structure of the artillery unit remained unchanged. 6–9 officers and 7–19 sub-officers headed the artillery unit. At the beginning of 1785, the Military School was isolated from the Gunners again, in which 41–49 people served. During the specified period, the number of Gunners and Handlayers was 56–121 and 46–50 people. In addition, 3 drummers and 3 fifers served in the unit. In total, 170–250 people served in the artillery unit. Unfortunately, according to N. Volkov, it was not possible to find information on the practical training of the cadets and gunners. Surprisingly, after the death of K. S. Radziwill in November 1790, his militia was significantly reduced, and the artillery unit was pretty much eliminated. In December 1790, only 4 sub-officers, 8 cadets and 16 gunners were left from the former artillery unit. In October 1791, the cadets and sub-officers were made geometers: they were sent to the civil service based on pragmatic considerations [8, P. 149–150].

Each section of N. Volkov’s publication contains a list of sources used in work preparation, presented by archival documents, with rare exceptions. In contrast to the works of other authors, N. Volkov’s book gives more detailed information about the fate of K. S. Radziwill’s Military School, the revival of the Military School as part of the artillery unit in 1783–1784. The appendix of the publication contains 13 tables, among which tables No. 12 “The Artillery Unit in 1767–1768” and No. 13 “The Artillery Unit in 1783–1792” are of interest for us within the relevant issue. Based on the tables compiled by N. Volkov, we would like to focus on the number of cadets in the years indicated by the author.

Based on the information from N. Volkov’s tables, we came to the conclusion that the dynamics was rather negative than positive. From May to October

1768, there is a small quantitative improvement. With the revival of the unit in 1783, the number of cadets exceeded 1768 by more than two times (+39 cadets). But as soon as in January 1784, the membership was reduced by 2 units. Despite the fact that by 1.03.1784, there was a positive trend (14 cadets), in January 1785, their number dropped down to 49 cadets (-35 people), by almost 40%, and by the end of the year, it reached 50%. A relative quantitative stability was characteristic of 1786 – September 1788. While in September 1788, the number of cadets was 43–45 people, in January 1790, it amounted to 32 cadets, and in December of the same year, their number was reduced from 18 to 8 people. In October 1791, the sub-officers and cadets were made geometers. Their main task was to measure and prepare land plot layouts. Until April 1792, the number of geometers had remained stable, 8–9 people. Later, based on these human resources, a surveyor school was established, which was located in a stone building on the south-west side of the market square.

When comparing the number of cadets according to N. Volkov's and M. Bonchkovsky's tables, the materials coincide with a rare insignificant exception or complement each other. For example: the number of cadets in M. Bonchkovsky's table is given for 1750–1751, 1757, 1760, and in N. Volkov's tables – for 1787–1788. Even if the reflected years coincide, like with 1784–1786, N. Volkov's tables give a more detailed reflection of cadet's population by months. Among the analyzed materials whose authors review the activity of the Nesvizh Military School of the period of K. S. Radziwill, we consider N. Volkov's publication "Artillery of the Nesvizh Castle" to be the best in Belarusian historiography and worth looking up to, because it contains scientifically grounded information previously unknown to the reader. The contents of Volkov's book give us grounds to conclude that the activity of the Nesvizh Military School has not been sufficiently investigated and requires further thorough study.

From time to time, the journals "Education and Upbringing" and "Education of the Minsk Region"

publish the materials on the current state and history of cadet education in the Republic of Belarus. Of the 3 articles devoted to cadet education, the Nesvizh Military School is mentioned in two of them written by N. Kotovich co-authored with M. Tomkovich (2012) [16] and L. Romanovskaya (2016) [17]. Within the concept of the cadet education and upbringing of the Republic of Belarus, it is noted [17] that the modern system of the cadet education is based on the maintenance of cadet traditions of the times of Imperial Russia and Soviet Suvorov educatees. The Slonim cadets of Independent Belarus are engaged in the reconstruction of the 28th Polotsk Infantry Regiment of the Russian Imperial Army [13]. According to the Minsk Governor A. Petrovich, a graduate of the school of 1855, the Polotsk Military School was founded in the Western Region for promotion of the enlightenment ideas, Russian patriotism and Russian affairs [16, P. 8]. At the same time, according to T. Bletsko [4], the main goal of military education is training of the state-minded citizens oriented towards serving their Motherland. Based on the analysis of these materials, we came to the conclusion that a clearly marked Russian orientation under the motto of the patriotic upbringing of modern Independent Belarus is seen in the education of the Belarusian cadets.

We also want a military school to reappear in Nesvizh, but we do not want it to support the cadet traditions of Imperial Russia in any way. The new Nesvizh Military School should become a copy of the Nesvizh Military School of the 9th and 10th ordinates – MK Radziwill and his son K. S. Radziwill. Even if we fail to fully document its memory during the archives research, it still has to become as historically reconstructed as possible. The new Nesvizh Military School will be the first one among the existing military schools in modern Belarus, which adequately represent the memory of the first Military School on our lands, because there is no respect for its memory in the modern cadet education.

Based on the analysis of the sources on the activities of the Nesvizh Military School of 1845–2016, we came to the conclusion that the historiography does not contain any work that would describe its activity to the fullest extent, as much as the existing source allows it. Speaking of the cessation of the activity of the Military School in Nesvizh, some authors mention 1770–1771, some – 1775–1776, others – 1784, etc. The situation with the foundation date is also not unambiguous, some mention M. K. Radziwill’s “Rybonka”’s school, others associate the beginning of military education in the Belarusian lands with K. S. Radziwill “Pane Kokhanku”. The works by S. Kostelkovsky (1912) and B. Taurogiński (1937) are very popular among researchers.

Unfortunately, we did not manage to get acquainted with the contents of B. Taurogiński’s book. S. Kostelkovsky’s work [49] reviews the Military School of the time of K. S. Radziwill “Pane Kokhanku” described on the basis of studying the letters of K. S. Radziwill, Froelich and Frychinsky, papers of Pan Ambrosia [60], works by W. Syrokomla (1853)) [58], co-authors M. Balinski and T. Lipinski “Ancient Poland” (1897). Without taking into account the archival materials, the chronological depth of S. Kostelkovsky’s work suggests 1845–1897.

And further on, right after the publication had been issued, its further rewriting began, with reference to S. Kostelkovsky and the authors he referred to, and with further references to each other. Thus, for example: D. Krivosheev, V. Pozdnyakov, A. Samovych, M. Borucki, A. Cwer refer to S. Kostelkovsky; P. Brigadin and A. Lukashevitch, Y. Gavrilchenko and M. Misko, D. Krivosheev refer to V. Pozdnyakov; D. Krivosheev, V. Pozdnyakov, M. Bączkowski, M. Pasztor refer to M. Lech; P. Brigadin and A. Lukashevich, A. Metelsky refer to D. Krivosheev. Thus, the same information circulates in a cycle. Only N. Volkov, O. Kletschina, V. Rakutis refer to M. Bonchkovsky.

Among the works published after S. Kostelkovsky’s and B. Taurogiński’s materials, we consider the works by the Pole M. J. Bączkowski and the Belarusian N. Volkov to be the best ones in the historiography, D. Krivosheev’s publications to be distinctive, as they are characterized with novelty and further development of the topic based on the archival documents. We would like the publishers and authors of the materials to show more responsible attitude when reflecting the history of the Nesvizh Military School, the educational institutions to respect its memory, and the Nesvizh Military School to necessarily become the topic of the thesis of an experienced scientist.

References:

1. Арэшка, В. М. “Дыярыгуш” Міхаіла Казіміра Радзівіла “Рыбанькі” / В. М. Арэшка // Спадчына. – 1994. – № 4. – С. 18–45 ; № 5. – С. 37–57.
2. Арэшка, В. М. “Дыярыгуш” Міхаіла Казіміра Радзівіла “Рыбанькі” / В. М. Арэшка // Спадчына. – 1995. – № 1. – С. 52–65 ; № 2 – С. 47–75 ; № 3 – С. 100–137 ; № 4. – С. 35–59 ; № 5. – С. 135–161 ; № 6. – С. 170–199.
3. Арэшка, В. М. “Дыярыгуш” Міхаіла Казіміра Радзівіла “Рыбанькі” / В. М. Арэшка // Спадчына. – 1996. – № 1. – С. 195–223 ; № 2. – С. 205–233 ; № 4. – С. 219–250.
4. Блецко, Т. В начале пути / Т. Блецко // Образование Минщины. – 2011. – № 3. – С. 17–19.
5. Бригадин, П. И. Военные учебные заведения Речи Посполитой / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич // Военная школа в Беларуси, XVIII – первая четверть XIX в. / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск, 2004. – С. 11–17.
6. Волкаў, М. Корпус артылерыі ў 1767–1768 гг. : табл. 12 [корпус кадэтаў, 4-ты стаўбец] / М. Волкаў // Артылерыя Нясвіжскага замка / М. Волкаў. – Мінск, 2015. – С. 181.

7. Волкаў, М. Корпус артылерыі ў 1783–1792 гг. : табл. 13 [корпус кадэтаў, 4-ты стаўбец] / М. Волкаў // Артылерыя Нясвіжскага замка / М. Волкаў. – Мінск, 2015. – С. 182.
8. Волкаў, М. Рэформа Караля Станіслава Радзівіла Панае Каханку / М. Волкаў // Артылерыя Нясвіжскага замка / М. Волкаў. – Мінск, 2015. – С. 137–154.
9. Гаврыльченко, Ю. П. Кадетское образование / Ю. П. Гаврыльченко, М. В. Мисько. – Минск : Аверсэв, 2015. – 175 с.
10. Грыцкевіч, А. Радзівіл Міхаіл Казімір // Вялікае княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / А. Грыцкевіч / Беларус. навук.-даследчы ін-т дакументазнаўства і арх. справы ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – Т. 2. – С. 496–497.
11. Дзярыгуш князя Міхаіла Казіміра Радзівіла, ваяводы віленскага, гетмана вялікага ВКЛ : урыўкі / пер. з пол. В. Арэшкі // Радзівіл, Ф. У. Выбраныя творы : пер. з пол. і фр. / Ф. У. Радзівіл ; уклад. С. Кавалёва ; прадм. Ж. Некрашэвіч-Кароткай і Н. Русецкай. – Мінск, 2003. – С. 381–398.
12. Жмуровский, А. С. Практика подготовки кадров для органов внутренних дел (на примере кадетских корпусов и училищ) / А. С. Жмуровский // 95 лет милиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2012 г. / Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь : ред. Н. И. Минич [и др.] – Минск, 2012. – С. 21–28.
13. Затирка, Е. А. Белорусские кадеты: история и современность / Е. А. Затирка // Адукацыя і выхаванне. – 2005. – № 10. – С. 3–6.
14. Кадэцкі корпус // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / рэдкал.: П. У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1972. – Т. 5. – С. 210.
15. Кадэцкія корпусы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – Т. 4. – С. 5–6.
16. Катович, Н. К. История создания и развития кадетского образования и воспитания / Н. К. Катович, М. Ф. Томкович // Адукацыя і выхаванне. – 2012. – № 2. – С. 3–13.
17. Катович, Н. К. Приоритетные направления и практика организации воспитательной и идеологической работы в системе кадетского образования / Н. К. Катович, Л. А. Романовская // Адукацыя і выхаванне. – 2016. – № 6. – С. 9–17.
18. Клецкина, О. С. Саксонское влияние на развитие паратеатральной культуры и светского образования при дворе Радзивиллов в XVIII в. / О. С. Клецкина // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : матэрыялы V Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 20–21 лістап. 2014 г. / НАН Беларусі ; уклад. Ю. В. Пацюпа ; рэдкал.: А. І. Лакотка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 125–127.
19. Крывашэў, З. Арганізацыя і функцыянаванне кадэцкіх карпусоў Нясвіжа ў 40-я – сярэдзіне 50-х г. XVIII ст. / З. Крывашэў // Беларус. гіст. агляд. – 2009. – Т. 16, сш. 2. – С. 373–390.
20. Крывашэў, З. Нясвіжскі “хвалебны корпус кадэтаў і бамбардзіраў” Караля Станіслава Радзівіла ў кантэксце вайскова-палітычных падзей другой паловы 60–80 х гадоў 18 ст. / З. Крывашэў // Гіст. альм. – 2011. – Т. 17. – С. 64–79.
21. Крывашэй, Дз. З гісторыі корпуса кадэтаў / Дз. Крывашэй // Чырвоны сцяг. – 1993. – 25 мая. – С. 3 ; 29 мая. – С. 2, 4.
22. Крывашэй, З. Кадэты панае Каханку / З. Крывашэй // Беларус. мінуўшчына. – 1996. – № 3. – С. 71–73.
23. Лукашевич, А. Источники по истории военно-учебных заведений на территории Беларуси / А. Лукашевич // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – Вып. 1. – С. 207–215.

24. Лукашэвіч, А. М. Кадэцкі корпус / А. М. Лукашэвіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск., 1998. – Т. 7. – С. 407–408.
25. Лукашевич, А. М. Подготовка офицерских кадров в кадетских корпусах на территории Беларуси (1778–1863 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. М. Лукашевич. – Минск, 1999. – 105 л.
26. Метельский, А. А. Девятый несвижский ординат: Михаил Казимир Радзивилл Рыбонька / А. А. Метельский // Владельцы старого Несвижа / А. А. Метельский. – Минск, 2014. – С. 88–100.
27. Метельский, А. А. Десятый несвижский ординат: Кароль Станислав Радзивилл Пане Коханку / А. А. Метельский // Владельцы старого Несвижа / А. А. Метельский. – Минск, 2014. – С. 101–112.
28. Метельский, А. А. Расцвет XVIII века. Альба во времена Михаила Казимира Радзивилла Рыбоньки / А. А. Метельский // Забытая Альба: очерк истории загородной резиденции Радзивиллов под Несвижем / А. А. Метельский. – Гл. 2, ч. 2.1. – Минск, 2014. – С. 34–57.
29. Пазднякоў, В. Нясвіжскі кадэцкі корпус / В. Пазднякоў // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск., 2000. – Т. 11. – С. 416.
30. Пазднякоў, В. Нясвіжскі кадэцкі корпус / В. Пазднякоў // Вялікае княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 3 т. / Беларус. навук.-даследчы ін-т дакументазнаўства і арх. справы ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – Т. 2. – С. 373.
31. Пазднякоў, В. С. Нясвіжскі кадэцкі корпус / В. С. Пазднякоў // Памяць: Нясвіжскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад. С. П. Самуэль ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 59.
32. Пазднякоў, В. Нясвіжскі кадэцкі корпус / В. Пазднякоў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 346.
33. Пастанова для дырэктара Нясвіжскага кадэцкага корпуса : [25 траўня 1747 г. – 4 верас. 1748 г., Нясвіж] / публ. З. Крывашэева // Беларус. гіст. агляд. – 2009. – Т. 16, сш. 2. – С. 397–402.
34. Ракуціс, В. Міліцыя Радзівілаў у XVIII ст. / В. Ракуціс // Arche. – 2012. – № 6. – С. 92–135.
35. Рээстр вучняў Нясвіжскага коннага манежа з 1740 да 1749 г. / публ. З. Крывашэева // Беларус. гіст. агляд. – 2009. – Т. 16, сш. 2. – С. 393–394.
36. Самович, А. Л. Несвижский кадетский корпус (1767 – начало 1770-х гг.) / А. Л. Самович // Музей XXI стагоддзя: актуальныя праблемы дзейнасці : навук.-практ. канф., Мінск, 9–11 лістап. 2004 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; навук. рэд. Н. М. Усава. – Мінск, 2008. – С. 197–202.
37. Самусик, А. Ф. Несвижский кадетский корпус / А. Ф. Самусик // Республика Беларусь : энцикл. : в 6 т. / редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – Т. 5. – С. 430.
38. Тры дакументы з гісторыі Нясвіжскіх кадэцкіх карпусоў / публ. З. Крывашэева // Беларус. гіст. агляд. – 2009. – Т. 16, сш. 2. – С. 392–402.
39. Устава для вучняў Нясвіжскай рыцарскай школы, якія вучацца коннай выездцы ў манежы : [30 сак. 1746 г., Нясвіж] / публ. З. Крывашэева // Беларус. гіст. агляд. – 2009. – Т. 16, сш. 2. – С. 394–397.
40. Царэвіч, Ю. Месца homo militans у паратэатральных дзействах Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Царэвіч // Род. слова. – 2014. – № 3. – С. 85–88.
41. Barwiński, E. Archiwum ks. Radziwiłłów w Nieświeżu: rys jego history i sprawozdanie z poszukiwań / E. Barwiński. – Kraków : Akad. Umiejętności, 1913. – 13 s.
42. Bączkowski, M. J. Akademia Rycerska w Nieświeżu i radziwiłłowskie korpusy kadetów w XVIII wieku / M. J. Bączkowski // Wiek Oświecenia. – 1994. – Т. 10 : W kręgu nauki i sztuki. – S. 17–49.

43. Borucki, M. Po radziwiłłowsku: o życiu i działalności politycznej wojewody wileńskiego księcia Karola Radziwiłła "Panie Kochanku" / M. Borucki. – Warszawa : Lud.Spoldz.Wydawnicza, 1980. – 241 s.
44. Cwer, A. Wychowanie patriotyczno-obronne polskiej młodzieży w XVIII wieku / A. Cwer // Przegąd Hist.-Oświatowy. – 2008. – № 3/4. – S. 5–32.
45. Dymnicka-Wołoszyńska, H. Radziwiłł Michał Kazimierz zw. Rybeńko / H. Dymnicka-Wołoszyńska // Polski Słownik Biograficzny / Pol. Akad. Nauk, Inst. Historii ; Pol. Akad. Umiejętności. – Warszawa ; Kraków ; Wrocław, 1987. – T. 30/2, z. 125 / kom. red.: E. Rostworowski [et al.]. – S. 299–306.
46. Kadetów szkoły w dawnej Polsce // Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana : w 55 t. – Warszawa : Nakł. i druk S. Sikorskiego, 1890–1914. – T. 33/34. – 1903. – S. 330–333.
47. Knot, A. Rozwój szkolnictwa wojskowego w epoce Stanisława Augusta / A. Knot // Dzieje szkolnictwa wojskowego w Polsce / A. Knot. – Lwów, 1938. – S. 37–65.
48. Knot, A. Z przeszłości szkolnictwa wojskowego w Polsce / A. Knot // Przyjaciel Szkoły. – 1928. – R. 7, № 16. – S. 585–603.
49. Kościółkowski, S. Kilka szczegółów o korpusie kadetów w Nieświeżu [Electronic resource] / S. Kościółkowski // Litwa i Ruś. – 1912. – T. 4, z. 1. – S. 19–35. – Mode of access: <http://pbc.biaman.pl/publication/2168>. – Date of access: 13.01.2017.
50. Lech, M. J. Milicje Radziwiłłów jako oręż feudałów w walce z ruchami chłopskimi na Białorusi i Litwie / M. J. Lech // Roczn. Białostocki. – 1962. – T. 3. – S. 33–59.
51. Ostolski, P. Ewolucja polskiego szkolnictwa wojskowego / P. Ostolski // Zeszyty Nauk. Wydz. Zarządzania i Dowodzenia Akad. Obrony Nar. – 2016. – № 1. – S. 139–153.
52. Pasztor, M. Milicje magnackie Radziwiłłów: Michała Kazimierza "Rybenki" i Karola Stanisława "Panie Kochanku" : skład, organizacja, funkcje / M. Pasztor // Trudne stulecia : studia z dziejów XVII i XVIII wieku / red.: L. Kadziela, W. Kriegseisen, Z. Zielinska. – Warszawa, 1994. – S.140–146.
53. Radziwiłł, K. S. Korespondencja księcia Karola Stanisława Radziwiłła, wojewody wileńskiego "Panie Kochanku", 1744–1790 / K. S. Radziwiłł ; wyd. Cz. Jankowski. – Kraków : G. Gebethner i Spółka, 1898. – 315 s.
54. Ryś, J. Historia wychowania / J. Ryś // Roczn. Kom. Nauk Ped. – 2013. – T. 66. – S. 5–14.
55. Sajkowski, A. Od Sierotki do Rybenki: w kręgu radziwiłłowskiego mecenatu / A. Sajkowski. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 1965. – 254 c.
56. Sajkowski, A. Z dziejów teatru nieświeskiego (1746–1762) / A. Sajkowski // Pamiętnik Teatralny. – 1961. – R. 10, z. 3. – S. 399-433.
57. Rutkowski, S. Zarys dziejów polskiego szkolnictwa wojskowego / S. Rutkowski. – Warszawa : Wyd-wo Ministerstwa Obrony Nar., 1970. – 416 s.
58. Syrokomla, W. Wędrówki po moich niegdyś okolicach: wspomnienia, studia historyczne i obyczajowe / W. Syrokomla. – Wilno : Józef Zawadzki, 1853. – 248 s.
59. Taurogiński, B. Z dziejów Nieświeża / B. Taurogiński. – Warszawa : Archiwum Ordynacji Nieświeskiej, 1937. – 268 s.
60. Papiery Pana Ambrożego // Athenaeum. – 1845. – T. 6. – C. 171–225.

Section 4. Cultural studies

*Denysyuk Zhanna,
Ph. D., in Culturology,
Head of research and publishing department of
National Academy of Managerial Staff of Culture and Arts
E-mail: jannet-d7@ukr.net*

FACTORS AND SOURCES OF THE FORMATION OF POST-FOLKLORE AS A CULTURAL PRACTICE OF MODERNITY

Abstract: The research is devoted to the consideration of the factors of the formation of Post-folklore as a modern cultural practice in the conditions of informational and communicational environment. The appearance of Post-folklore is determined by the technological and socio-cultural factors, which have influenced on the creation of its texts. The sources of Post-folklore are media environment and socio-cultural space.

Keywords: Post-folklore, Internet space, hyper-textuality, interactivity.

In the forming of Post-folklore, formed in the environment of Internet communication, we can distinguish the objective factors of technological and socio-cultural character, which predetermined this process.

The communicative activity, which had become an indicator of the technological and general socio-cultural development of societies, was an important factor of the the modern cultural paradigm changing. The new cultural practices form under the influence of the media environment. They are mediated by communication. The Internet network occupies the leading place among media agents and represents the virtual informational and cultural environment. The latter produces its own semantic field with a special interpretation.

Post-folklore, formed under the influence of urbanization, got new features in the context of the informational, communicational environment and the media means of communication. The segment of Post-folklore, launched in the Internet as the most «power-

ful» channel and means of communication, was a very popular phenomenon in the media environment due to the growing number of users and the newest technological capabilities of the Internet communication.

Thinking over the ontological status of the Internet folklore, S. Tikhomirov, a researcher defines it as a distinct and independent reality, which has appeared due to the human immanent desire to artistically reflect the image of the world in the forms that are rooted in the culture [5, 63].

In this aspect, the technological substrate was the introduction of the Internet platform Web 2.0, which determined the modern “face” of the Internet communications. The social networks, the user’s ability to create and distribute their own content, interactivity of communication are the factors that has become the structural elements for the numerous cultural models of Internet communication and Post-folklore.

The Internet service Web 2.0 is a common name for applications where the user/consumer of information is its creator. Its main functions are to interact and

to share contents. Today, “the Internet is the hybrid of the media and interpersonal relations” [6, 18].

In the Internet the technological possibilities of numerical copying and variety of works have become the key factors of the nature of communication and communicative practices of the everyday-entertaining type. The created visual images and graphemes have become the integral parts of the communicative process of the Internet environment. So, the organization of the Internet is characterized by the interactivity non-linearity and hyper-textuality. It has defined the ways of creation and transmission of the network texts that belong to Post-folklore.

In this context, the researchers focus on the fact that the hypertext technologies and nonlinear texts depend on the result of creative activity. It leads to the direct dependence of the Post-folklore genres on the way of reading hypertext and the time of the transmission of the information (synchrony/asynchrony of communication) [1].

Thus, in the Internet network, we can see the new types of works that are mediated by technological settings and the ability of communicators to use different programs. It means that the user can be an author as well as a recipient.

The Internet introduced communication practices in virtual social networks, which are constantly being improved and expanding, offering new tools and opportunities for communication, new formats and platforms of the networks (Facebook, Twitter, VKontakte, Google+). Moreover, some of them such as Youtube, Instagram have features of photo hosting, microblogging and social network.

We should say that the emergence of Post-folklore became possible due to the media and communications, which transform traditional social and cultural forms of practices.

Thus, the modern Post-folklore reflects the events of objective reality as the mass consciousness. It combines mythological views and stereotypes to perceive and reproduce the actual picture of the world with its values, attitudes, urgent needs of time.

The Internet folklore as a part of a network culture significantly differs from traditional folklore. The modern Internet technologies can enrich texts by sounds, videos, animations. So, it “is characterized by a high degree of creolized nature, hyper-textuality, efficiency, interactivity etc.” [2].

The ideas of Post-folklore texts partially use the well-known traditional forms of folklore, mostly verbal ones (anecdote, chatter, fable and etc.) whereas the most of the texts are combined with the visual forms of the Internet culture. Therefore, the semantics of the electronic environment determines these types of Post-folklore texts. In turn, the researchers state that folklorism is the cultural environment for Post-folklore (in the definition of images, plots). It deals with traditional folklore and influences on the development of certain genres [4].

In the scientist’s opinion, the sources of Post-folklore as a phenomenon of culture are urban culture and urban folklore. The forming of the Internet Post-folklore is based on the communicative environment that creates a specific cultural space.

Such components of the socio-cultural environment are the context field and the source of Post-folklore. Its texts involve the mosaic reality of human being in accordance with the cultural and axiological demands of the society. Combining different fragments of culture, Post-folklore texts, supplemented by laconic phrases, form “linguistic culturemes of the Internet space that influence on the development of language and culture of modern society” [3]. In addition, the linguistic and cultural concepts of post-folklore, enriched by the cultural connotations and values, represent the public opinion about the actual phenomena and events of life.

The texts of Post-folklore as the whole culture of Postmodern include and fragmentally reformat well-known cultural achievements as well as new objects of the modernity. The environment of the everyday life is mostly mediated by mass culture, subcultures, standards and stereotypes of the consumer’s culture, the segment of daily news, television, advertising and

other interesting events and facts of life, which become the source and thematic content of Post-folklore creativity.

The works of Post-folklore absolutely borrow and use all interesting (the creation of new texts, the implementation of ideas, values and their representation for the general public) objects (photos, footage from films, cartoons, video games, known artifacts, etc.), which can attract the media and be modified in accordance with the goal of activity.

Post-folklore creativity belongs to a heterogeneous number of users. It allows interpreting Post-folklore as a collection of texts of various content, created by people of different educational and professional levels. Whereas all of them are united by the common interest in the Internet. So we can see the processes of active communicative activity, when such contacts give people an opportunity to organize themselves in groups of interests.

Finally, today the Internet environment is a modern powerful communication channel as well as a holistic socio-cultural space that produces new cultural practices, saturated with new meanings and interpretations.

Post-folklore works, generated by the Internet, become a separate segment of cultural creativity due to the application of the game principle as a communicative strategy and the implementation of the creative ideas of reproduction the socially important information for the participants of the communicative process. The modern communicative practices have led to the formation of the Internet culture, and the development of its new forms, which are the results of both individual and collective creativity. The technological basis, which had allowed to realize those creative ideas, was the introduction of the information technologies Web 2.0. It has given people an opportunity to create and distribute their own content in the Internet. This phenomenon discovered a new era in the development of the Internet network and the principles of communication. The emergence of social networks, blogs allow people to express their thoughts, creativity and their dissemination among audiences. Thus, in the development of Post-folklore we see that the Post-folklore type of communication depends on the information technological platform very much.

References:

1. Goroshko E. I. Theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=77>.
2. Goroshko E. I., Polyakova T. L. To build a typology of genres of social media. *Genres of speech*. – 2015. – No. 2 (12). – P. 119–127.
3. Gromovaya M. Internet meme as a linguistic culture of modern philological analysis. *Language*. – 2015. – No. 23. – P. 27–31.
4. Kaminskaya E. A. Cultural environment of the existence of modern folklore culture. *Ethosocium*. – 2015. – No. 9 (87). – P. 76–79.
5. Tikhomirov S. A. On the question of the development of a network mode of urban folklore. *Questions of culturology*. – 2008. – No. 10. – P. 63–65.
6. Husted U. M. A Funny Thing Happened on the Way from the Forum: The life and death of internet memes: a dissertation submitted to the faculty of the graduate school of the university of Minnesota in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. – 2012. – 208 p.

*Sarkisyan Tatiana Nikolaevna,
Candidate Cultural Studies,
Associate Professor of "Humanitarian disciplines"
"The State Maritime University by Admiral F. F. Ushakov"
E-mail: tatnik2304@yandex.ru*

SOCIAL AND CULTURAL ORIENTATION OF THE PEDAGOGICAL RESOURCE

Abstract: Different interpretations of interactive technologies are analyzed in the article, the need to create a culture of thinking as one of the fundamental components of humanistic concepts in education, as well as the development of intellectual qualities of the person, cognitive and creative activity are determined.

Keywords: interactivity, teacher, personality, intellectual activity, communication skills, qualification self-fulfillment of students, creative and professional potential.

*Саркисьян Татьяна Николаевна,
Кандидат культурологии, доцент
кафедры «Гуманитарных дисциплин»
«Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова»
E-mail: tatnik2304@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РЕСУРСА

Аннотация: В статье анализируются различные толкования интерактивных технологий; определяется необходимость осуществлять формирование культуры мышления как одной из основополагающих составляющих гуманистических концепций в образовании, а также развитие интеллектуальных качеств личности, познавательной и творческой активности.

Ключевые слова: интерактивность, педагог, личность, интеллектуальная активность, коммуникативные навыки, квалификационная самореализация студентов, творческий и профессиональный потенциал.

Общество не может выживать, а тем более, совершенствоваться и развиваться никаким иным образом, кроме как путем совершенствования и развития человека, а, следовательно – культуры.

Нужно учитывать, что всякая общественность на всех исторических этапах развития нуждалась в людях, обладающих знаниями касательно правил поведения в обществе, а также умеющих соблюдать эти правила. Однако каждая исторически

конкретная общественность на каждом определенном промежутке своего развития предъявляла к человеку некоторые специфические требования: она стимулировала развитие одних качеств, блокируя другие, вызывала к жизни те качества, которые не существовали ранее.

Такой ансамбль человеческих характеристик, которые культивировались на различных этапах социально-культурного становления, можно

называть по-разному. Наиболее точным определением в научном отношении является «антропологическая структура культуры». Настроенность на позитивное и культуросообразное творчество – существенный элемент человеческого мировоззрения.

Преподавательский потенциал социальной и культурной направленности определяется умением обеспечивать своеобразную коммуникативную сферу, где перспективное развитие получают творческие характеристики индивида, навыки адаптации к непредвиденным и не всегда благоприятным изменениям общества: развивается стабильная мотивация к модернизации профессиональных способностей и непрерывному углублению познаний; регулярному индивидуальному и квалификационному росту [1, С. 37].

Главная роль данного аспекта отводится интерактивным технологиям. Для системы активных и конструктивных взаимоотношений характерно формирование стабильности и органичности духовных и нравственных значимостей, которые составляют мировоззренческий фундамент гуманитарных специальностей, их взаимосвязь с основными экзистенциальными нюансами личностной жизни, активность и эффективность культуротворческой деятельности, ответственность за итоги и последствия квалификационной деятельности.

Интерактивность способствует успешной профессиональной и индивидуальной идентичности, которая относится к одному из условий успешной профессиональной работы в перспективе в рамках конкурентной рыночной сферы.

В теоретическом и практическом направлении преподавания формулировка интеракции исследуется во всех смыслах. В широком аспекте она состоит из всевозможных взаимоотношений, реализуемых в процессе образовательной процедуры между всеми обучающимися. В узком аспекте под обучающей интеракцией стоит рассматривать активные взаимоотношения в рамках образователь-

ной программы. Понятие «интерактивность» используется для объяснения специфических способов диалогового образования посредством взаимодействия, предусматривающего обратную связь с учащимися, активное участие индивида в каждом этапе преподавательского процесса (от определения целей до подведения результатов).

Моделируемыми составляющими образовательной интеракции являются педагог и ученик. Главным моментом в формировании взаимоотношений педагога и учащегося является дискуссия, в процессе которой ключевая роль отводится самоорганизации групповой деятельности, сотрудничеству между партнерами и личностному участию каждого обучающегося.

Среди универсальных критериев дискуссии, как фундамента интерактивности, выделяются: духовный аспект коммуникации, понимание, эмпатия, событийность, субъектность.

Теоретические и практические составляющие образовательной интеракции опираются на концепцию обобщенной мыслительной деятельности в качестве основного признака формирования гуманитарных технологий современного поколения.

Повышенная активность творческого индивида в рассматриваемом случае реализуется с помощью трех уровней: духовного, социального, природного. Применяя интерактивные технологии формирования творческой активности человека вместе с мотивационным эффектом обратной связи, происходит повышение уровня самоорганизации и рефлексии. Это отражается на стимулировании творческой активности, благодаря которой собственно и возможна интеракция продуктивного, синергетического характера.

Чтобы улучшить преподавательскую эффективность интерактивных форм дискуссий, педагогу необходимо применять как личностные навыки, так и культурные, творческие способности социокультурной сферы, которая реализуется с учетом принципов интерактивных взаимоотношений. Получается, что все это

влияет на обеспечение реализации творческих способностей индивида, активизацию проектной деятельности педагога и обучающихся. Ей всегда подвластны новые смыслы и варианты формирования, диалогическая трансформация устаревших и обеспечение новых моделей и структур квалифицированного и личностного развития. Интерактивные технологии в данном случае направлены на реализацию условий для практического осуществления индивидуальных способностей, принимающих вид интеллектуальной активности и коммуникативных навыков.

Соотношение с образом выдающейся личности провоцирует духовное развитие обучающегося, обеспечивая его образовательный процесс [2, С. 12].

Таким образом, подобное осуществление преподавательских возможностей является духовным и нравственным образцом квалификационной самореализации студентов и курсантов.

В нынешнее время существует необходимость формирования специалистов новой формации, которые бы имели высокую степень и творческого, и профессионального потенциала, обладали широким спектром видов компетенций, таких как: предметные, профессиональные, методические, коммуникативные и множество других. Исходя из этого, необходимо осуществлять формирование культуры мышления как одной из ос-

новополагающих составляющих гуманистических концепций в образовании. В особенности, способствовать развитию у студентов разных видов мышления, которые являются профессионально значимыми гранями творческой личности: вариативного, вероятностного, системного, критического, творческого, принимая за основу идеи развивающего обучения.

Аналогичным по степени важности является развитие интеллектуальных качеств личности, познавательной и творческой активности методом включения каждого учащегося в продуктивную творческую деятельность; так происходит формирование опыта творческой активности, творческого потенциала.

Во время социального взаимодействия участников воспитательного процесса формируется новый социокультурный тип выпускника вуза технического направления. В нем сочетается личностное и профессиональное развитие, которое после направляется на самосовершенствование и преобразование окружающего мира. Такой выпускник ориентирован на качество конечного продукта, способен к нравственному выбору, умеет работать в команде, ответственен за собственное здоровье; его социально-личностная компетентность имеет высокий уровень и задает направление его развития в постоянно изменяющихся социально-культурных условиях.

Список литературы:

1. Пешкова В. П. Социально-педагогические ресурсы социально-культурной среды образовательного учреждения // Вестник СЗО РАО. – 2013. – № 1 (13). – С. 36–39.
2. Марков А. П. «Культурный фундаментализм» как ключевое условие сохранения и развития института образования // Вестник СЗО РАО. – 2012. – № 1 (12). – С. 10–14.

Section 5. Linguistics

*Msc. Bojaxhi Jola,
Polytechnic University of Tirana
Faculty of Mathematics Engineering and Physics Engineering
Centre of Foreign Language
E-mail: jolabojaxhi@hotmail.com*

DEPENDENCE OF THE LANGUAGE OF SPECIALTY IN COMPUTER AND ELECTRONIC ENGINEERING OF THE ALBANIAN LANGUAGE FROM THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract: The purpose of this article is to identify the changes in the language of information technology between Albanian and English languages. Descriptive methodology is used, addressing the positioning of the Albanian language in the lexicon of information technology field. The conclusion is that the Albanian language has welcomed borrowings from English not only in general language but also in the language for specific purposes.

Keywords: borrowings, Albanian languages, English languages.

Informatics is a discipline that deals with the collection and processing of information or more precisely data processing with the help of an electronic calculator. Even though the first attempts to build an electronic calculator originate in Europe (for example, the calculating machine of Blaise Pascal and Charles Babbage) and the basic principles of calculator functioning are developed by Alain Turing (English) and John Von Neuman (Hungarian) the computer is an American product. The computer started to be recognized as an industrial product in the USA around the 1940s and then spread throughout the world. This undoubtedly favored the spread of anglicisms in the American version of the IT terminology, thus creating many neologisms. The Albanian language just like the majority of other languages of the world, borrowed anglicisms as well as IBM equipment.

A special place among borrowings in the contemporary Albanian language after the 1990s is reserved for anglicisms which are numerous and frequent in

the spoken as well as in the written language, we can just browse a newspaper or a magazine to understand how many foreign words are there. This flux of terms, may come as a consequence of a number of factors where we can mention the widespread of English language, which is the most studied and currently is considered lingua franca not only for the Albania, but also for an international communication; or for the important place reserved for English-American civilization not only in the fields of information technology, sport, music but also in political and economic sphere.

In contrast to some countries such as France and Spain, Albania did not set itself against the influx of anglicisms and it is not expected to resist even in the future, including them even in the political field in terms such as “exit polls” or “bipartisan” etc. It is noted that the majority of anglicisms have originally entered through the language for specific purposes just like in the field of economy,

finance, administrative organization for example: report, budget, target etc; in the medicine field for example: by-pass etc; in the field of sport for example: corner, goal, beach volley, wind surf etc; in the field of music for example: Hit, disc-jockey, rock, pop, soul, band etc; in the field of communication for example: cordless, roaming; in the field of mass media for example talk show, fiction, audience, spot, share etc; in the field of fashion for young people for example jeans, t-shirt, piercing etc; in the field of gastronomy crackers, cornflakes etc; or even during every day talk for example: week –end, babysitter, trendy, look etc. But, definitely, in the field of informatics and electronics, anglicisms have been widely used since the 1990s thanks in part to the expansion of the technical and scientific culture in this field of knowledge. This widespread use occurs thanks to extensive com-

puterization in the work environment, in schools, in different daily activities. As a result, the interest towards this specialty language is in fact the interest towards the future of the language, because it provides the opportunity to observe the development trends, which can be valuable for the general language as well. This is evident also in the widespread use of English terminology, concerning the fields of computer and cybernetics.

But the concern to “defend” the Albanian terms by means of semantic borrowings by substituting anglicisms, can bring the opposite result, i. e. the uncontrolled introduction of borrowings; sometimes Albanian not only refuses the use of its own terms but also takes the synonym of a certain term for example: spam where the unwanted message can be translated, the IT dictionary recognizes two synonyms junk mail and bulk mail.

References:

1. Evans E., Dooley J., Wright. Information Technology, Express Publishing – 2012.
2. Ndreca M. Fjalor fjalësh e shprehjesh të huaja, – 2007. – Tiranë, Botimet TOENA.
3. Oxford Advanced Learners Dictionary, British National Corpus.
4. Tomçini A. Fjalor Anglisht-Shqip i radioelektronikës, – 2004. Tiranë, Botimet TOENA.
5. Vrapit F Duro A. Problem të ligjëritimit të specializuar dhe të zbatimit të tij në procesin e mësimdhënies së gjuhëve të huaja dhe të përkthimit, Gjuhët e shumta të Europës, një pasuri që duhet ruajtur, UPT, QGJH, – 2012. – Tiranë, SHBLSH e Re.

*Msc. Bojaxhi Jola,
Polytechnic University of Tirana
Faculty of Mathematics Engineering and Physics Engineering
Centre of Foreign Language
E-mail: jolabojaxhi@hotmail.com*

BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF INFORMATION TECHNOLOGY (IT) CULTURE IN ALBANIA

Abstract: The purpose of this article is to highlight the historical aspects of the establishment of the terminology fund in the field of information technology in Albania over the years. The methodology used, is descriptive in order to rank the historical factors and how this terminological lexicon is elaborated. The conclusion reached, is that a new science has developed not only professionally, but also linguistically creating an important fund which is always evolving.

Keywords: informatics, electronics, terminology, terminology fund.

If we look at the way the IT science was developed in Albania, we would emphasize the 70', the time when the Center for Calculating Mathematics was established. The Center was equipped with two Chinese computers with transistors and compilers ALGOL60. The main activity of the Center was the development and use of mathematical methods in various fields such as geology, engineering, statistics, medicine, energy etc. Some of the major applications during the years 1971–1984 were software packages for geological data processing, calculation of engineering structures, general population census and so on.

In 1982 the Department of Informatics at the University of Tirana was created, where the staff of the center was also included. From 1984 to 1985 a project was implemented in Albania, financed by UNDP and led by UNESCO, for the creation of the first computer network in Tirana. Thus, the Center for Calculating Mathematics was transformed into the Institute of Informatics and Applied Mathematics (INIMA). It was equipped with two central computers, three minicomputers and more than 50 terminals, spread across ministries, faculties and scientific institutions. These computers were completed with programming languages such as FOR-

TRAN, COBOL, PASCAL, IDS2 data base system, the environment for transaction processing development, linear programming, project development (PERT), statistics, accounting and administration etc.

Meanwhile in the Polytechnic University of Tirana, branches such as electronic engineering and computer engineering had their beginnings around the 60s with the formation of the Department of Electronics as part of the Engineering Faculty in the State University of Tirana. In 1994 the Department of Electronics was established, and the branch of Electronics was organized in three directions: Automation, Computers and Telecommunication. In 2007, the Faculty of Information Technology was established (from the unification of existing structures: Department of Electronics, Institute of Informatics and Applied Mathematics and the IT section).

Department of Electronics and Telecommunication is a continuation of the former Department of Electronics which had its beginnings in its specialty “**Weak Currents**” opened in **September 1961**, at the Electrical branch of the Engineering Faculty in the State University of Tirana.

In 1969, with the change of the curricula, the name of the department also changed from “Low

Power” into “**Radioelectronics**” and a branch with the same name was created: Radioelectronics.

In 1974 two branches of the Electronic Division were established: the Department of General Electronics and the Department of Applied Electronics.

In 1977 the two branches of the Electronics Division were merged into one: the Department of Electronics.

In 1989 two branches of the Electronics Division were established again: **the Department of General Electronics and the Department of Numerical Electronics**.

The Department of Electronic was one of the two departments of the Faculty of Electrical Engineering of the Polytechnic University, established by Decision of the Council of Ministers (DCM) no.359 date. **21.09.1991**, “On the organization of some faculties, universities”.

In 1994 the Department of Electronics created 5 sections: **Section of electronics bases; section of industrial electronics; telecommunication section; computer engineering section; automation section**.

In 1999, the Department reorganization was completed and the Department of Electronics was composed of 4 sections: section of electronics bases; section of telecommunication; section of automation; section of computer engineering.

Department of Information Engineering is the continuation of the Department of Computer Engineering of the Electronics Department. The Department offers university and postgraduate education, as well as research and development in the fields of software engineering, object oriented programming, computer architecture, digital system design, operating systems, distributed systems and grids, networking technologies, databases.

Creating a term fund in the Information Technology and Electronics Engineering technology.

As above mentioned, regarding what IT and electronics engineering deals with, we have noticed the creation of a number of new scientific and

technical concepts, as well as the terms penetrating together with the objects from one language to the other, thus creating an important fund of terms. It is noticed, that the fund of terminology in those areas of knowledge is always increasing, because even the number of new devices is always on the rise. It should also be emphasized, that the field of information technology has begun to expand together with the spreading of information, based on the development of society. Informatics, by serving as an interaction of other sciences, should also analyze other terms from the fields of mathematics, electronics, mechanics, and physics. Also, the prevalence that this field currently has, is not only relevant to the specialists, but even broader such as in the media, economy, medicine, linguistics, agriculture, sport, entertainment, or even in a simple way, in the life of everyone of us starting with the design of a simple text in the computer up to the different applications on various social networks.

The fact is that, for informatics and electronics it is written not only in school texts, terminological dictionaries but also in the technical-scientific periodical magazine before the 90 s “Science and Life”. Here are some examples:

1. “Saving and calculating mathematics” – where it is noticed the importance that this new field of knowledge carries. The help that is given other fields such as, construction, energy economy and manufacturing.

2. “What is ordinator?” –this article discusses what is the ordinator, artificial memory, programs and files.

3. “Calculators in support of economic evidence”.

Conclusion

The ranking of the historical factors makes it possible to understand how the fund of the terms is created in the fields of informatics and electronics in the Albanian language. This fund is used not only in texts that are used only by specialists, but also in texts that are used by non-specialists.

References:

1. Bukuroshi K. Kursimi dhe matematika llogaritwse, Shkenca dhe Jeta nr.4, – 1974. – Tirane.
2. Kruja S. H. Maqinat llogaritese ne ndihme te evidences ekonomike, Shkenca dhe Jeta, nr. 5, – 1974. – Tirane.
3. Vejsiu Y. Ç'eshte ordinatori?, Shkenca dhe Jeta nr.6, – 1974. – Tirane.
4. URL: <http://www.akti.gov.al>
5. URL: <http://www.upt.al>

*Walter Arthur,
Vienna University of Economics and Business,
doctoral student, Institute for Slavic Languages
E-mail: 1arthur1walter1@gmail.com*

RESEARCH OF SOCIAL PHENOMENA VIA LINGUISTIC APPROACHES

Abstract: The paper briefly reflects how historical and political circumstances as well as socio-cultural traditions form in Russia a special attitude towards entrepreneurship. The attitude as a quintessence of socio-cultural values is reflected in the discursive practice and influences the development of entrepreneurship. The research of these dependencies is mostly advantageous to be conducted by the means of the combination of critical discourse analysis and techniques of corpus linguistics.

Keywords: Russia, entrepreneurship, attitude, critical discourse analysis, corpus linguistics.

Entrepreneurship as a form of social-economic activity plays an important role not only in economic development, but also as a creative driving force [11] in a democratic change of any society. However, in spite of more than 20 years of market reforms, entrepreneurship in Russia did not assume the character of widespread practice: there is a registration of low entrepreneurship activity of population in comparison of other factor-driven economies [9] that influences the contribution of small and medium business in the development of the economy of Russia [23]. The progress of entrepreneurship depends to a large extent on socio-cultural context of this phenomenon which is accumulated in the attitude to the phenomenon [8].

One of the factors Russian socio-cultural context is the country's Soviet past with negative perception of any kind of commercial activity. Nowadays many of ordinary members of the Communist Party of Russia which is ranked second largest in Russian parliament (Duma), have such point of view [24].

Another restrictive factor of the development of entrepreneurship is features of religious morality. According to the sociological survey, 75% of the population in Russia are members of the Orthodox Church [21]. Orthodox ethics, which formed the basis of the Russian cultural tradition, is not favourably disposed towards "excessive" commercial success

and does not ensure a salvation for the rich [2; 22].

The result of "unfair" – from the viewpoint of majority of population [7; 15] – and "hurried" privatization of 90s creates an atmosphere of distrust towards the legitimacy of the origin of the private property and entrepreneurs which grew into problem of mental level: disrespect for private property [18]. At the same time, quite common "incorrect" business models (black market business, various corruption schemes, informal violent entrepreneurship) form unfavourable public opinion which impedes a broad inclusion of population in the practice of entrepreneurship.

The features of Russian entrepreneurial practice, as well as attitude towards entrepreneurship in various periods of time naturally are reflected in the discursive practice via verbal and nonverbal presentations of social phenomenon "entrepreneurship". In this way, there is a requirement for methodological approaches that use semiotic processing of sources in combination with social research. One of them is Norman Fairclough's approach of critical discourse analysis (CDA), which examines the link between semiotic structures and social practices.

Discourse is a central notion in critical discourse analysis. In the work by Jørgensen and Phillips [12], which explores theories and methods of discourse analysis, Fairclough's approach is presented with the

central conception that discourse is a use of language as a form of social practice, which “is both constitutive and constituted” [12, P. 66]. As all events of social life have semiotic reflection (discursive elements), then all social phenomena and changes can be researched in discourses [5; 6]. According to Fairclough: “social practices networked in a particular way constitute a social order” [5, P. 2], order of discourse is “the discourse/semiotic aspect of a social order” [5, P. 2] and for various social institutions or social fields a particular set of discourses, genres and styles is typical. Therefore, when interdiscursivity appears in a discourse practice – various “atypical” discourses, genres and styles “are articulated together in a communicative event” [12, P. 73] – then this points at changes in a social world.

The sound recording in the archive of “Staroe Radio” of one of the Stalin’s speeches in 1930 s of XX century is a good example of the connection of interdiscursivity and a “new” social order. In this political speech, a slang was actively used and political discourse was mixed with a “street” discourse. This communicative norm in 1930 s in the USSR was directed towards «convergence» of a politician with the masses (“leader” with “people”). The radical social change (Russian Revolution of 1917) altered Russian social world, established a new social order and made changes in the lexical system of language [13] which was reflected and fixed in order of discourse. This order of discourse allowed the usage of informal and slang words on any levels of communicative events including speeches of political leaders.

The analysis of formal and informal conversations of Russian entrepreneurs of the 90s that are presented in mass media also demonstrates such interdiscursivity: the mixture of the typical “business” discourse and “criminal” discourse as a reflection of the popularity of informal (black market) way of running business in those years.

Critical Discourse Analysis as an integrated approach is extremely useful in sociological research,

however there are some criticisms levelled at this method: the analysis is very extensive and takes a long time [20]; the evidence of validity of text selection for analysis is required [14]. It is possible to overcome these shortcomings by combining the methods of critical discourse analysis and corpus linguistics [1; 3; 17].

The basis of corpus approach of text analysis is availability or creation of corpus of text materials for a research. In works by Gerlinde Mautner [16; 17] it is noted that the use of computer software in corpus linguistics allows combining successfully quantitative and qualitative approaches in a research: compile concordance; make frequency lists, measure t-score and mutual information score (MI) to obtain quantitative evidence; determine semantic preference and semantic prosody for qualitative findings. Semantic prosody is viewed as an aura of sense that surrounds the keyword [16].

Since the computer software that operates corpora of Russian language does not measure t-score and MI, it is proposed in our research to identify a connotation of the researched notion that are registered through the concordance analysis and to determine discourse (semantic) prosody.

The key question of the present paper is the attitude towards entrepreneurship that can be determined through techniques of corpus linguistics: “Taken together, then, semantic preference and discourse prosody show us what kinds of social issues a particular lexical item is bound up in, and what attitudes are commonly associated with it” [17, P. 161].

The influence of discourse (semantic) prosody on the social phenomenon (social practice) is reflected in the following example. In the twenties of 20th century during a short return period of elements of a free market to the Soviet economy, a social construct “NEP-man” (i. e. an actor of new economic policy) appeared which became synonymous with “entrepreneur”. This word had a neutral connotation, but Soviet propaganda changed it to a negative one by creating a negative context in the mass media industry for this notion

[19]. Gradually, the notion “NEPman” acquired a negative connotation by the means of the creation of a negative discourse prosody. This negative connotation was projected onto all new entrepreneurial movement [4] and contributed to the formation of a negative attitude of the population to it.

As it is generally known, there are no ideal linguistic corpora: any of them can turn out to be incomplete or selective. There are two largest Russian-speaking linguistic corpora: free of charge and publicly available Russian National Corpus (over 600 million words, various subcorpora) and the database of commercial resource “Integrum” (approximately 500 million documents). The use of these corpora allows to obtain stable and valid results on the whole, however, despite the linguistic representativeness it may have a selectivity on specific topics. A striking example of selectivity of corpora can be such a fact: William Tompson used an informal neologism “silogarchs” (marks integration of business, state power, “law-and-order” institutions) in his speech at the International Academic Conference, which was held in Russia by National Research University “Higher School of Economics” in April 2006 [10]. The informal notion “silogarch” was used

widely enough for an appreciable length of time, but Russian National Corpus doesn’t have this notion (as at 01.08.2017).

Internet resources are open and vast field for critical discourse research [17], therefore, World Wide Web can be used as another corpus in the critical study. Thus, for example, the transcript of William Tompson’s speech is absent from of Russian National Corpus and “Integrum” corpus, but can be accessed online at the website of the “Higher School of Economic”. A Russian-language web search system “Nigma” – which performs a simultaneous search in Yandex, Google, Rambler, Bing, Yahoo, and Altavista – for the concept of “silogarch” found 975 results, and for the concept of “silovigarch” 4402 results (as at 16.12.2013). Thus, it is possible to overcome the problem of thematic selectivity of the researched discursive space by using web resources that are independent and spacious.

In conclusion, it is pointed out that both critical discourse analysis and corpus approach are highly promising in the critical research of any socio-cultural problem. This is what we demonstrated with our short analysis of socio-cultural aspect of the development of entrepreneurship in Russia.

References:

1. Baker Paul, Costas Gabrielatos, Majid Khosravini, Michał Krzyżanowski, Tony McEnery, and Ruth Wodak. – 2008. “A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press”. 19. – P. 273–306. [access date: 11.11.2013]. URL: http://www.lancaster.ac.uk/fass/projects/corpus/ZJU/papers/Baker_2008_CDA.pdf
2. Bochkov S. O. “Pravoslavnoe otnoshenie k predprinimatel’stvu”. – 2009. [access date: 04.12.2012]. URL: http://dpr.ru/journal/journal_36_14.htm
3. Breeze Ruth. “Critical Discourse Analysis and its Critics”. International Pragmatics Association (IPrA). – Vol 21. – No 4. – 2011. [access date: 15.12.2013]. URL: <http://elanguage.net/journals/pragmatics/article/view/3654>
4. Demchik Evgeniya. – 2000. “Novye russkie”, gody 20-e”. Rodina. – № 5 / 2000. [access date: 03.12.2013]. URL: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=322&n=15
5. Fairclough, Norman. – 2001. “The Dialectics of Discourse”. Department of Linguistics and English Language. [access date: 24.06.2013]. URL: <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc>

6. Fairclough Norman. "Discourse in processes of social change: 'Transition' in Central and Eastern Europe". *British and American Studies*. 9. – 2005. – P. 9–34.
7. FOM MEDIA. "Privatizatsiya: kak éto býlo i k chemu privelo?" – 2005. [access date: 04.04.2013]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_pec/dd050322
8. GEM. "Global Report". – 2013. [access date: 12.02.2014]. URL: <http://www.gemconsortium.org/docs/download/3106>
9. GEM. – 2017. "Global Entrepreneurship Monitor (GEM)". [access date: 12.07.2017]. URL: <http://www.gemconsortium.org/report/49812>
10. HSE, National Research University – 2006. "VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Modernizatsiya ekonomiki i gosudarstvo", – 2006. [access date: 16.12.2013]. URL: <http://conf.hse.ru/2006/prog>
11. Huerta de Soto, Jesus. "Sotsializm, ékonomicheskii raschet i predprinimatel'skaya funktsiya". In. – M.: Chelyabinsk: IRISÉN, Sotsium. – 2008.
12. Jørgensen, Marianne W, and Louise J. Phillips. *Discourse analysis as theory and method*: SAGE Publications Limited. – 2002.
13. Kalashnikova Elena. Interviewed by Alena Dvinina. "Ne nado "ezdit' po ušam", ili Osobennosti nacional'nogo slenga." *Gazeta "Kareliâ"*. – 2000. [access date: 29.06.2013]. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1160/16.html>
14. Koller V., and Mautner G. (2004). 'Computer Applications in Critical Discourse Analysis' quoted in Baker, Paul, Costas Gabrielatos, Majid Khosravini, Michał Krzyżanowski, Tony McEnery, and Ruth Wodak. – 2008. "A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press". 19. – P. 273–306. [access date: 11.11.2013]. URL: http://www.lancaster.ac.uk/fass/projects/corpus/ZJU/papers/Baker_2008_CDA.pdf
15. Levada-tsentr. – 2011. "Rossiyane o gosudarstvennoï sobstvennosti i promyshlennosti". [access date: 04.04.2013]. URL: <http://www.levada.ru/30-11-2011/rossiyane-o-gosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti>
16. Mautner, Gerlinde. "Mining Large Corpora for Social Information: The Case of Elderly". *Language in Society*. – Vol. 36. – No. 1. – Feb., – 2007. – P. 51–72.
17. Mautner Gerlinde. "Checks and balances: How corpus linguistics can contribute to CDA". *Methods of Critical Discourse Studies*. SAGE Publications Ltd. London. – 2016. – P. 154–179. – 161 p.
18. Nabiullina Elvira. Interviewed by Vladimir Pozner "È.Nabiullina: Est' faktory, kotorye mogut sposobstvovat' načalu ukrepleniâ rublá". *Pozner. Pervyj Kanal* – 2014. [access date: 04.03.2014]. URL: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5756/fi28644
19. Palochkin Mikhail. "Lyudi, nad kotorymi smeyalsya sotsializm". – 2009. *Vashe delo*. [access date: 03.12.2013]. URL: <http://altapress.ru/story/43446>
20. Van Dijk T.A. "Multidisciplinary CDA: A plea for diversity." R. Wodak and M. Meyer (eds.). *Methods of Critical Discourse Analysis*. London. – 2001.
21. WCIOM. "Religiya v nasheï zhizni". – 2007. [access date: 2012.04.12]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=8954>
22. Zarubina, Natal'ya. "Blagochestie i predprinimatel'stvo". – 2001. [access date: 04.12.2012]. URL: http://www.ng.ru/style/2001-04-17/16_piety.html

23. Вальтер А. «Экономико-политические и социокультурные условия становления предпринимательства в современной России». Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 49–61.
24. Первичное отделение КПРФ «Инициативное» (г. Екатеринбург). – 2011. «КПРФ и малый бизнес: трудный путь к взаимодействию». Журнал «Политическое просвещение». – № 1 (60). – 2011. [access date: 10.07.2017]. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=140&journal=68>

*Musabayova Narmin Chingiz,
Candidate of Philological Sciences, Assistant professor
Azerbaijan State University of Oil and Industry
E-mail: nmusabekova@gmail.com*

COMMUNICATION-ORIENTED APPROACH TO TEACHING OF SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH TO THE FOREIGN STUDENTS AT THE BEGINNING STAGE OF EDUCATION

Abstract: Communication-oriented approach to teaching of scientific style of speech to the foreign students at the beginning stage involves combination of teaching analytical reading with the evolving capacities of students for improvisation, interpretation and production of personal statements in the form of monologue or dialogue. Careful selection of authentic materials (texts and tasks), modelling of problem situations supporting language and cognitive development of students contribute to the development of the communicative skills of foreign students. The author gives the examples of using modern computer technologies, lessons-excursions and etc. for the development of the communicative skills of students.

Keywords: communicative skills, language and cognitive development, scientific style.

*Мусабекова Нармин Чингиз гызы,
Кандидат филологических наук, доцент
Азербайджанский Государственный Университет
нефти и промышленности
E-mail: nmusabekova@gmail.com*

КОММУНИКАТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ СТУДЕНТОВ – ИНОСТРАНЦЕВ ДОВУЗОВСКОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация: Коммуникативно-ориентированные подходы к обучению научному стилю речи студентов-иностранцев довузовского этапа обучения охватывают как подготовку учащихся к аналитическому чтению, конспектированию научной литературы, так и обучение последних написанию эссе на заданную тему, подготовку студентов к участию в практических занятиях (в форме монологической и диалогической речи), слушанию и записи лекций. Развитию языковых и коммуникативных навыков учащихся в области выбранной специальности способствует использование аутентичных материалов и моделирование проблемных ситуаций, обеспечивающих как речевое, так и когнитивное развитие обучаемых. Автор дает примеры использования компьютерных технологий, уроков-экскурсий и т. д. для развития коммуникативных навыков учащихся.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, языковое и когнитивное развитие, научный стиль.

Обучение научному стилю речи иностранных учащихся на довузовском этапе образования предполагает подготовку учащихся к чтению; конспектированию учебной литературы и составлению собственных эссе на темы, связанные с избранной специальностью; подготовку студентов к активному участию (в форме монологической и диалогической речи) в практических занятиях по общетеоретическим дисциплинам; а также – к слушанию и записи лекций. В настоящей статье мы хотели бы особенно подчеркнуть важность мысли о том, что эффективность обучения иностранных учащихся языку специальности на начальном этапе обеспечивается во многом путем реализации коммуникативно-ориентированного подхода к обучению, принципа сознательно-практического изучения материала и блочно-модульной структурой пособия по научному стилю речи, которая наилучшим образом соответствует требованиям профессионально-ориентированного обучения. В связи с этим необходимо очень тщательно прорабатывать как текстовой материал, предъявляемый студентам, так и упражнения и задания. Пособие должно состоять из **Вводного и Основного курсов** [3, 3–4]. В рамках **Вводного курса** каждый урок должен включать языковые конструкции, необходимые для усвоения; задания на закрепление пройденных моделей и формирование речевых навыков; микротексты, в которых закрепляются и активизируются на практике пройденные модели, а также тесты, позволяющие проконтролировать знания учащихся по изученной теме и степень усвоения ими тех или иных речевых навыков. Материал **Основного курса** должен включать либо уроки, либо лексико-семантические и лексико-грамматические темы с подтемами, которые должны строиться в соответствии с двумя принципами: принципом адекватной представленности основных особенностей системы языка специальности и принципом тематико-ситуативной обусловленности. При составлении микротекстов и основных тек-

стов урока должны быть учтены следующие характеристики:

1) функционально-семантический тип основного текста урока (текст-описание, текст-повествование, текст-рассуждение) [1, 28];

2) основной предмет изложения в тексте и ракурс его рассмотрения в предтекстовых микротекстах;

3) тематика и проблематика микротекстов и основного текста и степень их адаптированности;

4) способ предъявления микротекстов и основного текста урока (их чтение самими студентами или восприятие на слух с последующим контролем уровня понимания содержания путем выполнения различных заданий);

5) форма речи (устная или письменная).

Для достижения целей и задач по развитию связной речи с учётом требований коммуникативно-когнитивного подхода можно порекомендовать несколько групп упражнений. Например, систему заданий, направленных на совершенствование *рецептивных и репродуктивно-продуктивных умений и навыков*:

а) найти в тексте изученные языковые модели;

б) трансформировать информацию, данную в тематически связанных между собой предложениях, в соответствии с изученными языковыми конструкциями;

в) найти в микротексте слова, посредством которых предложения связываются друг с другом;

г) найти в тексте ранее данные преподавателем связочные слова и словосочетания, отражающие введение основной идеи (*известно, что... ; согласно закону; по определению* и др.), введение условия при решении научной проблемы (*допустим, пусть* и др.), ход рассуждения, доказательства (*тогда, отсюда следует, следовательно, и действительно, значит* и др.), вывод (*таким образом, итак* и др.);

д) определить в микротексте (тексте) ключевые предложения, связывающие отдельные части текста в единое целое;

е) определить логико-смысловую последовательность фрагментов и восстановить текст по схеме: «*введение в тему – тезис – аргумент – вывод*»;

ж) найти в основном тексте фрагменты ранее представленных микротекстов, обобщить полученную из микротекстов информацию и соотнести ее с новой информацией, вычлененной из основного текста;

з) используя информацию, полученную из микротекстов и основного текста, а также найденную самостоятельно, составить свое собственное высказывание (письменное или устное) по заданной теме.

Последовательно выполняя указанные типы заданий, учащийся учится концентрировать свое внимание не только на основном содержании отдельных предложений текста, но и воспринимать текст в целом, в единстве его логико-семантических и синтаксических связей, а это в дальнейшем позволит развить его коммуникативные навыки. Анализируя содержание и структуру научного текста, студент получает возможность прокомментировать его в виде цельного монологического высказывания или вступить в диалог с собеседником, имеющим отличное мнение по данной научной проблеме. Так происходит «выход» студентов в спонтанную речь.

Весьма эффективным способом развития коммуникативных навыков студентов в группах инженерного профиля может быть признано использование различного иллюстративного материала, как то: схемы работы механизмов, схемы классификации веществ по разным параметрам, графики, таблицы и др. – при продуцировании собственного монологического высказывания. Так, учебный текст, посвященный физическим и химическим свойствам серной кислоты, преподаватель может дополнить схемой, рассказывающей о применении серной кислоты в промышленности. Студентам же можно предложить рассказать (написать) о свойствах и применении серной кислоты, исходя из полученной им

на уроке информации. Предложив студентам схему, рассказывающую о нахождении углерода в природе и его применении в промышленности, их можно попросить сделать сообщение на заданную тему, дополнив его полученными им ранее сведениями о физических свойствах углерода и его аллотропов, химической активности соединений углерода и т. п.

Развитие новых компьютерных технологий также способствует совершенствованию коммуникативных навыков студентов-иностранцев и разнообразит формы работы с ними. Так, в работе со студентами можно использовать разработанные самим преподавателем или его коллегами готовые электронные уроки [4] по темам курса; прибегнуть к просмотру видеоряда (слайд-шоу), подготовленного преподавателем, или учебных фильмов с последующим их обсуждением на уроке; можно провести виртуальные (и живые) учебные экскурсии на промышленные предприятия (ознакомление с работой промышленных цехов) или природные объекты. Так, большой интерес у студентов-нефтяников, обучающихся в Азербайджане, вызывает экскурсия на грязевые вулканы, где они знакомятся с типами, структурой грязевых вулканов, особенностями их извержения, составом грязи и ее использованием в промышленности и др.; экскурсия на Янардаг («Горящая гора») и др. Интерес вызывает также посещение музея минералогии, экскурсия на нефтегазовый терминал, нефтяные глубоководные платформы и т. д. Экскурсия позволяет преподавателю, с одной стороны, проверить степень усвоения студентами лексического материала и языковых моделей, предъявленных им в аудитории в процессе подготовки к экскурсии, а с другой стороны, в обстановке неформального общения студентов с узкими специалистами оценить поведение учащихся и степень сформированности у них речевых навыков. Таким образом, учебная экскурсия – это не спонтанное действие, а заранее продуманный преподавателем акт: языковой и речевой материал

должен быть отобран в соответствии с уровнем языковой подготовки студентов и актуальными ситуациями общения и отработан в условиях класса в типичных для использования тех или иных языковых форм ситуациях. Лишь в этом случае экскурсия будет успешной. А после экскурсии студентам можно предложить выразить свои впечатления об увиденном и услышанном в форме эссе или поделиться ими в ходе развернутой дискуссии по теме экскурсии.

В заключение хотелось бы подвести некоторые итоги.

Коммуникативно-ориентированные подходы к обучению научному стилю речи студентов-ино-

странцев довузовского этапа обучения предполагают сочетание целенаправленного обучения иностранных учащихся аналитическому чтению с развитием способностей студентов к импровизации текста, с развитием навыков воспроизведения, интерпретации и продуцирования собственного высказывания (в форме монолога и диалога) с применением структурных средств связи. Развитию языковых и коммуникативных навыков учащихся и их кругозора в области выбранной специализации способствует использование аутентичных материалов и моделирование проблемных ситуаций, обеспечивающих как речевое, так и когнитивное развитие обучаемых.

Список литературы:

1. Клобукова Л. П. Обучение языку специальности. – Москва, Изд-во МГУ, – 1987. – 28 с.
2. Майборода С. В. Коммуникативно-когнитивный подход в обучении связной речи иностранных студентов-медиков // Педагогика высшей школы. – 2016. – № 1. – С. 66–68.
3. Мусабекова Н. Ч. Пособие по научному стилю речи для студентов-иностранцев подготовительного факультета (инженерно-технический профиль обучения). Книга для студента. – Баку, Изд-во АзГУ, – 2014. – 106 с. – С. 3–4.
4. Николенко Е. Ю. Применение информационно-коммуникационных технологий в практике преподавания русского языка как иностранного. – Материалы Межд. межвуз. семинара – 2008–2011 гг. – Москва, РосНОУ, – 2011.

*Nikolaeva Albina Mikhailovna,
Candidate of Philology,
Senior Researcher of the Institute of Humanitarian Studies
and Problems of Small Peoples of the North of the SB RAS
E-mail: aliasams@rambler.ru*

SUBJECTIVE-VALUED SEMANTICS OF FIGURATIVE WORDS IN THE YAKUT LANGUAGE

Abstract: The article deals with figurative words in the Yakut language as a special layer of the lexicon of the Yakut language. Specific examples describe the subjective-valued semantics of figurative words.

Keywords: Yakut language, vocabulary, picture words, subjective evaluation.

*Николаева Альбина Михайловна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
E-mail: aliasams@rambler.ru*

СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье рассматриваются изобразительные слова в якутском языке как особый пласт лексики якутского языка. На конкретных примерах описывается субъективно-оценочная семантика изобразительных слов.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, изобразительные слова, субъективная оценка.

Изобразительные слова рассматриваются исследователями как «особый пласт лексики якутского языка» [1; 6; 7]. Данную лексику относят к образной лексике. Но, образные слова в широком смысле — это все слова, имеющие отношение к образному выражению, высказыванию. А в состав изобразительных слов входят такие образные слова, которые употребляются для описания внешнего вида явления, предмета (по определению А. Е. Кулаковского – «картинные слова»).

Изобразительным словам якутского языка большое место отведено в монографии Л. Н. Харитоновой «Типы глагольной основы в якутском языке» [1954]. Автор описывает морфологическую структуру изобразительных слов, выделяет

семантические группы корней определяет виды изобразительных глаголов и типы звукоподражательных слов по фонетической структуре.

Изобразительная лексика якутского языка — это особая лексика, она имеет свойство пополняться новыми словами и потому их количество неограниченно: говорящий может сказать такое слово, которые раньше никто из якутов не слышал, но тем не менее оно хорошо понимается якутами. Количество таких слов невероятно много. Слова могут создаваться заново и пополняться в своем составе [7, 155]. Об изобразительных словах А. Е. Кулаковский отмечал, что изобразительные слова «очевидно, составляются по каким-то тайным законам лингвистики и долго будут

неразрешимой загадкой для ученых лингвистов» [3, 82].

Употребление изобразительных слов относительно неодушевленных предметов и явлений носит лишь художественно-описательный характер. А относительно человека (особенно в разговорной речи), помимо описания внешнего вида человека, они почти всегда выражают субъективную оценку говорящего. То есть, субъект описывает объекта внешне: его глаза, взгляд, губы, голос, походку и т. п., но при этом оценивается его внутренний мир, дается оценка его поведению, действиям, характеру и т. п. В данной статье рассмотрим субъективно-оценочную семантику изобразительных слов на конкретных примерах.

Как показывают словарные толкования, в большинстве изобразительных слов изображается обычно некрасивое лицо или неуклюжие движения, создающие не очень эстетический вид. Это придает оттенок пейоративной оценки неодобрения — *насмешки*. Этот, присутствующий в семантике изобразительных слов оттенок, был отмечен еще А. Е. Кулаковским: «Оно (образное слово) в состоянии вызвать взрыв хохота у слушателей» [3, 82]. В изобразительных словах почти всегда улавливается преувеличение реального вида. Этот оттенок и служит средством выражения субъективного отношения и позволяет нам полагать, что образные слова имеют в своей семантике некую внутреннюю форму, поддерживающую выражение субъективной оценки. Это весьма распространенное явление в устной разговорной речи. Так, они в предложении обычно выступают в форме деепричастия, и в большинстве с модальной частицей отрицательной оценки *сытый* (букв. гнить). Она усиливает отрицательную оценку образного слова. О том, что частица *сытыйан* и *сытыйбыт* часто употребляется с изобразительными словами, отмечено Н. Е. Петровым: «частицы *сытыйан*, *сытыйбыт* употребляются с деепричастиями от образных и звукоподражательных глаголов, и выражает гнев, раздражение, осуждение,

ругань говорящего с указанием на какой-нибудь отрицательный признак предмета речи: **Ырбайа сытыйан**, *хоннобун анныгар быһабын уктан иһэрэ буолуо*. 'Толстопузый такой, наверно, нож за пазухой несет'» [5, 148]. В таких случаях отчетливо проявляется субъективная оценка, выражающая различные оттенки пейоративной оценки – ругательство:

– Пренебрежение с возмущением: **Остойо сытыйан**, *хараҕа эмиз кыараҕаска дылы ди, хайа үөдэнтэн көрбүт соххоруй?*. 'С распухшими веками) откуда смогла увидеть, и глаза то вроде узкие, слепуха эдакая'. **Наччайа сытыйан сынҕаабын күлүүһэ төлө түһэн хааллаҕай!** 'Ты, (придавившаяся к земле), сколько можно открывать замок челюсти! **Уорарын** *сымыйа буолан өһүргэнэн өкчөйө сытыйан олоробун дуо?* 'Что же ты обижаешься, (скрючившийся), будто неправда, что воруеть'.

Пренебрежение с тоном раздражения: **Ол баҕайы чолбоодуйа сытыйан**, *миигин көрөөт төттөрү түһээрэй?* 'Тот тип противный, (с отвратительно невыразительным взглядом), не выбежит ли обратно, увидев меня?'

– Пренебрежение с иронией: **Ньалайа сытыйанҥын**, *баҕар, оонньоомо даҕаны*. 'Ты, (сплошным невыразительным лицом) ладно уж, не играй'.

– Омерзение с тоном возмущения, досады: **Ынайа сытыйбыт** *баара, Дулҕалаахпын кырдык бэрдэрбит эбит диһ*. 'Тот с выступающим животом оказывается, и вправду отдал наш Дулгалах'.

– Омерзение с гневом: **Ырбайа сытыйбыты иһин дэлби уктүөм!** 'Тому толстопузому я живот затопчу!'

В языке имеются образные слова, выражающие также положительную оценку, в основном — *восхищение*: *Арылый* 'быть круглым и ясным (о глазах)'; *дьырай* 'иметь длинное тонкое стройное тело'; *дьондой* 'быть высоким и стройным'; *дугуй* 'ходить, слегка касаясь ногами земли'; *күөкэй* 'грациозно вытягивать длинную шею, иметь тонкую гибкую шею'; *кынтай* 'надменно вскидывать задира

голову' и т. п. Одно и то же образное слово может служить средством описания в одном контексте и средством выражения субъективного отношения в другом. Например, слово *быччай* в описательном контексте *хараҕа быччайбыт* означает «широко открыть глаза». Это же слово может употребляться для выражения возмущения, осуждения: *Бачча бэдик акаарыта тугун сүрэй! Тугу эрэ саныы-саныы быччайан эрээхтиир буолла.* 'До чего же глупый, такой взрослый шалопут, о чем же только бедненький думает, (выпучив глаза)'. Здесь говорящим подчеркивается не внешний вид, а его несерьезность. *Даллай* в описательном контексте означает просто «широко разводить руки», а в субъективно-оценочном контексте приобретает оценку осуждения: *Бу уолаттар даллайан туруман доҕоттор! Көмөлөһүҥ.* 'Вы парни, не стойте тут столбом, (широко разведив руки) помогите'. Здесь выражается

возмущение говорящего по поводу того, что парни стоят без дела.

Итак, сфера употребления образных слов в основном художественная и разговорная речь. Употребляются в отношении неодушевленных предметов, явлений и в отношении человека. Субъективная оценка ярко выражается, когда речь идет о человеке. В отношении человека образные слова употребляются: а) с целью художественного описания внешнего вида б) с целью выразить оценку посредством внешнего описания. Цель высказывания проявляется в контексте. Одно и то же образное слово может иметь чисто описательный характер в одном контексте и выражать оценку в другом.

Они являются одним из излюбленных, метких и эффективных средств для выражения субъективных отношений к человеку.

Список литературы:

1. Афанасьев П. С. Современный якутский язык: Лексикология. – Якутск: Изд-во ЯГУ, – 1996. – 192 с.
2. Гибатова Г. Ф. Семантическая категория оценки и средства их выражения в современном русском языке: Автореф / дис. канд. филол. наук. – М., – 1996. – 21 с.
3. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск: Якутское книжное изд-во, – 1979. – 484 с.
4. Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск: Наука, – 1986. – С. 265–268.
5. Петров Н. Е. Модальные сочетания в якутском языке. – М.: Наука, – 1988. – 220 с.
6. Слепцов П. А. Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, – 1986. – 260 с.
7. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М-Л.: Изд-во АН СССР, – 1954. – 312 с.

Section 6. Literature

*Bovkunova Oksana Volodymyrivna,
Assistant, the Faculty of Ukrainian
and Foreign Philology and Arts
Dnipro National University by O. Honchar,
Dnipro, Ukraine
E-mail: ov2bovkunova@mail.ru*

FROM THE POETICS OF STYLE TOWARDS THE POETICS OF GENRE: “THE DEFENCE OF POESY” BY PHILIP SIDNEY AND THE FORMATION OF THE RENAISSANCE POETICS

Abstract: The following article represents a part of research in investigation the results of the Renaissance epoch in the sphere of theoretical poetics. The article focuses on the differences of Renaissance genre perception from antique one (M. L. Andreev, A. V. Mikhailolov, A. M. Grintser, M. L. Gasparov, S. S. Averintsev). The famous poetics of Renaissance period by Scaliger and Minturno are also paid a great deal of attention. The article demonstrates the category of genre as dominating one during the period of high Renaissance. The process of Renaissance ideals understanding which is reflected in the sphere of literary reflection and in the change of reception objects takes place in the article. The establishment of Mannerism aesthetics (tractate “The Defence of Poesy” by Ph. Sidney) is the object of presented investigation. “The Defence of Poesy”, devoted to the division of literature into genres is completed by debates about content and the form of creative work and correspondence of form and content. The article examines the transformations of Horace and Aristotle.’

Keywords: S. S. Averintsev, M. L. Andreev, M. L. Gasparov, A. M. Grintser, A. V. Mikhailov, Seneca, Plautus, Terentius, Virgil, Horace, Poetics, Poetry, J. C. Scaliger, A. Minturno, Cinquecento, M. Boiardo, Orlando Innamorato, Orlando Furioso, L. Ariosto, De Romanzi, Pigna, To Pigna, Giralaldi Cinzio, Philip Sidney, The Defence of Poesy, L. Castelvetro, Dante, Aristotle, Mannerism, Renaissance Poetics, high Renaissance, late Renaissance, traditionalism, baroque, novel genre, tragedy, genre canon, mimesis.

The Renaissance Poetics and the XVIIth century preserving the traits of succession as for the previous antique and medieval stages of forming artistic perception in cooperation of the word art practice and its theory (and consequently being in the frames of traditionalism), differs by the originality as well. The image of the world which is reflected in

the literature changes directly: a man who is in its center is connected not with absolutized nature-social being (space and polis in antique literature), not with an idol (God, eschatological literature of the Middle Ages) but with his own, with his universal being. As famous Russian men of literature who developed historic typology of artistic perception

(S. S. Averintsev, M. L. Andreev, M. L. Gasparov, A. M. Grintser, A. V. Mikhailov) note, the balance of personal and impersona in literary conscience is moving a lot towards the first one. The thing which used to be unclear, spontaneous, naturally important now is being rationalized, systematized, thought out as an objective law, it is realized this or that way. The sphere of ideal becomes narrower: it becomes unreachable in real life but reachable in arts reality. In arts becomes possible through perception of experience in culture [1].

An argument between those who are oriented to the abstract grammar rules and those who copy concrete literary samples existed since the XIV–XVth century [3].

One of the results of the Renaissance epoch in the sphere of theoretical poetics is not fully thought out but practical division between the law of genre and the law of canon was done. This very thing becomes the main difference of Renaissance genre perception from antique genre perception. The view of antique literature to the system of genres was as a look to the system of authorities. Every genre had its own sample: Seneca was in tragedy, Plautus and Terentius in comedy, Virgil in epos, Horace in lyrics [4].

An argument at the end of Renaissance concerned mainly the question what should be understood as the genre necessity and where its "frames" are. Nobody doubted that personal and impersonal should be divided. "Everybody agreed that a literary work has the right to exist when one can see any rational and non-divided nucleus in which poetic individuality dissolves and disappears [3].

M. Andreev connects the establishment of the Renaissance genre poetics with the perception of Aristotle's poetry understanding.

In accordance with A. V. Mikhailov, the genre category has become the main category of literary reflection since that time. It has been transformed from the point of view of its contents according to the category of author. All known poetics of Renaissance which appeared after 1550 are oriented, first

of all, to the understanding of the genre nature and creation of the universal literary genre system but state its historic changing connected with the artists' desire to the original self-realization.

In the famous poetics of the given period: "The Art of Poetics" (1561) by Julius Caesar Scaliger – a classical antique genre science was created. Great attention was paid to tragedy as a genre. The author considers that the object depicted in tragedy should be an outstanding person shown in the context of outstanding events (war) and at the moment which is preceding the decisions of this given events. The unity of time, place and action should take place in tragedy.

However characterizing the main peculiarities of the tragedy formation consequently Julius Caesar Scaliger scrutinizes the model of artistic reality as one of the ways of the reformation of "bronze world" – life into the "golden world" – arts which characterizes the essence of literary creativity, according to the theorist. Thus, in literary-theoretical experience of the Renaissance epoch which is usually connected with the Renaissance establishment of Renaissance, the conception of arts is being formed. Further it will be the base of Mannerism, and partly will lead to the genesis of its descendant – baroque.

In A. Minturno's "The art of Poetics" (1563) the protection of classical genre system and aesthetic stability of epos in particular leads to the search of the variants of historic implementations of the truth unity. So, the background to escape from a definite sample and from a model of literary creativity in its Aristotle's variant is based. This will influence the peculiarity of Mannerism and baroque artistic perception [2].

As M. Andreev demonstrates, a peculiar aspect of forming the Renaissance genre poetics is the introduction into the sphere of literary reflection of the novel genre. Literary theorists Cinquecento starts the perception of its essence in the process of discussion around creative works by M. Boiardo "Orlando Innamorato" and by L. Ariosto "Orlando

Furioso”, which were the attempt to combine genre models of epos and knight novel [2].

In the process of their thinking out the first samples of theoretical study of the novel genre appear. This is tractate “De Romanzi” (Pigna), “To Pigna” by Giraldo Cinzio, “De Romanzi” by Giraldo Cinzio published in 1550 [2].

Thus, during the period of high Renaissance a genre becomes the dominating category of literary reflection, the universalism of aesthetic genre canon is being reconstructed and the move from the category of genre canon to the category of genre law is seen. This means that the rules of texts creation oriented to concrete items have been changed by the knowledge of general laws of the artistic texts creation.

In the period of late Renaissance the process of Renaissance ideals understanding is reflected also in the sphere of literary reflection and, in particular, appears in the change of reception objects: the interest to Aristotle’s works is changed by the interest to Plautus’ creative works, traditions of platonism and neoplatonism on the whole. The establishment of Mannerism aesthetics takes place here. During this process the samples of late Renaissance literary reflection are being formed. One of the first theoretical manifests of Mannerism is a tractate by Ph. Sidney “The Defence of Poesy” (about 1583, published in 1595). Ph. Sidney starts his experience of understanding of the word art by the definition of the poetry aim as a unity of teaching and pleasuring. According to the theorist, it takes place with the help of imitation. Along with this statement Ph. Sidney says: “A poet follows those ideas which he creates by his own mind like God” [9]. In his imitation to God the artist also creates the reality but this reality is very specific, it is artistic one. This new nature created by a poet overcomes the real nature, in other words the earth reality. In the same tractate Ph. Sidney offers open genre science which is built on the basis of combination of contextual and formal criteria and illustrated not only by antique but also

modern to him works. That is why along with finding out the main principle of Mannerism aesthetics – the statement of arts priority over the nature – the direction to the combination of different origins of literary creativity which is typical for Baroque artistic understanding, also takes place.

Starting to write his tractate “The Defence of Poesy” Ph. Sidney based his studying on Aristotle’s works and his Italian-Renaissance followers – A. Minturno, J. C. Scaliger, L. Castelvetro [4]. Defining the historic place of fiction and its main role in perception and understanding of the surrounding world, Ph. Sidney wrote that the verse “noble peoples ... respect as before a source of light in ignorance, as a feeder who has fed them by her milk for the science more difficult to percept” [9]. He is sure that among all arts only poetry can give a person serious knowledge and push to study special sciences. This is a difference of poetic art from philosophy and history close to it. The reason for such a serious mission of poetry Sidney sees in the unity of categories of perception and pleasure, peculiar to the poetry only, which is necessary for the following implementation of its perceptive essence. “Everything is the subject for Dante – from his Paradise to his Hell – depends upon the poet”, – the scholar noted [9].

According to the definition of the English theorist, “poetry is the art of imitation, that is why Aristotle calls it mimesis, in other words reproduction, imitation, reformation or saying metaphorically – a picture, the aim of which is to teach and to please” [9]. After Aristotle Ph. Sidney considers the nature from which “they depend on as the doers” to be the object of imitation for all arts. Under the doers he meant philosophers, historians and others because they follow the Nature and a poet goes along with the Nature side by side, he takes its gifts but creates “the second Nature” by them with the power of his imagination [9]. This imagination differs the poet.

According to Sidney, the poet does not create anything supernatural or even ideal which can be produced by Nature as well. English theorist

studies imagination in perceptive and aesthetic spheres: the image, appeared in the poet's mind and dressed up in words must be logically explained to reach the main goal – aesthetic influence on the people. In order to demonstrate why and how, having created the given image, real poetry illustrates not the thing which was, is or will be, but the things which could or must be. This is the essence of researching and perceptive function of poetic imagination. Aristotle noted it as a peculiarity which differs the poetry from all other arts. Sidney develops Aristotle's idea: "There are those who imitate thoroughly to teach and give pleasure and while imitating they do not take anything from that what is, was and will be, but they are influenced only by their knowledge and understanding, they are in the process of God's scrutinizing about what can be or must be" [9].

After Aristotle Sidney comes to the idea about the great role of poetry in perception of the world, because it perceives a man – a perfect Nature creation. So the final aim of poetic art is to be ennobling for a man: "Mind purification, memory enrichment, stimulating the process of understanding and giving freedom to imagination are its final aim – to lead and excite us to those levels of perfectionism which

are only possible for our souls" [9]. Sidney took this idea of emotional influence from A. Minturno, whose works were published in Italy in 1559 and in 1564. But it is much more important that the way to this idea in "Defence" is rather logic and takes its start from the author's definition of poetry, which demonstrates a unity of category of perception and pleasure [2].

Chapter "The Defence of Poesy", devoted to the division of literature into genres is completed by debates about content and the form of the creative work and correspondence of form and content. Sidney defines eight genres: pastoral, elegiac, iambic, satirical, comic, tragedy, lyrical and heroic. Scrutinizing the peculiarities of each genre he comes to the conclusion that their main differences are concluded in the content and their formal differences also depend on them [3].

Thus, transformations of parts of Horace and Aristotle's models of literary creative writing took place in late Renaissance artistic perception. These transformations define such their combination which will be implemented firstly in the aesthetics and poetics of "art of manner" and then in the aspects of baroque artistic understanding.

References:

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох. [Эл. ресурс]: URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/history-poetic>
2. Андреев М. Л. Итальянское Возрождение: от стиля к жанру / М. Л. Андреев // Историческая поэтика: типы и формы художественного сознания – М., – 1994. – С. 297–326.
3. Аникст А. А. Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы / А. А. Аникст // Ренессанс. Барокко. Классицизм. Проблемы стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII вв. – М., – 1966. – С. 178–244.
4. Гаспаров М. Л. Поэзия и проза – поэтика и риторика / М. Л. Гаспаров // Историческая поэтика: типы и формы художественного сознания – М., – 1994. – С. 126–159.
5. Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения / М. Дворжак – М.: Искусство, – 1978. – 395 с.
6. Никифорова Л. Р. Об особенностях преломления начального этапа осмысления жанра романа у Ф. Сидни / Л. Р. Никифорова // Актуальные вопросы теории и истории зарубежного романа ХУН–ХХ веков. – Днепропетровск: изд-во ДГУ, – 1984. – 122 с.

7. Потемкина Л. Я. О системе поэтики западноевропейского пасторального романа XVI – начала XVII века / Л. Я. Потёмкина // Системность литературного процесса. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, – 1987. – С. 111–118.
8. Тананаева Л. И. Некоторые концепции маньеризма и изучение искусства Восточной Европы / Л. И. Тананаева // Советское искусствознание. – № 22. – М.: Сов. художник, – 1987. – С. 123–167.
9. Sidney Philip. The Defence of Poesy / Philip Sidney [Эл. ресурс]: URL: <https://www.poetryfoundation.org/articles/69375/the-defence-of-poesy>

Section 7. Management

*Dr. Burton A. Aggabao,
Faculty Member, College of Business Administration
University of Fujairah
E-mail: aggburt@yahoo.com/b.aggaba@uof.ac.ae*

*Rashed Saeed Al Yamahi,
BBA graduate, College of Business Administration
University of Fujairah
E-mail: aggburt@yahoo.com*

THE EXTENT OF IMPLEMENTING MANAGEMENT FUNCTIONAL AREA AND EFFICIENCY OF HR FUNCTIONAL AREA OF RASH AL KHAIMA MUNICIPALITY

Abstract: this study assessed the management functional areas and human resource functional areas of RAK Municipality. The descriptive research designed was used to measure the level of quality of implementing the management functional areas and efficiency of implementing human resources management functional areas. The sampling technique was utilized to determine samples from the total employee-population of the RAK Municipality. The researcher's made questionnaire was employed. The Pearson Correlation Coefficient was the statistical tool to test the significant relationship between the quality of implementing management functional areas and human resource functional areas of RAK Municipality.

This study disclosed that the over-all level in implementing the management functional areas of RAK Municipality as generally "acceptable". Similarly, the overall level of efficiency in implementing the human resource management functional areas was affirmed as "acceptable". It was further revealed that there is a significant relationship between the quality of implementing management functional areas and efficiency of implementing the human resource functional areas. This study can be replicated by considering other variables of functional areas of the organization to validate if other areas are dependent and interdependent.

Keywords:

1. Introduction

The need to pursue efficient delivery of services in the local government, like the *Rash Al Khaima Municipality*, requires a need to advance its management and human resource practices to achieve its goals and objectives. French, Goodman and Mor-

rison [1] enunciate that "effective human resource strategies contribute to an important role in directing legislative, policy, and technological challenges needed by the modifications of structure, processes and the management of employees". These strategies are significant dimensions of a long term planning

processes employed in developing vision, mission and goals; and, in recruitment, training and development, employees' relations and compensation and benefits necessary to establish organizational culture and work environment toward relevant management and human resource practice.

According to Abernethy, Bouwens, and Van lent [2] the "skills of managers and the workforce are considered an organization's positive gains in productivity and other organizational outcomes". In managing a change in strategic decision due to limited resources, for example, requires organizing skills of the management team to rethink how to execute goals with limited resources. In this context, managers require their skills to organize in terms of deploying resources to achieve strategic goals. Mejia and Balkin [3] state that organizing follows the formulation strategy; and strategy indicates what needs to be done, organizing shows how to do it.

Enhancing performance in the public sector in terms of managerial roles and human resources practices, like the Rash Alkhaima Municipality, is the primary goal of any organization. The skills of the manager's play an important role and these competencies of managers are recognized by the leaders in the Rash Alkhaima Municipality to drive managerial scope of works in the

departmental level, particularly in the human resource functions to realize its intended strategic goals.

1.1. Conceptual Research Framework

Most public sectors attempt to deliver service efficiency among their constituents, the case of RAK Municipality in particular. To ensure efficiency, however, there is a need to audit RAK Municipality management practices and human resource practices to determine the extent of implementing these two (2) functional areas of strategic management practice. In this study, the management functional area is considered as the independent variable, and it is assumed to have raised the extent of implementing the human resource functional area at the municipality, which is the dependent variable of this study.

RAK Municipality requires to set its strategy to ensure that it achieves its goals and objectives. Strategy is a unified and coordinated set of commitments and actions designed to develop and exploit core competencies and gain a competitive advantage (Hoskisson, Hitt, Ireland, and Harrison [4]). RAK municipality makes choices out of competing alternatives and decision making initiative on how to pursue strategic competitiveness particularly the management and human resources functional areas as reflected in the audit questionnaire.

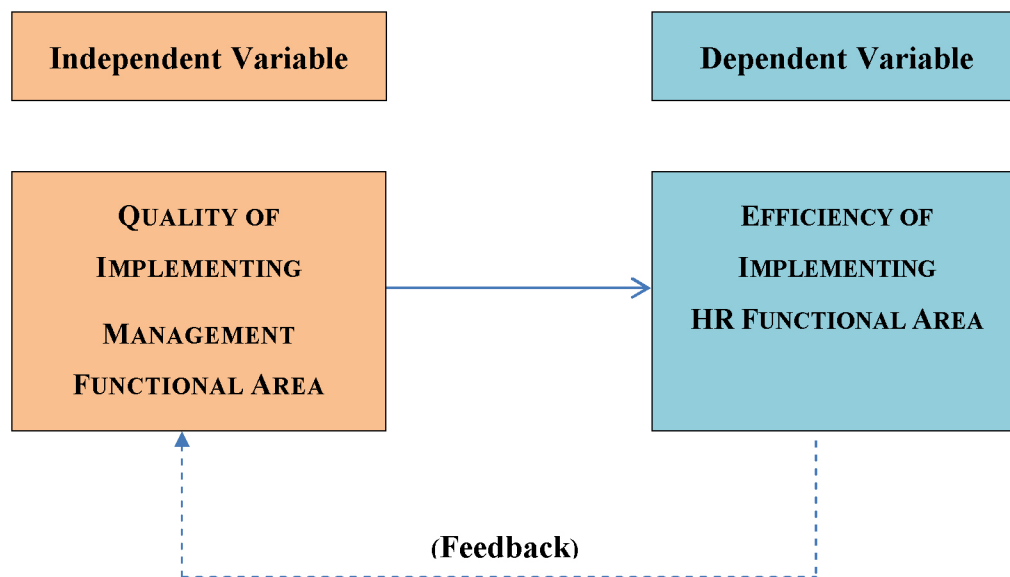


Figure 1. Research Paradigm of the Study

The identification and establishment of these functional areas lead the RAK municipality to determine its strategic management process. In this regard, the principles of strategic management process to include the full set of commitments and execution of plans, is required for a firm to achieve strategic competitiveness and earn above-average returns [5]. The RAK Municipality pursues initiatives on achievement strategic competitiveness and above-average returns. The effectiveness of RAK Municipality in terms of implementation and formulation of proactive actions increases when those actions are effectively integrated, the case of management function and human resource function. These two processes are dynamic in nature, are continuously coordinated, and link to strategic inputs.

1.2. Statement of the Problem

This paper aimed at assessing the Management and Human Resources Functional Areas of RAK Municipality. Specifically, it sought to answer the following questions:

1. What is the level of quality of implementing the management functional areas?
2. What is the level of efficiency of implementing the human resource management functional areas?
3. Does the quality of implementing management functional areas affect the efficiency of delivering human resources management functions of RAK Municipality?

1.3. Hypothesis of the Study

The quality of implementing the management functional areas significantly affects the efficiency of implementing the human resource management functional area at the RAK municipality.

2. Literature Reviews

Every organization does its best to implement functional areas to complement other activities to achieve organizational effectiveness. Proper implementation of the management functions and human resource functional areas contribute to organizational success.

Decision making is particular important to managers. It is the essence of management where managers plan, organize, lead and control. Rational decision making is making logical and consistent choices to maximize value. And, managers have all sorts of tools and techniques to help them be rational decision makers [6]. It is expected that a manager is a rational decision maker who is fully objective and logical. Shavit and Adam further supported that “making decisions rationally would consistently lead to selecting the alternative that maximizes the likelihood of achieving that goal [6].

The definition of management by several authors is wide. Drucker [7] states that the “management as an organ of society charged with making available resources productive, particularly on envisioning management as tasks, a discipline and managing people”. Longest, Rakich and Darr [8] emphasizes that management as process is comprised of social and technical functions and activities occurring within an organization for the purpose of accomplishing predetermined objectives through humans and other resources.

“Planning encompasses defining the organization’s objectives or goals, establishing an overall strategy for achieving those goals, and developing a comprehensive hierarchy of plans to integrate and coordinate activities” [9]. According to Robbins and Coulter [9] “human resource planning is the process by which managers ensure that they have the right number and kinds of capable people in the right places and at the right time. Planning ahead controls employees’ shortages and surpluses.

They asserted that managers should plan according to: First, planning establishes coordinated effort [9]. When organizational members understand where the organization is going and what they must contribute to reach goals, they can begin to coordinate their activities, thus fostering teamwork and cooperation. According to them, a lack of planning can cause organizational members or work units to work against one another and keep the organization from

moving efficiently toward its goals [9]. Second, encourages managers to plan ahead, anticipate change, consider the impact of change and develop appropriate responses, planning reduces uncertainty. With this practice, sets the results of actions managers may take in response to change. In fact, planning is precisely what managers need in a changing environment [9]. The next process involves planning as decreasing the overlapping and wasteful activities. It requires proper coordination for any likely to uncover waste and redundancy. When means and ends are clear, inefficiencies become obvious [9]. Lastly, planning establishes the goals or standards that facilitate control [9]. If organizational members are unsure of what they are attempting to achieve, how can they assess whether they had achieve it? When managers plan, they develop goals and plans. When they control, they see whether the plans have been carried out and the goals met. If significant deviations are identified, corrective action can be taken. Without planning, there would no goals against which to measure or evaluate work efforts [9].

Formal planning may improve organizational performance. Delmar and Shane [10] emphasized that “the relationship between planning and performance have shown generally positive results”. First, formal planning means higher profits, higher return on assets, and other financial results. Second, the quality of the planning process and the appropriate implementation of the plan probably contribute more to high performance than does the extent of planning. Finally, in those organizations in which formal planning did not lead to higher performance, the environment was often to blame. For instance, governmental regulations, unforeseen economic challenges, and other environmental constraints reduce the impact of planning on an organization’s performance [10].

Strategic management plays a significant role in planning. Robbins, et al [9] explain “strategic management as what managers do to develop an organization’s strategies. Organization strategies are plans

for how the organization will do what it is in business to do, how it will compete successfully, and how it will attract and satisfy its customers in order to achieve its goals”. Research has revealed a “generally positive relationship between strategic planning and performance. For example, those companies that plan strategically appear to have better financial results than those organizations that do not [11]. Other reason that strategic management is important it has to do with the fact that managers in organizations of all types and size continually changing situations.

Most organizations implement Management by Objectives (MBO) instead of traditional goal setting. Recent studies of MBO programs disclosed that MBO can improve employee performance and organizational productivity. As an example given by Bryan and Joyce [12], one review of MBO programs found productivity gains in almost of them, and goal setting can be an effective approach to motivating employees.

The effectiveness of an organization to a large extent is governed by the quality of people it employs. Its success depends on hiring employees with the competency to efficiently perform the job task required to attain by the organization’s strategic goals. Staffing and human resource management decisions and methods are critical to ensuring that the organization hires and keeps the right people [9]. The Strategic HR (SHR) planning is “the input that drives the entire process, which is the development of a vision about where the company wants to be and how it can utilize human resources to get there. The objective of SHR is creating a sustained competitive advantage” [9]. They further described that strategic human resource adopts the principle of contingency theory. This theory describes that the compatibility of any management and human resource practices that leads to fit impacts to effective performance. Any incompatibility leads to unfit practices that impacts decreasing of effective performance.

Human resource management exists in the organization to cater for the people that influence

operations, productivity, the quality of work life, and productivity. The objectives is to access and maintain an adequate level of manpower strength, in terms of both quality and quantity, needed to achieve organizational/business goals while providing its employees a productive, safe, happy work environment, and satisfying terms employment. The HRM practice today shifted its functions, from general administration to HR strategic partner. The core competitive advantages of an organization are based in the foundation of its human resources or human capital [13].

The strategic focus on human resource management and human resource development are drawn at three levels of thinking and action. “The first or highest level is the strategic level (of managerial work), which deals with overall aims and objectives and formulation of plans and policies. This interconnects with the second managerial level, which ‘focuses on the processes by which the organization obtains and allocates resources to achieve its strategic objectives’ [14]. Finally, the operational level is the hands-on day-to-day processes of managing and organizing of work. Thus HRD may be considered as a range of culturally sensitive interventions linked vertically to business goals and strategy, and horizontally to other HR and business activities, to actively encourage and support employee learning, commitment, and involvement throughout the organization.

Barney [15] as cited by Leopold and Harris [16] ‘warned that sustainability of competitive advantage is achieved, not only through an analysis of its external market position, but through a careful analysis of the firm’s skills and capabilities. In this regard, “a resource-based view of the firm can give rise to consideration of work-based learning, which would place human resource development as a central tenet of strategic human resource management [17].

Schermerhorn, Cattaneo, and Tessler [13] identified “six fundamental competency domains that HR professionals must demonstrate to impact business performance – strategic positioned, credible activist,

capability builder, change champion, HR innovator and integrator, and technology proponent. They also found that HR professional competence explained almost 10 percent of business success. The competencies that predict personal effectiveness are slightly different than those that predict business success, with insights on technology, HR integration, and capability building having a greater impact on business results. HR professional competence and the HR organizational effectiveness required for contribution and sustained high performance”.

Long and Long and Wan Khairuzzaman [18] disclosed that “strategic contribution, business knowledge, and HR technology have significant correlation with firm performance”. Personal credibility was found out to have no bearing with the efficient HR delivery. On the contrary, Choi, Wan Khairuzzaman, and Salmiah [19] found out that the top nine ranking HR competency factors are from the domain of personal credibility and HR delivery”. Schermerhorn, Cattaneo, and Tessler [13] stressed that based on the evaluation by non-HR respondents, strategic contribution is the competency that will lead to financial competitiveness, while HR managers consider business knowledge to be crucial for an added value of the HR function [20].

In the study of Chilanga, Mwanza, and Korodia [21]. they claimed that all HR skills are important. However, communication is considered as the most important skills of a middle manager, and human resources management function is integral with the human resource management process to improve efficiency. It seems that “the human resources management function is generally gaining more acceptances, particularly as it becomes more integrated with business objectives and faces up to current issues, such as improving international competitiveness” [13].

In addition, Schermerhorn, Cattaneo, and Tessler [13] asserted that “there is more to strategic human resources management than merely inserting the work “strategic” into the human resources management function to enhance its credibility and val-

ue. Hendry and Pettigrew, [22] relate the “different conceptions of strategic HRM, all the way from just indicating that planning is used at some level in the organization, to the viewing of people as strategic resources for achieving competitive advantage”.

Human Resource Development could be seen as ‘moving from being part of an organization’s goals to actively shaping strategic direction, with an emphasis on outcomes as well as outputs and linked to a positive learning climate with specific policies, commitment and leadership [16].

Aston and Feslthead [23] ‘identified characteristics pointing particularly to larger organisations where employment practices geared to employee investment and commitment also linked to the company being more committed to employee development. ‘Many managers fail to invest in their own self-development (because of demanding workloads and perception of training as being remedial rather than developmental), they may also find it difficult to assess what skills to train for in their workforce [24].

Schermerhorn, Cattaneo, and Templer [13] mentioned in his paper, that the crucial in organizational effectiveness is the way in which HRM adapts to the internal and external environment of the organization. It is the distinction between what they call fit and corporate culture models of effectiveness. Fit models argue that the key task of HRM is to match people to strategy, whereas corporate culture models argue that there is a kind of universal ideal human resources management which comes first as a superordinate goal, and thus the key task of the human resources function is to ensure that corporate strategy is based upon these good HRM principles [22].

The above concepts based on the literature reviews support the assumptions and claims of the researcher as basis in developing and enhancing his research framework. As most of the critic say, for management functional areas and human resource management functional areas to be efficient, proactive actions must be facilitated for the change process to be implemented in the organization.

3. Research Methodology

3.1. Research Design

The researcher used the descriptive research design, particularly the survey research design. According to Leedy and Ormard [25], the survey research design “involves assigning information related to one or more groups of people perhaps about their characteristics, opinions, attitudes, or previous experiences”.

In this study, the researcher applied the survey research design to measure the quality of management function and the efficiency of human resource function at the RAK municipality.

3.2. Population Frame and Sampling Scheme

The population of this study is 612 employees of RAK municipality. The simple random sampling is used to determine the samples to be drawn from every departments of RAK Municipality.

3.3. Description of Respondents

The 64 sample-respondents of this study are composed of directors, engineers, department managers, supervisors, and employees of RAK Municipality.

3.4. Data Gathering Instruments

The instruments employed in this study were the researcher’s made questionnaire. The first questionnaire conveys the items on management functional areas, while the second set of questionnaire bears the human resource functional areas. The questionnaire-items on functional areas were designed and patterned after David [27] concepts and principles of functional areas.

To show validity, the researcher prepared the draft of the questionnaire and submitted to the supervisor for comments and suggestions. The questionnaire-items were then designed and operationalized each items based on RAK Municipality context. The questionnaire was pre-tested to some RAK Municipality, who were are not included in the actual administration of the questionnaire, to establish its reliability and validity. Then, the questionnaire was finalized based from the recommendation gathered during pre-testing.

The 5-Likert scale for the level of quality of implementing management functions and level of efficiency of implementing human resource functional areas are: 4.51–5.0 (5)– *Very Good*; 3.51–4.50 (4)– *Good*; 2.51–3.50 (3)– *Acceptable*; 1.51–2.50 (2)– *Poor*; 0.60–1.50 (1)– *Very Poor*.

3.5. Procedures of Gathering Data

The researcher sent a request letter to the Manager of RAK Municipality to seek for approval to administer the questionnaire. Upon receiving the approval of the request letter, the researcher coordinated with the department heads to distribute the questionnaires according to the number of samples for each department/unit. Then, the questionnaires were given to the sample-respondents.

The questionnaires were retrieved from the respondents. After retrieving all the questionnaires, the researcher tabulates the responses and analyzes them. Finally, the researcher established the results and provided recommendations based from the results and conclusion of the study.

3.6. Statistical Tools used in Study

The weighted mean was used to determine the level of quality in implementing the management functional areas and the level of efficiency in implementing the human resource functional areas of RAK Municipality.

The correlation coefficient was used to measure the significant effect between the level of quality of implementing the management functional areas and level of efficiency in implementing the human resource functional areas of RAK Municipality. The 0.05 level of probability was considered as the level of significance.

The Statistical Packages for Social Sciences (SPSS) was used to aid the researcher in the statistical computation and analysis of data.

4. Results and Discussions

This section presents the results, analyses, and discussion of the information gathered on the management and human resource functional areas of RAK Municipality.

The following *Likert* scales were used to establish the level of quality of implementing the Management Functional Areas and the level of efficiency of implementing Human Resources Functional Areas:

4.51–5.0 (5) Very Good

3.51–4.50 (4) Good

2.51–3.50 (3) Acceptable

1.51–2.50 (2) Poor

0.60–1.50 (1) Very Poor

4.1 Level of Quality in Implementing Management Functional Areas

The RAK Municipality employees disclosed that the level of quality in implementing the management functional areas is “**acceptable**” based on their assessment and as revealed by the overall weighted mean score 3.29. Further revealed that most of the items under management functional areas are found to be “**acceptable**”. The management functions that are evaluated as “acceptable” are: RAK Municipality has a clear vision and mission statement; it has much flexibility in decision making; it sets a clear culture to support structure and policies; it supports corporate culture for community; it maintains its internal resources; and, it focuses on increasing communication and coordination between its function and coordination.

Furthermore, RAK Municipality has objectives and goals measurable as effective; it uses Management Information System (MIS) to coordinate among functions and to serve employee’ recruitment; it has appropriate organizational structure; it has effective organizational reward and control mechanism; and, it has managed the delegation of authority well.

The management functional areas that are evaluated as “**good**” in terms of quality implementation are: RAK Municipality has a clear vision and mission statement; and, it has used vertical structure, as indicated by the computed **mean scores of 3.56 and 3.52**, respectively.

The RAK management, through its middle managers, plays an important role in organization’s suc-

cess. The managerial roles ensure that the system best meet the goals and demands of the organization [26]; and an organization's performance is attributed to the management skills and knowledge of the organization's workforce [2]. Consequently, the demonstration of management skills among middle managers is extremely important to exercise quality managerial functional areas.

4.2. Level of Efficiency in Implementing Human Resource Functional Areas

The efficiency of RAK Municipality in implementing human resource functional areas is disclosed as “**acceptable**” based on the computed total **mean score 3.09**.

Table 4.2 further reveals that all dimensions of human resource functional areas are found to be “acceptable”. These are: *the RAK Municipality recruits qualified employees; it has job descriptions clear for each employee; it uses motivation policy for employees; it provides training programs for employee; it uses reward and punishment policy; and, it gives fair compensation to their employees.*

In addition, RAK Municipality has “acceptable” retirement policy for their employees; it has fair performance evaluation for each employee; it ensures the work environment that is safe; it uses internal resource for recruitment; it gives fair in giving benefits to their employees; and it has a low rate of employee turnover and absenteeism.

The RAK Municipality basically responds to human resource functions it implements. Human resource planning that includes an established objectives, policies and processes on recruitment and staffing, training and development, compensation and benefits, and health and safety that is appropriate to RAK Municipality's overall goal will ensure achievement of those goals and objectives.

4.3. Significant Effect of Level of Quality in Implementing Management Functional Areas toward Level of Efficiency in Implementing Human Resource Functional Areas

The researcher found out that there is a significant relationship between quality in implementing

management functional areas and efficiency in implementing human resource functional areas as revealed by the computed p value = 0.000 associated with the computed correlation coefficient value which is .819 which is less than the hypothesized probability level at $p = 0.05$ (Table 4.3).

The quality of implementing the management functional areas of RAK Municipality is attributed to the middle managers' extent of commitment to exercise their roles in this component, which affects the general efficiency of implementing human resource functional areas.

5. Conclusion

The researcher forwards the following conclusions based from the results of the study:

1. The over-all level of quality in implementing the management functional areas of RAK Municipality was found out to be generally “**acceptable**”. Most of the areas of the management function were assessed as acceptable. Two areas were found that RAK Municipality demonstrates “good” quality in terms of implementing management functional areas particularly on establishing its clear vision and mission statements, and the way it uses its vertical structure approach.

2. The over-all level of efficiency in implementing the human resource functional areas was generally disclosed by the respondents as “**acceptable**”. It is highlighted that RAK Municipality gives fair in giving benefits to their employees, and it has a low rate of employee turnover and absenteeism. These two areas under human resource functional areas were the most highly rated under the description of “acceptable”.

The quality of implementing the management functional areas, as dependent variable of this study, was found out to have significant effect on the level of efficiency of implementing human resource functional areas of RAK Municipality.

6. Recommendation

Based from discussion and conclusion of this study, the researcher recommends the following strategies to further increase the level of quality in implementing management functional areas

and raise the level of efficiency in implementing human resource functional areas:

6.1. Enhance the Quality on Implementing Management Functional Areas

- The RAK municipality should establish a set of intervention processes for each item under managerial functions that may increase the quality level of implementation from “acceptable” to above the mean or the higher level.
- It should establish intervention processes strategically and be communicated to all administrators of RAK Municipality, monitor and evaluate the performance of each item, and communicate the results to the RAK management in order to implement necessary actions to ensure raising the level of quality of implementation.
- The middle managers play unlimited roles in organizational achievement, thus RAK management must involve its middle managers in all aspects of roles required to achieve quality implementation of management functions.. According to Heizer and Render [26] managerial roles undertaken by middle managers ensure that the organization’s systems is best meets the goals and demands of the organization, and organization’s performance is linked to the management skills and knowledge of the organization’s workforce [2]. In this regard, the knowledge and skills of middle managers of RAK Municipality affect their performance.
- Knowledge and skills of middle managers of RAK Municipality need to be assessed to effectively implement their roles.
- RAK Municipality should evaluate its corporate strategy and out of the result of the assessment can establish a new corporate strategy framework to specify what business RAK Municipality is in or wants to be in and what it wants to do with that business. All of which are based on its mission and goals, and the func-

tion of each business unit of the RAK Municipality will play.

6.2. Enhance the Efficiency on Implementing Human Resource Functional Areas

- The RAK Municipality should strengthen its human resource functional areas by identifying the gaps of each factor; establish intervention processes that can improve the level of efficiency from “acceptable” to above the mean or the higher level.
- The HR Administrators can integrate the principles of strategic human resource by aligning the current practices to implement appropriate human resource functional areas to increase the level of efficiency.
- The RAK Municipality should consider employment planning by following two steps: a) by assessing its current human resources and future human resource needs; and b) by developing a plan to meet those needs. This will ensure that RAK Municipality observes the employment planning process to have the appropriate number and kinds of employees in the right places at the right time.

6.3. Enhance the Relationship between Quality of Implementing Management Functional Areas and Efficiency of Implementing Human Resource Functional Areas.

The RAK Municipality:

- Should create a quality assurance unit or department to monitor the implementation of management functional areas and human resource functional areas in all aspects. Consequently, RAK Municipality may experience that its management functional areas create more significant effect toward an efficient implementation of its human resource functional areas.
- Should set goals considering management by objectives. The middle managers of RAK Municipality should follow the six steps when setting goals, as asserted by Robbins, *et.al.* [9]:

Review the organization's mission and employees' key job tasks; evaluate available resources; determine the goals individually or with input from others; make sure goals are well-written and then communicate them to all who need to know Build in feedback mechanism to assess goal progress; and, link rewards to goal attainment.

- A follow-up study can be conducted adopting other variables of functional areas particularly operation, marketing, research, and finance and other dimensions to validate its roles and effects to a particular functional area or areas.

References:

1. French E., Goodman D., and Morrison M. An Empirical Evaluation of the Influence of Descriptive Representation on Human Resource Practice at the Local Government Level. – 2014.
2. Abernithy M., Bouwens J., and van Lent L. The Role of Performance Measures in the Intertemporal Decisions of Business Unit Managers. – 2007.
3. Mejia L., and Balkin D. Management: People, performance, change. Pearson. New Jersey. – 2012.
4. Hoskisson R. E., Hitt M. A., Ireland R. D., & Harrison J. D. Competing for Advantage (2nd ed.). Mason, OH: Thomson / South-Western. – 2008.
5. Volberta W.H., Morgan R. E., Reinmoeller P., Hitt M. A., Ireland R. D., and Hoskisson R. E. Strategic management, concepts and cases: Competitiveness and Globalization. Singapore: Cengage – 2011.
6. Shavit T., and Adam M. A preliminary explorations of the effects of Rational Factors and Behavioral Biases on the Managerial and Choice to Invest in Corporate Responsibility. Managerial and Decision Economics. – 2011.
7. Drucker P. F. Managing in turbulent times. – New York: Harper & Row. – 1980.
8. Longest B. B. Rakich J. S., and Darr K. Managing health services organizations and systems. Baltimore, MD: Health Professions Press. – 2000.
9. Robbins S., DeCenzo D., and Coulter M. Fundamentals of Management. Essential concepts and applications. Eight Edition. Pearson Education. USA – 2013.
10. Delmar F., and Shane S. Does Planning Facilitate the Development of New Ventures. Strategic Management Journal, December – 2003.
11. Grumer M., Heinemann F., Brettel M., and Hungeling S. Configurations of Resources and Capabilities and their Performance Implications: An Exploratory Study on Technology Ventures. Strategic Management Journal. – 2010.
12. Bryan L. L., and Joyce C.L Mobilizing Minds: Creating Wealth From Talent in the 21st Century – 2007.
13. Schermerhorn J. R., Cattaneo R.J, & Templer A. J. Management: The Competitive Advantage, second Canadian edition. Toronto: Wiley. – 1995.
14. Beaumont P. US Human Resource Management Literature: A review in Human Resource Strategies. Sage. London. – 1994.
15. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage. Journal of Management, – 1991. – P. 99–120.
16. Leonard J., and Harris L. The strategic managing of human resources, 2nd edition. Pearson. UK – 2009.
17. Braton J., and Gold J. Human Resource Management: Theory and Practice, Basingstoke: Palgrave – 2003.
18. Long C., and Khairuzzman W. Human resource competencies: a study of the HR professionals in manufacturing firms in Malaysia. Int. Man. 4 (2). – 2008. – P. 65–78.

19. Choi L., Wan Khairuzzaman W., and Salmiah M. An exploratory study on the Malaysian human resource professionals in the manufacturing sector. *Int. J. Buss. Soc.* 11 (1). – 2010. – P. 89–105.
20. Boselie P., and Paauwe J. Human resource function competencies in European companies. *Personnel Rev.* 34 (5). – 2005. – P. 550–566.
21. Chilanga C., Mwanza C., and Korodia A. An evaluation of middle management skills in a private health-care service in the western cape province, south africa, *Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter)*. – Vol. 4. – No.1. – August – 2014.
22. Hendry C., and Pettigrew A. “The Practice of Strategic Human Resource Management”, *Personnel Review*, – Vol. 15. Issue: 5, – 1986. – P. 3–8. URL: <https://doi.org/10.1108/eb055547>
23. Aston D., and Felstead A. From training to life-long learning the birth of knowledge society?, in *Human Resource Management: A critical Text Story*, J. (ed) London – 2001.
24. Holbeche L. “Aligning Human Resources and Business Strategy (2nd ed.)”, *Human Resource Management International Digest*, – Vol. 20. – 2012. – Issue: 3, URL: <https://doi.org/10.1108/hrmid.2012.04420caa.014>
25. Leedy P. D., and Ormrod J. E. *Practical Research: Planning and Design*, Pearson. – 2014.
26. Heizer J. H. and Render B. *Operations Management*. Pearson Prentice Hall. – 2008.
27. David F. R. *Strategic Management Concepts*, 13th edition. Pearson. – 2011.

Lulcheva Ivanka,
PhD., in Economics,
the Faculty of Economics, Department Tourism
Agricultural University-Plovdiv,
E-mail: ivanka.lulcheva@yahoo.com

RATING OF QUALITY OF SERVICE IN A SPECIALIZED RESTAURANTS WITH BULGARIAN NATIONAL CUISINE

Abstract: In the face of rising competition, the role of restaurant service is growing and therefore need analysis and assessment of the level and quality. In the article reflected the results of the survey conducted on the assessment of the customers for quality of service in specialized restaurants with Bulgarian national cuisine. The object of study are different specialized restaurants with Bulgarian national cuisine in the communes of: Borino, Devin, Chepelare, Nedelino, in the Rhodope Mountains. The aim of the study is to evaluate the complex quality of service in specialized restaurants serving Bulgarian cuisine, to reveal the gaps in this activity and, on this basis, to identify and take measures to improve the service at these establishments.

Keywords: quality, service, specialized restaurants, Bulgarian cuisine.

Introduction

Service in the restaurants was the second important part of the restaurant's culinary product. Restaurant service is a complex process that covers several activities. The Organization of the service provides aggregation of these activities in an orderly system to achieve a particular goal [6, P. 23–32]. The quality of a service represents a set of technical, aesthetic, economic, etc. properties that provides ability to meet specific human needs [6, P. 23–32]. Quality in the restaurant business is done and appreciate it at the time of contact with the user, time of consumption of the service, and only the consumer can determine whether the service satisfies his taste and requirements [2, P. 159–168]. **Purpose:** to evaluate the complex quality of service in the specialized restaurant establishments, offering Bulgarian national cuisine, to reveal the gaps in this activity and, on this basis, to identify and take measures to improve the services in these establishments.

Material and methods

To specify the methodical approach to the evaluation of quality of restaurant service you must first

analyze the overall technological process of service delivery and to identify and clarify key points in it. It is necessary also to specify the main factors that influence the course of the entire technological process of the restaurant service [4, P. 47–80]. Each key point should be expressed by a specific criterion. Then, the evaluation of the quality of restaurant service must be carried out using a system of criteria. The basis of the criterion value stand understandings and requirements of the entity that carried out the assessment. For the formalization, fine-tuning and quantitative measurement of the individual criteria used indicators.

In the present study to characterize the quality of service in specialized restaurants with Bulgarian national cuisine using the following criteria: – *the duration of the service*; – *the culture of service*; – *the comfort criterion [type] of the restaurant sale area*. To assess the quality of service every criteria are formalized with several indicators: **Duration of service** – duration of making order; duration of the delivery of food and drinks; duration of cleaning the table; time to contact the waiter with the guests; duration of payment

of the bill; **Culture of service** – appearance of service staff; awareness of service staff; attitude/behavior of service staff; professional skill in customer service; correct payment; **Comfort [type] of the restaurant sale area** – functionality of the comfort [type] of the restaurant sale open areas; interior of the comfort [type] of the restaurant sale area; type of furniture in the room; type of service; heating, lighting, ventilation, air conditioning, a soundtrack in restaurant sale area; state of hygiene in the courtroom and auxiliary premises. In the methodologies for research and evaluation of the quality of restaurant service gives preference to ballroom and expert assessments of each of the specified indicators. The method of assessment and the promenade is applied in this study. Four speed rating scale on individual indicators, 1 is the lowest score and 4 – the highest average score on a separate index is obtained as the average number, average score on a separate criterion – also as the average number of average estimates on indicators which express it. The reason for a particular score is determined by the degree of implementation and quality characteristics of the individual operations of the overall process of service and according to the degree of manifestation of the justifying factors. All this is definitely subjective, individual client from interviewee. To avoid subjectivism in assessing expands the number of respondents.

For the purposes of this study and the evaluation of quality of restaurant service was used the method of investigation. Polls are conducted among 325 real users of the restaurant product in various specialized restaurants with Bulgarian national cuisine – tavern, guesthouse, mehana, etc. [referred to in the Categorization of catering and entertainment, 2013] in the communes of: Borino, Devin, Chepelare, Nedelino, in the Rhodope Mountains.

Results and discussion

Bulgarian national cuisine reflects the traditions of eating, validated through our long history under the influence of a number of factors – historical and socio-economic development, geographical and

climatic conditions, demographic change, traditions, customs, religion, culture, communications and the influence of other Nations on the nutrition of the Bulgarians, etc. [5, P. 11–17]. Nowadays the typical Bulgarian cuisine dishes are offered in specialized restaurants with Bulgarian national cuisine. These eateries feature first of all with the interior, furniture, utensils and equipment, clothing of staff [1, P. 101–107]. They all take shape in a rustic style, according to the old Bulgarian rural or urban tradition, according to regional particularities in clothing and cuisine. Form as taverns, hancheta, wineries, etc. In many of these institutions are paid great attention to the attraction, the entertainment program.

Here are reflected average ratings of users surveyed three criteria: **Duration of service** – 2.9; **Culture of service** – 3.2; **Comfort [type] of the restaurant sale area** – 3.4. Our study finds growing demand for this type of dining and entertainment. Processing of the results of the polls shows the following:

On **the criterion duration of service** – only 32% of respondents reported satisfaction with the organization of the service. Unsatisfactory grades are surveyed in the duration of the delivery of food and drink – 2.8 points average. Timeout and the duration of payment of the Bill also has an unsatisfactory score – 2.6 points average. Duration of making the order receives 3 points on average. There are consumers that control the length of your nutrition. In standard of service five tables of a waiter average duration of one meal at lunch in a restaurant is 60–75 minutes. In the elegant and prestigious restaurants, where there is a higher turnover at a table increases the number of waiters. In the restaurant, offering specialized establishments Bulgarian national cuisine, rarely found such an organization of service, therefore, that in a less busy time will have idle servers. The time during which the waiter is in contact with the guests, is also an indicator of the level of service. In the restaurants, which explore a waiter usually serve 5–6 tables or more, depending on whether you have a helper, Assistant, intern training. The overall assessment of the

reception, accommodation and sending guests is predominantly a satisfactory level, on average, score 2 give 38 percent of respondents; poor, poor score only 12% of respondents; nearly a quarter of the participants in the poll give an excellent grade 4; so give the score 3, very good. On the criterion of **service culture** – it depends primarily on the waiter, who was a main figure in the trading room. Guests pay attention to appearance, the common culture and the professional conduct of the waiter. On the professional skill indicator in service, according to the respondents, only 62% of waiters meet these requirements. Nearly 40% of service personnel not built qualified skills required for that specific job. In respect of the measure/behavior Service staff according to 68% of the respondents in the restaurants staff is friendly and responsive; 32% of respondents graded staff as fast-paced and 6% define it as withdrawn and angry. On the correct measure payments – 62% of the participants in the poll defined as the exact procedure for collection of account and 32% reported that the change was returned to the penny. The appearance of the index service staff 40% give high score 3, 43% of respondents consider that the appearance of the waiter is not at the required level and give him a score 2. Only 10% of respondents are absolutely impressed by the appearance of the service staff. On the **comfort criterion [type] of the restaurant sale area** respondents' answers are controversial, as each individual person perceives the interior and the state of the restaurant sale area. The respondents submit that the interior, the type and arrangement of tables and chairs, landscape design and color decision of sale area, sanitary conditions of the restaurant sale area and adjoining premises, as well as entertainment programs are a set of conditions that create an environment and atmosphere in which to realize the process of servicing. 22% of respondents identify hygiene in specialized restaurants of very good level, 62% think it is satisfactory and a small part – 16% designate it as bad.

In general, customers evaluated positively the specialized restaurant establishments, offering Bulgarian national cuisine in the area of the municipali-

ties of Borino, Chepelare, Devin, Nedelino in the Rhodope Mountains. 62% of surveyed establishments offering specialized restaurant Bulgarian' cuisine generally receive excellent and very good score – 4 and 3 for quality of service. Only 8% of respondents have put a bad score – 1. It is necessary to note that polls conducted among users of the product's actual restaurant and perform a secondary role-convince guests that it is interested in the views of the user and seeks to satisfy his desires. Research shows that around 80% of businesses use surveys as a means to obtain feedback from users of their product, as a measure of the efficiency of the management.

Conclusions:

On the basis of the study on the quality of service in specialized establishments, restaurants serving Bulgarian cuisine can be summarized the following conclusions: – specialized restaurants are arranged and furnished according to the Bulgarian and Rhodopi local tradition – interiors, utensils [vessels] and inventory, equipment, staff clothing. In them is offered a certain assortment of local dishes typical of the region; – the process of guest service is organized correctly. Achieve a good sync between all the individual stages of the technological process – culinary production and the organization of services; – professional qualifications of the operating personnel is on a good level. Staff has, in good faith and the ethical conduct and correct attitude to the client; – of the four stages of the cycle of service the greatest attention to the guest during his stay on the table. Are not always paid proper attention to the guest when sending [check-out]; – sanitary conditions of the commercial area and its surrounding areas in a small number of cases received inadequate assessment of customers.

The results obtained from the study can be interpreted and used by managers of place for practical purposes. In the stages of the process of service, received low ratings from consumers, it is necessary to eliminate the weaknesses, and where the evaluation is positive and satisfactory – to develop and promote good practices.

References:

1. Alexieva, St. St. Specializirani vidove turizm, publ. Kota, Pl., – 2005. – P. 101–107.
2. Lulcheva Ivanka, User ratings of the service quality in restaurants and entertainment places. Scientific Works, – Volume LVI, Plovdiv, – 2014. – P. 159–168.
3. Ordinance for categorization of catering and entertainment, – 2013.
4. St. St. St. St., Nikovska, Restaurant, publ. Kota, Pl., – 2012. – P. 133–236.
5. Terzieva V., Ivanka Lulcheva. National peculiarities in nutrition [textbook], pub. “Paissi Helendarski”, Plovdiv, – 2014. – P. 11–17.
6. Tsonikov Georgi. Totality in the restaurant product, magazine Economic Alternatives, – Vol. 6. – Sofia, – 2006. – P. 23–32.

Section 8. Pedagogy

*Badashkeev Mikhail Valeryevich,
MBOU "Tarasinsky SOSH"
candidate of pedagogical sciences, educational psychologist
E-mail: badashkeevm@mail.ru*

*Badashkeeva Marina Aleksandrovna,
GBPOU YOHE "Bokhansky teacher training college"
the deputy director
E-mail: badashkeewa@mail.ru*

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHOICE OF PROFESSION IN THE CONDITIONS OF RURAL SCHOOL

Abstract: In this research we have tried to define psychological features of the professional choice of rural school students. Also we consider the organizational and pedagogical actions aimed at the development of personal and professional self-determination of students in the conditions of educational space of the modern village.

Keywords: professional choice, rural school student, personal and professional self-determination, educational environment.

Modern transformation of the social and public relations in the village demands new approaches, views of the purposes, tasks and the content of vocational guidance of rural school students. The main objective of policy of revival of the modern Russian village, along with search of effective mechanisms of managing, is need of creation of rural school of new type, innovative approaches for profile training. The essence of profile training consists in granting the right to seniors to independently choose option of training in any certain profile, to thereby help graduates already with school to lay the foundation of the future professional career. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation has approved four directions of profile training: naturally – mathematical, humanitarian, socially – economic, technological (including, agrotechnical, pedagogical, medical). Taking into account oppor-

tunities of school and the contingent of pupils realization of a universal profile is possible. However all offered curricula in the directions of profile training approximate that gives the chance of administration of school to correct them at discretion [4, 90].

“The concept of profile training” [4, P. 170–171] provides such organization of educational process at which not only the maintenance of the chosen profile is implemented, but also an opportunity to master the maintenance of other profile objects, interesting and important for each of them, is given to pupils. Such opportunity can be realized as by means of various forms of the organization of educational process (remote courses, open classrooms, the external studies), and due to cooperation (association of educational resources) of various educational institutions (comprehensive schools, institutions of additional, primary and secondary professional education).

In modern conditions of reforming of education the contradiction between city and rural schools, social inequality between city and rural children has considerably gone deep. Now the rural school not always has means for full implementation of the basic curriculum. Exceptional rural children often have no possibility for development of the abilities and receiving the full-fledged general education. The analysis of practice of work of rural school shows that seniors are insufficiently prepared for the choice of future profession. They not always realize that in the conditions of the market at each villager the ability to adapt to possible temporary unemployment, to change of a profession, etc. has to be created.

The sociological research conducted by us among rural seniors, I have shown that 67% from them aren't realistic about the abilities, and don't connect them with the future profession in any way, 62% of school students choose the professions which aren't connected with life in rural areas in any way, have no idea of these professions and choose them only with the purpose to leave the village. Not developed infrastructure, difficult working conditions, lives, the small choice of work, the low salaries, continuous reductions frighten rural youth.

The rural school at which it is possible to create conditions for the effective professional orientation environment is capable to transform negative social impacts and to create the territory competently and in a complex built system of personal and professional self-determination of rural school students. That is the experimental educational environment is built by us so that internal spiritual, psychological processes developed in love to the small Homeland, interethnic tolerance and with desire to return and work for the good of the native village. Therefore the position of M. G. Golubchikova who understands the concrete space of educational institution considered as set of conditions, communications and interactions of subjects of education as the educational environment is close to us [2, P. 56–58].

At the same time we consider that in this space the components interacting among themselves have to be accurately designated. As addition to this point of view, we share V. A. Yasvin's position which is that the educational environment acts as uniform functional whole, including such structural components as social, spatial and subject, psychodiagnostic [6, P. 32–34].

Thus, the educational environment represents set of the local environments providing to the school student knowledge and development. The environmental resource presented in the form of environmental influences and environmental conditions acts as a basic element of the educational environment. Any educational environment is defined by set of local environments in which the child functions: 1) "I" am a situation; 2) family; 3) class; 4) establishment of education; 5) village, etc.

According to Ts. R. Bazarov the educational environment also possesses a bigger measure of complexity as has several levels – from federal, regional to the main primary element – the educational environment of concrete educational institution and a class [1, 52].

Proceeding from a statement about multidimensionality of the educational environment, we consider necessary to consider various aspects of the educational environment which will allow to approach determination of her main features influencing choice of profession reasonably.

Psychologists L. S. Vygotsky Leontyev [5, P. 89–90] have proved by [3, 285], A. H. the major regularity: development of the personality happens in activity, and only in that activity which is sated with elements of creativity and causes the positive relation to this type of work in the person. Any activity including labor, represents process of interaction of the individual with reality in which there is his formation as persons.

For diagnostics of professional orientation of the personality define: psychological state, consciousness person of the purposes, definition of the most probable ways of action; forecasting of motivational,

strong-willed, intellectual conditions, mobilization of forces.

The individual's relation to work is not simply psychophysiological, but social phenomenon why sociologists pay exclusively much attention. According to them, the relation of the person to work is caused by three main factors: 1) social and economic, 2) technological or functional (a possibility of development of intrinsic creative abilities in this person in a concrete kind of activity), 3) psychology and pedagogical (to professional orientation, contents and intensity of motives, interests, tendencies, abilities, outlook, strong-willed and other parties of psychological features of the choice).

As object of activity of career guidance is process of personal and professional self-determination of the personality, it is important to formulate first of all the important principles by which girls and young men are guided (or have to be guided), choosing itself a profession and the place in social structure of society.

The principle of consciousness in choice of profession is expressed in the aspiration to satisfy with the choice not only the personal needs for work, but also to bring as much as possible benefit to society.

The principle of compliance assumes that the chosen professions correspond to interests, tendencies and abilities of the personality and at the same time requirements of society in general (the area, the region) in labor shots, expresses communication of personal and public aspects of choice of profession.

Psychological features of choice of profession in the educational environment of rural school — the aspiration of rural school students to get professional education realizing the opportunities, but also ways of realization of the internal spiritual needs for the good of the native village. At the same time having unique potential to develop professionally throughout all life in more ecological and moral and psychological rural environment.

References:

1. Bazarov Ts. R. Rural school of Buryatia / C. R. Bazarov; M-in science and education of Dews. Federations, Drill. state. un-t. – Ulaan-Baator: Bambi dignity, – 2012. – 114 p.
2. Golubchikova M. G. A problem of self-updating of rural school students in the conditions of the differentiated training: monograph / M. G. Golubchikova. Irkutsk: izd-vo the Irkutsk state. пед. un-that, – 2005. – 160 p.
3. Vygotsky L. S. The anthology of children's psychology / Under the editorship of G. V. Burmenskaya. – M., – 2005. – 651 p.
4. The concept of profile training at the senior step of the general education // Profile training in the conditions of modernization of school education: сб. науч. тр. / under the editorship of Yu. A. Dick, V. A. Hutorsky. – M., – 2003. – P. 360.
5. Leontyev A. N. Activity and personality // philosophy Questions, – 1974. – No. 4. – P. 87–97.
6. Yasvin V. A. Examination of school educational Wednesday / V. A. Yasvin. – M.: September, – 2000. – 123 p.

*Klimova Natalia Igorevna,
candidate of pedagogic Sciences, associate Professor,
Kaluga state University named. K. E. Tsiolkovsky
Vitkov Yuriy Vyacheslavovich,
graduate student of the Department of pedagogy
of Kaluga state University n. a. K. E. Tsiolkovsky
E-mail: nat92912@yandex.ru*

RUSSIAN SPIRITUAL EDUCATION AS A PHENOMENON OF DOMESTIC PEDAGOGICAL CULTURE

Abstract: the article considers the role of theological education in improving the current pedagogical culture. The tasks of education in the conditions of spiritual crisis. Highlighted the importance of the Orthodox spiritual traditions as the basis for new educational paradigms, pedagogical culture.

Keywords: Russian religious education, pedagogical culture, pedagogical Russian culture, Russian pedagogical culture, Orthodox education.

*Климова Наталья Игоревна,
к. п. н., доцент Калужского государственного
университета им. К. Э. Циолковского
Витков Юрий Вячеславович,
магистрант кафедры педагогики
Калужского государственного университета
им. К. Э. Циолковского
E-mail: nat92912@yandex.ru*

РУССКОЕ ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассмотрена роль духовного образования в совершенствовании современной педагогической культуры. Определены задачи образования в условиях духовного кризиса. Подчеркнуто значение православных, духовных традиций как основы новой образовательной парадигмы, педагогической культуры.

Ключевые слова: русское духовное образование, педагогическая культура, русская педагогическая культура, отечественная педагогическая культура, православное воспитание.

Изучение отечественной педагогической культуры необходимо осуществлять с учетом духовно-нравственной составляющей, которая позволяет более глубоко и всесторонне раскрыть ее духовные основы.

Анализ определений педагогической культуры показывает, что существует множество подходов к ее пониманию.

Так, например, И. Ф. Исаев под профессионально-педагогической культурой понимает меру

и способ творческой самореализации преподавателя в разнообразных видах педагогической деятельности и общения, направленные на освоение, передачу и создание педагогических ценностей и технологий [3]. По мнению Е. В. Бондаревской в педагогической культуре запечатлелись духовные и материальные ценности образования и воспитания, способы творческой деятельности, необходимой для обслуживания исторического процесса, смены поколений, социализации личности, осуществления образовательно-воспитательных процессов [1]. Н. Б. Крылова доказывает, что педагогическая культура — это некоторая совокупность ценностных отношений к образованию и ребенку, которые предметно и практически реализуются в образовательных процессах [5]. Подымова Л. С. полагает, что педагогическая культура представляет собой сотворчество, в ходе которого создаются новые ценности [6].

Однако данные определения, на наш взгляд, не показывают всей полноты данного явления, т. к. не исходят из понимания природы человека, его духовного начала.

По нашему мнению, духовной основой русской педагогической культуры является православная педагогическая культура, которая представляет собой совокупность православных духовных ценностей, определяющих смыслы, содержание и способы педагогической деятельности.

Неспособность современного образования решить многие проблемы воспитания объясняется, в том числе, непризнанием факта утраты человеком духовных ценностей в результате процессов глобализации.

Педагогическая культура имеет сложнейшую структуру, состоящую из множества компонентов. Анализируя педагогическую культуру в целом, мы можем выделить две ее фундаментальные составляющие: педагогическое знание и педагогическую практику.

Педагогическое знание — это знание о средствах и способах достижения воспитательных

целей, выраженное в обобщениях, отражающих процесс воспитания. Исторически первой формой педагогического знания было знание об опыте воспитания, его средствах, передаваемое из поколения в поколение, с оценкой его социальной значимости. Развитие практики воспитания, возникновение школ, а с ними и профессиональной педагогической деятельности, сделали возможным появление «учительской литературы», в которой нашло отражение понимание целей и смысла воспитания, его значения, а также характеристика содержания, методов и средств воспитания. Со временем появляются научные знания, представляющие собой теоретико-педагогические обобщения педагогической действительности и выражающиеся в педагогических понятиях и категориях. Они зафиксированы в трудах виднейших представителей известных христианских школ: Климента Александрийского (Александрийская школа), святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста (Антиохийская), блаженного Иеронима, святителя Амвросия Медиоланского, блаженного Августина (Карфагенская) и др., а также, с принятием христианства на Руси, — выдающихся деятелей Русской Православной Церкви, начиная с момента принятия христианства [2].

Русское духовное образование воплощается в православном воспитании. Православное воспитание — это формирование истинно христианской жизни, которая возможна при наличии нераздельного взаимодействия Божественной благодати и усилий самого человека, направленных на его духовное совершенствование.

Сущность православного воспитания, его цель, содержание и методы отражены в трудах отцов и учителей Церкви. Оно появляется с возникновением христианства. По мысли Климента Александрийского, Иисус Христос есть истинный Педагог и Воспитатель всего человечества. Он даровал вечный идеал для воспитания: каждый человек должен стремиться к совершенству. Главное правило воспитания дано в Библии. Сущность его — давать детям воспитание благочестивое

и нравственное, сообразное с Законом Божиим. Цель православного, духовного воспитания: педагог должен не только дать ученику знания, но и научить его жить по заповедям [2].

В связи с этим духовное образование должно быть направлено на восстановление истинной природы человека, всестороннее развитие человека, всех его свойств и способностей, включая образование ума, воли, сердца.

Перед носителями духовного образования – православными педагогами – стоит задача вернуть уму человека способность отличать добро от зла. Для этого, прежде всего, нужно научить детей вере, потом другим наукам. Православные воспитатели должны приучать своих питомцев искать пути полезности для других, быть патриотами своего отечества, направлять свою волю в сторону добра.

Средства воспитания должны быть направлены на то, чтобы формирование чувства прекрасного строилось на основе изучения прекрасной, сотворенной Богом, природы. Православная педагогика против праздности. Праздность не только расслабляет человека, но и отрицательно сказывается на развитии умственных способностей, расстраивает здоровье. Поэтому дети обязательно должны усиленно трудиться [4].

Средствами православного воспитания являются: христианское отношение к окружающим людям и внешнему миру, внешней природе, соблюдение христианских норм нравственности. Важное значение также имеют учебники, которые должны соответствовать духу, характеру и языку народа.

Православное воспитание учит общению с детьми, исполненному любви, кротости, но без поборности детям, уклоняющимся от добра. Священное Писание свидетельствует, что учить надо без раздражения, так как раздраженный наставник не наставляет, а раздражает (шум раздражения заглушает голос истины). За плохие поступки родители обязаны наказывать непослушных детей, чтобы греховный навык не укоренился. Грех, оставленный без наказания, бывает причиной

другого греха. При этом, как излишняя строгость, так и излишняя милость приносят вред.

Православная педагогика рассматривает вопрос о мере свободы, которую следует предоставлять детям. Свобода дается воспитаннику тогда, когда он умеет ею пользоваться. Иначе, если свобода будет дана слишком рано, то воспитанник может злоупотребить ею, и это принесет ему вред [4].

Принятие христианства на Руси определило содержание православного воспитания. Православие утверждается в качестве духовной и нравственной основы жизни общества и государства и становится мировоззрением русского народа [7].

Государство в России всегда выполняло важную функцию, как субъект воспитания. Оно определяло саму политику образования, формировало отдельные институты воспитания, нормативно закрепляло содержание и организацию образования и воспитания в учебных заведениях. Государственные деятели России лично уделяли значительное внимание воспитанию. Политика великого равноапостольного князя Владимира Великого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, последующих русских князей, а затем и царей: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича — это политика православных просветителей [4].

Вся русская история, вплоть до XX века, а затем и в XXI веке, свидетельствует об объединении усилий Церкви и государства в деле духовного образования народа и формирования таких институтов, как семья, школа, система профессионального воспитания.

В организации образования в истории России мы также видим сопряжение усилий Церкви и государства. В Древней Руси школы открываются и государством, и Церковью. Владимир Великий предложил при каждой церкви открыть школу. Школы существовали и до официального принятия христианства, но христианство перестраивает их организацию, а главное – в корне изменяет содержание воспитания и образования. В Киевской Руси совместными усилиями государства и Церк-

ви создаются конкретные формы образования (школы), которые получили название “ученье грамоте”, “ученье книжное”, “училище”. Основу содержания образования составляло православие. Обучение грамоте шло по алфавиту, созданному святыми Кириллом и Мефодием, обучение чтению – по Псалтирю (изучался церковно-славянский язык). Каждый преподаваемый предмет (грамматика, риторика, литература и т. д.) нес в себе христианское содержание и способствовал формированию христианского мировоззрения [2].

Совместные усилия Церкви и государства в деле развития воспитания и образования были столь успешны, что привели к широкому распространению школ на Руси. Православие, как основа древнерусского воспитания и образования, сделало Русь одной из самых образованных стран в мире.

Одним из важнейших институтов воспитания в России является семья. Церковь совершила многовековой труд по облагораживанию самого понимания семьи, семейного воспитания, по созданию из языческой семьи – семьи православной. Сформировался новый образ и новое понимание семьи. Церковь воспитала в народе восприятие семьи, как малой церкви, с соответствующим православным укладом жизни, с христианскими нормами воспитания детей.

Родители по наставлению Церкви, также должны быть образцом в поведении для детей. При этом воспитатели не позволяли детям быть только зрителями, а побуждали подражать нравственным жизненным примерам. Упражнение детей в делах благочестия было одним из первых средств к утверждению в них навыков к добрым делам. Важный и действенный метод воспитания – тщательное ограждение детей от вредных соблазнов. От родителей и педагогов, в первую очередь, требовалось беречь детей от соблазнительных зрелищ, книг, впечатлений, от общения с людьми недостойного поведения [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что отечественная педагогическая культура почти на протяжении всей истории и в практическом, и в теоретическом аспектах строилась на основе православия. История свидетельствует, что сознательный разрыв общества с православной традицией приводил к утрате понимания истинной цели жизни человека, лишал образование духовного содержания, искажал подлинную иерархию ценностей. Все более очевидной становится необходимость восстановления духовного, православного образования. Единство государства и Церкви в вопросах духовно-нравственного становления человека приводит к ощутимым успехам в деле образования, воспитания.

Список литературы:

1. Бондаревская Е. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. – Москва-Р-на-Дону: Творческий центр «Учитель», – 1999. – 560 с.
2. Дивногорцева С. Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России. – Дисс... Д. п. н. – 2011. – Москва. – 420 с.
3. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: www.Docplayer.ru.
4. Касаткина С. Н., Климова Н. И. Традиция ненасилия в истории русской педагогической мысли (60-е г. XIX – нач. XX вв.). Монография. – Калуга: КГУ, – 2011. – 144 с.
5. Крылова Н. Б. Формирование культуры будущего специалиста. – Москва: Высшая школа. – 1990. – 144 с.
6. Подымова Л. С. Психолого-педагогическая инноватика: личностный аспект. – М.: Прометей, – 2012. – 246 с.

7. Руденко В. А. Образование и духовность в современном российском обществе: факторы и вектор диспозиции в процессе системных реформ. – Дисс... д. соц. наук. – 2007. – Р-на – Дону. – 405 с.

*Mukayeva Aiya,
Candidate of Philology, Associate Professor
of the Kazakh National University after al-Farabi,
Kazakhstan, Almaty
E-mail: alka-mk@mail.ru*

COMICS AS AN INNOVATIVE METHOD OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES (BASED ON the FRENCH LANGUAGE)

Abstract: Comics – a supplementary means of expression for a variety of literary genres. Using comics in teaching foreign languages is an innovative method for promoting the development and improvement of communication, socio-cultural and linguistic competence.

Keywords: comics, inference, innovative method, linguistic competence.

*Мукаева Алия Уалихановна,
кандидат филологических наук, доцент,
Казахский национальный университет
им. Аль-Фараби, Казахстан, Алматы
E-mail: alka-mk@mail.ru*

КОМИКСЫ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: комиксы – вспомогательное средство выразительности для различных литературных жанров. Использование комиксов в обучении иностранным языкам является инновационным методом, способствующим развитию и совершенствованию всех коммуникативных, социо – культурных и лингвистических компетенций.

Ключевые слова: комикс, инференция, инновационный метод, лингвистические компетенции.

До настоящего времени нет определенного понимания термина «комикс» [1, 3]. Комикс или графический рассказ? [2; 4] Комикс или даже литература в рисунках [3; 4]? В понимании Моллера Р. термин «комикс» часто и ошибочно представляют определенным литературным жанром, тогда как он остаётся, прежде всего, вспомогательным средством выразительности для других литературных жанров: детектива, приключенческого рассказа (исторического, юмористического, фантастического и т. д.), биографии, автобиографии, эссе (политического, философского, соци-

ологического и т. д.). [5, 467]. Эта точка зрения представляется нам наиболее приемлемой, так как «комикс» — это любого вида рассказ с серией фиксированных картинок статического характера, наподобие «фотографий», которые хотят представить в качестве взаимосвязанной последовательности. В настоящее время уже давно известны и другие формы рассказов – серий: фильмы, мультфильмы, видеоклипы и даже театр. В комиксах-рассказах «фиксированные картинки» также становятся мобильными, движущимися! Добавим, что «комиксы» как серийные

рассказы с фиксированными картинками раскрываются в информативном пространстве с помощью диалогов, т. е. с помощью прямого (+ иногда и косвенного) обмена словами между различными персонажами [6, 51]. Для комикса — рассказа характерны такие категории, как целостность (цельность), связность (когерентность), изолированность (замкнутость) текста [7, 12]. Кроме того, чтение комиксов активизирует различные аспекты визуального восприятия: текстовый, графический, цветовой. Все эти характеристики комиксов способствовали тому, что в последние годы, они стали успешно внедряться в процесс обучения чтению литературы, истории, географии и других дисциплин. Особенно это можно увидеть во французских учебных заведениях. Целесообразность использования комиксов как инновационного метода изучения иностранных языков определяется теми же социально-культурными причинами, что и во Франции, а также неограниченными возможностями комиксов в формировании практически всех лингвистических компетенций.

а) Причины социального характера.

Для более эффективного обучения иностранному языку необходимо учитывать возраст и пол обучаемых. Подростки в сравнении с более взрослой аудиторией не обладают достаточным жизненным опытом и не владеют в достаточной степени различными стратегиями чтения литературных произведений. Учитывая данный фактор, следует обращать больше внимание на **инференцию** (метод выявления глубинной, имплицитной информации), которую можно успешно развивать с помощью комиксов.

Многие преподаватели отмечают тот факт, что в современном мире в учебных заведениях уже начального и среднего звена существуют трудности в обучении чтению. Читатель, который умеет выявлять глубинную информацию, устанавливает связь между информацией, извлеченной непосредственно из текста, из других ранее прочитан-

ных текстов и информации, полученной на базе собственного жизненного опыта и собственных знаний о мире.

Основными стратегиями инференции являются: формулирование гипотезы и предсказывания. Любая стратегия состоит из четырех этапов: **Что? Почему? Как? Когда?** Целью этого метода обучения является умение предсказать продолжение события, истории. Уровень популярности комиксов у учащихся позволяет предположить, что такой литературный материал станет прекрасным средством мотивации чтения и проявит себя как один из наиболее интересных средств изучения и обучения стратегии понимания этого речевого вида деятельности.

Во Франции министерство образования в последнее десятилетие делает значительный акцент на внедрение в колледжах и лицеях комиксов как дополнительного материала при обучении учащихся чтению литературных произведений. Основной задачей при этом является стремление добиться того, чтобы чтение стало повседневной необходимостью, источником и информацией, и удовольствия. В этом плане следует учитывать трудности, связанные с полом обучаемых, так как подростки мужского пола требуют к себе большего внимания в силу своих психологических особенностей. Как правило, мальчики рассматривают чтение как женское занятие, которым они не стремятся заниматься. Более того, они считают это занятие пассивным, малоподвижным. Литература на базе комиксов, прививая вкус к чтению, становится всё более популярной именно у подростков — мальчиков [8, 16].

б) Причины культурного характера.

Во французских учебных заведениях комиксы всё чаще используются на занятиях по социально-общественным наукам. В наших учебных заведениях такие комиксы можно успешно использовать на занятиях по иностранному языку при изучении исторических, географических, социально-политических реалий страны изучаемого языка.

Комиксы этого вида позволяют учащимся видеть и интерпретировать разными способами страноведческие реалии, устанавливая с ними более живую и воображаемую связь.

Использование комиксов направляет учащихся на самостоятельные дальнейшие поиски информации, желание найти дополнительные документальные источники, чтобы иметь возможность опираться на свои собственные аргументы при интерпретации каких-либо фактов из истории общества. Комиксы, как учебный материал, стимулируют интерес к изучению истории, географии, общественно-политических реалий страны изучаемого языка. При этом следует помнить, что при использовании комиксов как учебного материала для изучения страноведческих реалий главным является их познавательная роль. Комиксы не должны превращаться в развлекательный материал. В этих целях преподаватель должен следить за тем, чтобы комиксы осуществляли задачу реализации познавательного чтения. Например, преподаватель заранее формулирует

определенную проблему, ставит вопрос по истории, географии и т. д. Учащиеся высказывают свою точку зрения на иностранном языке, анализируют информацию, полученную при чтении комиксов, аргументируют свои выводы. Обсуждение подобных познавательных комиксов всеми учащимися способствует в огромной мере развитию устной разговорной речи, что немаловажно для учащихся, изучающих французский язык в условиях большой географической удаленности от франкоговорящих государств.

Таким образом, в поисках каких-либо исторических фактов, географических или общественно-политических реалий, в отличие от вымышленных, малодостоверных, учащийся выходит за пределы чтения – развлечения и занимает позицию «читателя – исследователя».

Предлагаем примерную шкалу оценивания успешного «чтения-исследования» на базе одной картинки – комикса из книги Tardi «C'était la guerre des tranchées: 1914–1918» (Тарди «Это была война траншей: 1914–1918»):

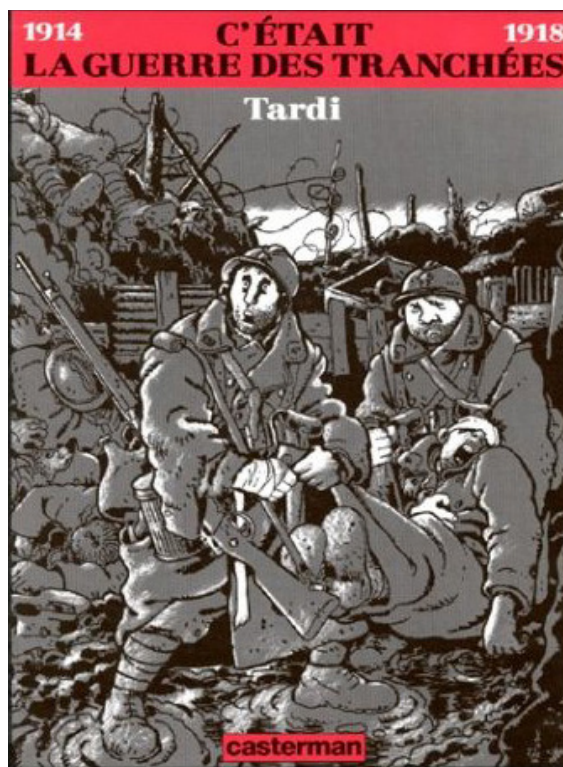


Рисунок 1.

Таблица 1.

nn	Questions	Réponses (exemples de réponses)
1.	Quelle est ma question de recherche, mon thème?	1. Le 11 novembre est le Jour de l'armistice. 2. Les causes de la première guerre mondiale.
2.	Quel est le sujet ou le thème de cette bande dessinée?	La première guerre mondiale à travers le destin d'un homme.
3.	Quelle histoire m'est raconté?	Toute guerre est pire qu'une paix la plus fragile.
4.	Qu'est-ce que j'ai compris dans cette bande dessinée?	Les souffrances endurées par de simples soldats français pendant la guerre.
5.	A mon avis, qu'est-ce qui appartient au réel?	Ce que la vie des soldats était pleine de douleur, d'effroi et de fatigue morale et physique.
6.	Quelles autres sources devrais-je consulter?	(individuellement)

в) Причины лингвистического характера.

Комиксы способствуют реализации почти всех лингвистических компетенций. Это можно было заметить, когда речь шла о стратегии инференции во время чтения литературных текстов и о необходимости работать с комиксами со страноведческой тематикой. Особенно важным, на наш взгляд, является возможность совершенствования компетенции письменной речи. Например, после чтения нескольких эпизодов какой-нибудь истории по комиксам можно предложить учащимся написать письменно, что они поняли из иллюстрированных рассказов. Для написания связного рассказа им необходимо использовать коннекторы (связующие слова), чтобы структурно организовать целостный текст. Начало, середина и конец каждого текста должны быть четко разделены с помощью слов-маркеров. Комиксы успешно используются для развития учащимися устной разговорной речи. Преподаватель может скопировать одну или две страницы рассказа, разрезать их на части и положить в конверт (по 15 частей в каждый конверт, например).

В аудитории учащиеся должны будут собрать один эпизод полностью или частично. Можно разделить учащихся на 2–3 группы и разделить между ними части рассказа. После совместного обсуждения каждая группа составляет свой рассказ, предлагая и доказывая свою собственную последовательность истории. В конце можно предложить правильную версию или сравнить разные версии и их логичность. Вариантов такой работы много и здесь развиваются почти все лингвистические компетенции. В заключение, учащимся можно предложить написать письменно рассказ на 150–160 слов и в этом случае работа осуществляется индивидуально.

Таким образом, комиксы как учебный материал являются источником неограниченных возможностей в изучении иностранных языков. Будучи мультимодальным методом использования комиксов носит инновационный характер. Он способствует активизации творческой и познавательной активности учащихся, способствует развитию и совершенствованию социально-культурных, коммуникативных и лингвистических компетенций.

Список литературы:

1. Mouchart B. La bande dessinée (Idées reçues). – Paris: Le Cavalier Bleu. – 2004.
2. Eisner W. Le récit graphique: narration et bande dessinée. – Paris: Vertige Graphic, – 1998.

3. Morgan H. *Principes des littératures dessinées.* – Paris: Éditions de l’an 2. – 2003.
4. Столярова Л. Г. Комикс как тип дискурса. – Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. – 2009 // электр.ресурс: (<http://cyberleninka.ru/article/n/komiks-kak-tip-diskursa>).
5. Moeller R. A. *Aren't These Boy Books?* – High School Students' Reading of Gender in Graphic Novels. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 54 (7). – 2011. – P. 476–484.
6. Boutin J.-F. *L'enseignement et l'apprentissage de la grammaire à partir de la bande dessinée.* Québec français, 149, printemps. – 2008. – P. 50–51.
7. Козлов Е. В. *Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф.* – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2002. – 183 с.
8. Leblanc P. *Différences entre les garçons et les filles dans les préférences en lecture au primaire.* Mémoire. Québec: Université Laval. – 2005.

*Sidorov Vadim Igorevich,
candidate of economic sciences, professor,
dean of the faculty of international economic relations and tourism business,
Kharkiv National University named after V.N. Karazin,
E-mail: irtb@karazin.ua*

COACHING AS A PEDAGOGICAL TECHNOLOGY FOR CROSS-CULTURAL TRAINING OF TOURISM PROFESSIONALS

Abstract: In the article the concept of coaching as a pedagogical technology of cross-cultural training of specialists in the tourism industry is considered, 7 key postulates of technology are singled out, forms and methods of coaching are offered.

Keywords: coaching, technology, pedagogical technology, tourism, method, specialist, cross-cultural training.

*Сидоров Вадим Игоревич,
кандидат экономических наук, профессор, декан факультета
международных экономических отношений и туристического бизнеса,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
E-mail: irtb@karazin.ua*

КОУЧИНГ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КРОССКУЛЬТУРНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ОТРАСЛИ ТУРИЗМА

Аннотация: В статье рассмотрено понятие коучинга в качестве педагогической технологии кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма, выделены 7 ключевых постулатов технологии, предложены формы и методы коучинга.

Ключевые слова: коучинг, технология, педагогическая технология, туризм, метод, специалист, кросскультурная подготовка.

Современное кросскультурное общество диктует системе высшего туристического образования запрос на развитие свободной, ответственной, кросскультурно грамотной, коммуникативно активной личности специалиста отрасли туризма, осознающего значимость кросскультурных знаний и умений, право выбора и умеющего этот выбор осуществлять, действующего сознательно и ответственно. Качество модернизации современного высшего туристического образования во многом зависит от характера протекания инновационных образовательных процессов

и определяется особенностями такой инновации, инновационным потенциалом среды ВУЗа и научно-педагогическими кадрами. Сам педагог обязан находить, осваивать и адаптировать новые кросскультурные знания, чтобы потом научить своих студентов. В свою очередь, студенты должны воспринимать эти знания активно, иначе у них не сформируются навыки самообразования, так необходимые для успешного существования и работы в кросскультурной среде туристической индустрии, которые на сегодняшний день – чуть ли не единственное устойчивое личностное

конкурентное преимущество будущих специалистов отрасли туризма. Учебная деятельность научно-педагогических кадров, обеспечивающих кросскультурную подготовку специалистов отрасли туризма, должна быть не чем иным, как коучингом: преподаватель должен быть в большей степени тренером, чем традиционным педагогом.

Проблему внедрения технологии коучинга в образовательный процесс рассматривали многие ученые (Т. Голви, С. Кови, М. Аткинсон, М. Дауни, С. Беттли, Дж. Уитмор, Н. Зырянова, И. Петровская, С. Романова, В. Сидоренко, О. Хмельницкая и др.), которые однозначно определяют цели коучинга в обучении: помогать студентам учиться активно и сознательно; поддерживать намерения студентов самостоятельно приобретать знания; способствовать тому, чтобы студенты могли максимально использовать свой потенциал, развивать навыки, лучше выполнять свои учебные обязанности и в результате – достигать желаемых результатов [3]. В. Сидоренко, исследуя проблему педагогического коучинга, определяет основные общепринятые значения этого термина: индивидуальное консультирование (профессионально-специальное, технологическое, психолого-педагогическое, учебно-методическое) для достижения высших профессиональных и личностных достижений (акме-уровня); адаптивный стиль управления персоналом, направленный на непрерывное развитие педагогического мастерства педагога по индивидуальной образовательной траектории в течение всей жизни, умение учиться и самосовершенствоваться; форма индивидуального и группового консультирования для проект-менеджеров и руководящих работников среднего и/или высшего уровней [8].

По определению Международной Федерации Коучинга (ICF), коучинг — это система реализации совместного социального, личностного, творческого потенциала участников процесса непрерывного развития профессионального ма-

стерства с целью получения максимально возможного результата; сотрудничество, помогающее людям достигать реальных результатов в своей личной и профессиональной жизни [4].

Как отмечает С. Романова, коучинг определяют как творческое партнерство, позволяющее реализовать личностный и профессиональный потенциал человека. Понятие «коучинг» означает наставлять, вдохновлять, тренировать. Задача тренера-коучера – помочь человеку развиваться и быть готовым к изменениям, что всегда будет актуально для специалиста отрасли туризма, который работает в кросскультурной среде и постоянно взаимодействует с представителями других культур [6].

Анализ исследований И. Петровской позволил сделать выводы, что коучинг в процессе кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма целесообразно рассматривать с разных точек зрения. Это и: средство содействия, помощи студенту в поиске его собственных решений или преодоления любой сложной ситуации, вызванной кросскультурными расхождениями; инструмент оптимизации личностного потенциала студента и эффективной деятельности (учебной, будущей профессиональной); вид индивидуальной поддержки студентов, ставящих своей задачей профессиональный и личностный рост, а также повышение персональной эффективности; непрерывное общение преподавателей и студентов для обеспечения успешности их будущей профессиональной деятельности и профессионального становления будущих специалистов отрасли туризма в процессе работы в туристической индустрии, условия которой быстро меняются; раскрытие потенциала студента с целью максимального повышения его эффективности, как профессиональной, так и личностной [5].

Учитывая мнение Н. Горук [2], С. Романовой [6], и тот факт, что педагогическая технология – это содержательная техника реализации учебного процесса (за В. Беспалько [1]), мы можем

рассматривать коучинг как педагогическую технологию кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма. Таким образом, *коучинг как педагогическая технология кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма* — это техника педагогического сопровождения процесса кросскультурного обучения будущих специалистов отрасли туризма, создания оптимальных условий для раскрытия потенциала личности студентов, обеспечивающая тренировку способностей эффективно действовать и учиться, развитие навыков самостоятельного познавательного поиска, самоуправления и эффективного менеджмента собственной учебной деятельности, а также способствующая формированию самообразовательной и кросскультурной компетентностей студентов.

В основе коучинга как педагогической технологии кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма лежит парадигма коучинга как особого стиля учебного взаимодействия, базирующаяся на таких 7 ключевых постулатах (за С. Романовой):

1. люди способны меняться лишь в тех случаях, когда сами захотят этого и готовы к этому;
2. наши убеждения относительно собственных возможностей, напрямую связаны с нашими достижениями
3. то, как мы определяем успех, оказывает прямое воздействие на наши достижения;
4. мы ограничиваем наш потенциал рамками наших убеждений (например, предполагая, что некоторые вещи невозможны из-за внешних или ситуационных барьеров, кросскультурных расхождений и т. д.).
5. люди учатся только тогда, когда действительно вовлечены в процесс;
6. мы можем учиться с помощью всего, что мы делаем, однако обучение происходит только тогда, когда мы мыслим и строим планы на будущее;
7. для того чтобы помогать другим, или поставить себя на место другого, мы должны непрерывно прогрессировать сами.

Сформулированные С. Романовой постулаты привели ее к выводу, что целью коучинга в учебном процессе являются: раскрытие внутреннего потенциала личности студента; развитие личности через делегирование ответственности; достижение высокого уровня ответственности и осознания у всех участников коучинга [6].

В основе коучинга как педагогической технологии кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма лежит совершенствование и максимальное эффективное использование личностных качеств студентов. Стимулируя их к глубокому осознанию своих целей, ресурсов и ограничений, коучинг помогает определить направление профессионального развития личности. Однако, каждый студент обладает правом принятия решений и несет ответственность за результат. Педагогическое общение в стиле «коучинг» поможет понять, почему студенты не смогли выполнить задачу, поможет спланировать действия для нахождения оптимальных путей, поставить себя на место другого человека, понять его взгляды и менталитет, и, в конечном итоге, научиться совершать иначе в будущем. Таким образом, утверждает О. Рудницких, мотивация к сотрудничеству в стиле «коучинг» — это потребность в изменениях, а алгоритм коучинга — это партнерство, раскрытие потенциала, результат [7].

Применение коучинга в процессе кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма предполагает: системное педагогическое сопровождение студента, направленное на эффективное достижение важных для него целей в конкретные сроки, в результате чего у него формируется гибкость и адаптивность к изменениям, способность быстро и эффективно реагировать в критических ситуациях, кросскультурных конфликтах и т. д.; партнерское коммуникативное сотрудничество, которое помогает добиваться значительных результатов в различных сферах жизнедеятельности, в особенности, в профессиональной деятельности специалиста отрасли

туризма; непрерывный процесс развития, совершенствования, раскрытия потенциала личности студента для достижения максимального результата в процессе кросскультурного взаимодействия; систему взаимодействия с коучем, с самим собой, с окружающим миром, с представителями других культур; технологию, позволяющую переместиться из зоны проблемы в зону эффективного решения; средство содействия, помощи личности студента в поиске его собственных решений в сложной для него ситуации; модель взаимодействия «преподаватель-студент», благодаря которой коуч-преподаватель повышает уровень мотивации и ответственности как у себя, так и у студентов; особое поддерживающее отношение к студенту, согласно которому он сам достигает своей цели, сам решает проблемы, реализуя свои способности и возможности; вид индивидуальной поддержки личности студента, ставящий своей задачей профессиональный и личностный рост, повышение персональной эффективности.

Кроме того, коучинг в процессе кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма предполагает способ, состоящий из следующих шагов:

1. установление партнерских взаимоотношений между преподавателем и студентами;
2. совместное определение задач для достижения конкретной цели;
3. исследование проблемы;
4. определение внутренних и внешних препятствий на пути к результату;
5. выработка и анализ возможностей для преодоления трудностей в решении проблемы;
6. выбор конкретного варианта действий и составление плана действий;
7. договоренность о том, что конкретно должно быть сделано и в какие сроки [7].

По мнению В. Сидоренко, для формирования умений самоорганизации и саморегуляции образовательной деятельности студентов, целесообразно использовать традиционную для коучинга

четырёхступенчатую модель GROW, разработанную Дж. Уитмором [10]. Четыре буквы названия модели соответствуют первым буквам слов, означающих этапы проведения учебной дискуссии или стадии на пути к решению проблемы:

1. первый этап «goal» (в пер. с англ. Цель) – определение целей и задач решения обозначенной проблемы;
2. второй этап «reality» (с англ. Реальность) – определение состояния проблемы, определение ресурсов, знаний, необходимых для ее решения;
3. третий этап «option» (с англ. Вариант) – поиск возможных путей решения проблемы, выбор оптимальных;
4. четвертый этап «will» (с англ. Воля) – применение выбранных стратегий, проверка в действии [8].

Перенесенный в учебную среду ВУЗа, в процесс кросскультурной подготовки студентов, коучинг обеспечивает набор методик для формирования важных самообразовательных и кросскультурных умений личности: выделение, анализа, преодоление трудностей и проблем, которые могут возникнуть в процессе обучения и будущей профессиональной деятельности специалиста отрасли туризма; эффективного общения и обучения в коллективе, группе, социальных сетях; организаторских и управленческих умений; умений самоанализа и самомотивации и тому подобное. Все эти умения составляют основу самообразовательной и кросскультурной компетенции студента, которая является одним из проявлений и показателей социальной и профессиональной зрелости будущего специалиста отрасли туризма [6; 9].

Коучинг проводится в форме регулярных встреч – **коуч-сессий** (телеконференций, вебинаров, скайп-конференций) коуча (преподавателя, специалиста отрасли туризма) и студента, однако иногда коуч включен и в реальную деятельность студента: консультирование при подготовке к практике за рубежом, переговоров с туристическими фирмами, мастер-классов, подготовки

и принятия решений, публичных выступлений, презентаций и т. д.

Вид коуч-занятий определяется кафедрами, коучем и студентом (учебной группой, факультетом) в зависимости от индивидуальных потребностей, запросов, профессиональных проблем. Предпочтение отдается интерактивным формам организации обучения. Коуч-сессии могут проводиться как в ВУЗе, так и вне (выездные тренинги). *Электронный коучинг* используется с помощью e-mail, а также консультирование в режиме online, что позволяет коучу и студенту, что находятся далеко друг от друга, снять проблему временных зон, кросскультурных расхождений, конфликтов, сделав коучинг более мобильным.

Частотность и длительность коуч-сессий определяется студентом совместно с коучем. Коучинг-сессия длится от 30 до 90 минут. Коуч-сессии имеют много общего с методом «мозгового штурма», однако имеют и определенную специфику. Коуч с помощью «стрелы коучинга» (определенных вопросов) вместе со студентом изучает его «карту мира»; вопросами ассистирует студенту (группе, команде) для расчета социокультурных и образовательных рисков, находит необходимый источник информации.

На основе компетентностного опыта (жизненного, личностного, профессионального) студента совместно выбирается цель, выстраивается индивидуальная образовательная траектория развития кросскультурной компетентности, профессионального мастерства, изучаются акмеологические факторы (внешние и внутренние), оцениваются имеющиеся потенциальные ресурсы. После помощи коуча в получении необходимой информации и приобретении соответствующих навыков его студент решает поставленную задачу самостоятельно. При групповой работе профессиональная роль коуча заключается в умении помочь участникам своей команды достичь определенного уровня корпоративной культуры, кросскультурной компетентности, работать более эффективно, слаженно [8].

Таким образом, по нашему мнению, каждый студент самостоятельно выбирает проблемное поле для коучингового сопровождения, отыскивая наиболее противоречивые и непродуктивные моменты в профессионально-деятельностной, индивидуально-личностной, кросскультурной, мотивационной сферах развития.

Целесообразно выделение следующих **методов коучинга** как педагогической технологии кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма [2; 8; 9]:

Метод конкретных ситуаций. Основан на утверждении, что путь к совершенствованию собственных знаний возможно проложить только через рассмотрение, изучение и обсуждение конкретных проблемных ситуаций кросскультурного характера.

Метод эмоционального стимулирования. В основе этого метода обучения лежит принцип формирования познавательного интереса путем создания положительных эмоций предложенному виду деятельности, повышение заинтересованности и мотивации к учебному процессу.

Метод создания ситуации познавательной дискуссии. Основан на утверждении, что «в дискуссии рождается истина». Весьма действенный метод активизации обучения, ведь поиск истины всегда вызывает усиленную заинтересованность темой.

«*Мозаика*». Метод распределения обязанностей в группе, когда это распределение осуществляют сами студенты. Такой вид деятельности заставляет студентов самостоятельно, без помощи преподавателя-коуча распределять обязанности в группе и нести за это распределение ответственность.

Метод проектов. Метод, выводящий деятельность студентов на новый, учебно-профессиональный уровень. На этом уровне каждый из студентов осуществляет большой объем самостоятельной работы и обучается самоконтролю, что способствует их самообразованию.

«*Изменения перспектив*». Метод позволяет увидеть и изучить проблему с разных перспектив. Его

цель – научить студентов понимать точку зрения другого, увидеть проблему глазами другого человека, посмотреть на нее «под другим углом», чтобы исследовать основательно. Этот метод, применяющийся в процессе кросскультурной подготовке студентов, будет эффективен при создании индивидуальной презентации или доклада на определенную кросскультурную тематику, если предложить студентам предварительно «проиграть» выступление и «увидеть» его глазами других: студента-коллеги, преподавателя, постороннего слушателя, представителя другой культуры и тому подобное.

Таким образом, научить студентов самостоятельно получать и применять кросскультурные знания на практике едва ли не главная и самая сложная цель современного туристического образования. Применение коучинга на практике в процессе кросскультурной подготовки специалистов отрасли туризма означает постепенный переход от традиционных аудиторных занятий до тренинговых, индивидуальных, проектных, дистанционных форм работы.

Основными видами занятий при реализации технологии коучинга являются тренинги, тематические дискуссии, круглые столы, консультации, дистанционное консультирование и тому подобное. То есть основой методологии и педагогическим инструментарием коучинга выступает интерактивное кросскультурное общение, дискуссия (вопрос-ответ), партнерские взаимоотношения преподавателя-коуча и студентов – будущих специалистов отрасли туризма.

Технологию коучинга в образовательном процессе подготовки студентов специальности «Туризм» можно применять в условиях преподавания различных дисциплин, предусмотренных учебными планами, на лекционных, практических, семинарских занятиях, для выполнения научно-исследовательских задач, курсовых и дипломных работ с целью стимулирования самостоятельного познавательного поиска, принятия решений, развития независимости, ответственности, уверенности в собственных возможностях.

Список литературы:

1. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, – 1989. – 192 с.
2. Горук М. Коучинг як ефективна технологія формування самоосвітньої компетентності студентів / Н. М. Горук // Проблеми підготовки сучасного вчителя. – 2015. – № 11. – С. 99–104.
3. Зырянова Н. М. Коучинг в обучении подростков // Вестник практической психологии образования. – 2004. – № 1. – С. 46–49.
4. Коучинг как средство управления [Электронный ресурс]. – Доступ: zhluk.net/page.php?id=441
5. Петровська І. Р. Підвищення ефективності управлінської діяльності керівника за допомогою коучингу / І. Р. Петровська [Електронний ресурс]. – Доступ: URL: <http://www.audytoriya.lviv.ua/>
6. Романова С. М. Коучінг як нова технологія в професійній освіті // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Педагогіка, Психологія. – № 3. – 2010. – С. 83–87.
7. Рудницьких О. В. Коучінг як інтерактивна технологія в освіті / О. В. Рудницьких // Вісник Дніпропетровського у-ту імені Альфреда Нобеля. Серія: Педагогіка і психологія. – 2014. – № 2 (8). – С. 173–176.
8. Сидоренко В. В. Педагогічний коучинг як інноваційна технологія науково-методичного супроводу професійно-особистісного розвитку вчителя в системі післядипломної освіти/В. В. Сидоренко // Наукова скарбниця освіти Донеччини. – Донецьк. – 2014. – № 3 (14). – С. 13–19.

9. Хмельницька О. С. Коучинг як сучасна технологія підвищення ефективності навчального процесу // “Young Scientist” – № 6 (46). June, – 2017. – С. 315–319.
10. Whitworth L., Kimsey-House H., Sandahl P. Co-Active Coaching: new skills for coaching people toward success in work and life / L. Whitworth, H. Kimsey-House, P. Sandahl. – CA: Davis black publishing, – 2007. – 305 p.

*Slusarskaya Tatyana Vadimovna,
Cand. of Sciences Psychology, senior lecturer
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
E-mail: slusarskaya@mail.ru*

*Kiseleva Elena Evgenievna,
Student, Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University Tula, Russia
E-mail: 79534255330@yandex.ru*

MODELING AS A DEVELOPMENT TOOL OF CREATIVE IMAGINATION AT THE SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH VISUAL IMPAIRMENT

Abstract: In article features of development of creative imagination in children with squint and an ambliopiya, types of models are considered, the algorithm of development of creative imagination by means of modeling is described.

Keywords: creative imagination, children with visual impairment, squint, an ambliopiya, modeling, model, model representations.

*Слюсарская Татьяна Вадимовна,
кандидат психологических наук, доцент
Тульского государственного педагогического университета
им. А. Н. Толстого
E-mail: slusarskaya@mail.ru*

*Киселева Елена Евгеньевна,
студент, Тульского государственного педагогического
университета им. А. Н. Толстого
E-mail: 79534255330@yandex.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С КОСОГЛАЗИЕМ И АМБЛИОПИЕЙ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития творческого воображения у детей с косоглазием и амблиопией, виды моделей, описан алгоритм развития творческого воображения с помощью моделирования.

Ключевые слова: творческое воображение, дети с нарушением зрения, косоглазие, амблиопия, моделирование, модель, модельные представления.

В современных методических и психологических исследованиях отмечается, что умения и навыки творческого воображения при спонтанном их развитии не достигают того уровня,

который необходим для полноценного обучения детей нарушением зрения в школе (Н. К. Корсакова, А. Г. Литвак, Л. И. Плаксина, Л. И. Солнцева и др.). Этим умениям и навыкам необходимо обучать специально. Однако пути такого обучения детей с косоглазием и амблиопией еще недостаточно разработаны и внедрены в практику работы педагогов-дефектологов. Такое положение затрудняет организацию учебного процесса, вынуждает обращаться к общим методическим рекомендациям и опираться на приемы, рассчитанные на детей, имеющих нормальное развитие. Используя научно-методические рекомендации по вопросам формирования творческого воображения детей с нормальным развитием как основу для обучения детей с косоглазием и амблиопией, следует адаптировать формы и приемы этой работы с учетом особенностей развития психики и сопутствующих отклонений в развитии.

Так как дети с косоглазием и амблиопией затрудняются в создании нового, оригинального образа, идеи, то работа по развитию творческого воображения будет иметь некоторые особенности.

В качестве вспомогательного средства на наш взгляд возможно использование моделирование, значимость которого подчеркивалась известным психологом Л. С. Выготским, говорившим о важности последовательного размещения в предварительной программе всех конкретных элементов, а также того, что каждое звено должно вовремя меняться последующим. При этом элементы, «кирпичики», из которых строится образ, занимают иное положение, иное место по сравнению с тем, какое они занимали ранее. В новом сочетании элементов и возникает новый образ [1].

Под моделированием понимается создание моделей и их использование для успешного усвоения детьми знаний об особенностях объектов, предметов, их структуре, связях и отношениях, существующих между ними. Особенность моделирования как метода обучения состоит в том, что оно делает наглядным скрытые от непосредственного вос-

приятия свойства, связи, отношения объектов, которые являются существенными для понимания фактов, явлений при формировании знаний, приближающихся по содержанию к понятиям. Доступность метода моделирования для дошкольника была показана многими психологами, среди которых А. В. Запорожец, Л. А. Венгер, Д. Б. Эльконин, и определяется тем, что в основе моделирования лежит принцип замещения: реальный предмет может быть замещен в деятельности детей другим предметом, изображением, знаком [2].

Для моделирования описано множество осуществляемых им функций. Большинство из них связано с учебными моделями, с моделированием в учебной деятельности, поскольку оно не формируется в полном своем составе стихийно, без специального обучения. В частности, речь идет о функции абстрагирования, операциональной функции; функции фиксации знаний, обозначения, планирования; эвристической функции и т. д. Наиболее же важной, основной функцией моделирования признается построение особой реальности, что создает возможность ее исследования и развития творческого воображения.

Модельные представления, по мнению Л. А. Венгера, позволяют ребенку выделять в образном плане характерные свойства предметов и действительности, их взаимоотношение. Модель, схема фиксируют соотношение частей в предмете, предметов между собой или даже последовательность основных действий, ведущих к достижению цели. Использование модели ориентирует ребенка на понимание структуры мира, что в свою очередь раскрывает перед ним объективную «логику» строения предметов, действий и событий. Поняв модельное представление, ребенок тем самым открывает для себя эту «логику». Кроме того, модель оказывает влияние и на развитие собственной творческой деятельности детей [3].

Исходным видом моделируемых отношений являются пространственные отношения, поскольку усвоение моделирования в этом случае

облегчается тем обстоятельством, что пространственная форма модели совпадает с характером отображаемых в ней отношений. Дети, начиная с трехлетнего возраста, учатся моделировать сюжеты сказок, изображая действия их персонажей при помощи перемещения цветных кружков. В дальнейшем это выливается в планирование подвижных игр и игр – драматизаций, составление и последующее разыгрывание их графических «сценариев», а также для составления моделей различных типов высказывания: рассуждение, повествование, описание.

Обучение детей моделированию — это построение и использование модельных представлений при решении практических и познавательных задач основное внимание уделяется обучению детей умению строить и использовать реальные наглядные модели.

В дошкольном обучении используются разные виды моделей, однако необходимо учитывать, что использование моделей возможно при условии сформированности у дошкольников умения анализировать, сравнивать, обобщать, абстрагировать несущественные признаки при познании предмета. Освоение модели сопряжено с активными познавательными исследовательскими действиями. В детской деятельности такими моделями служат создаваемые ими конструкции, аппликации, рисунки.

Первый вид – предметная модель в виде физической конструкции, предмета или предметов, закономерно связанных.

Второй вид – предметно-схематическая модель. Здесь выделены в объекте познания существенные компоненты и связи между ними обозначаются при помощи предметов-заместителей и графических знаков. Третий вид – условно-символические модели, обобщено передающие разные виды отношений с помощью предметов-заместителей, графических знаков (графики, формулы, схемы и так далее). Старшим дошкольникам уже доступен этот вид моделирования. Распростра-

ненными предметно – схематическими моделями являются чертежи – выкройки.

Широкую известность приобрели работы Л. А. Венгера и его учеников. Для обучения связной речи используются схематические изображения персонажей и выполняемых ими действий. Сначала создается картинно-схематический план смысловой последовательности частей прослушанных текстов художественных произведений. Затем осуществляется обучение умениям строить модель из готовых элементов в виде карточек с нарисованными заместителями персонажей, которые соединены между собой стрелками. Далее дети придумывают рассказы по предложенной модели. Постепенно у ребенка формируются обобщенные представления о логической последовательности текста, на которые он ориентируется в самостоятельной речевой деятельности.

Л. Н. Ефименкова предлагает для улучшения творческого воображения использовать специальные схемы, состоящие из последовательных предметных картинок. В. К. Воробьева предложила методику обучения детей по специально разработанным схемам, в которых герои и действия выражены более абстрактно, в виде геометрических фигур, стрелок, графических изображений. В этом случае параллельно с развитием речи формируется творческое воображение, так как один символ может ассоциироваться с различными персонажами [4].

Опираясь на их разработки, методические приемы и рекомендации мы выработали свое направление работы по развитию творческого воображения у детей старшего дошкольного возраста с косоглазием и амблиопией.

В своей работе мы используем метод условно-символического моделирования, позволяющий активизировать произвольное внимание, память, логическое мышление, усваивать способы программирования содержания развернутого сообщения путем установления последовательности и взаимосвязи основных смысловых

звеньев высказывания на наглядной опоре. Для изготовления условно-символических моделей педагогам и родителям не требуются особые художественные способности: любой в состоянии нарисовать подобные символические изображения предметов и объектов к выбранному рассказу. Эти опорные картинки, являясь зрительным планом, направляют процесс связного высказывания, речевые средства которого обеспечивает текст рассказа.

Большое внимание в своей работе мы уделяем выбору произведения для творческого пересказа. На начальном этапе работы используются небольшие тексты, короткие рассказы и сказки Л. Н. Толстого, Е. Чарушина, В. Г. Сутеева и других известных авторов; в дальнейшем их объем должен увеличиваться по мере возрастания речевых возможностей ребенка. Это тексты с наличием однотипных эпизодов, повторяющихся сюжетных моментов, тексты с четким делением на фрагменты и ясной логической последовательностью событий. Это облегчает составление пересказа и способствует усвоению определенных языковых средств. Особое внимание обращается на познавательность содержания, доступность языкового (лексического и грамматического) материала текста.

Особое место в развитии творческого воображения у детей с косоглазием и амблиопией занимают сказки, помогающие сделать эту работу более интересной и продуктивной. Сказка для ре-

бенка — это особое средство постижения жизни, способ познания, осмысления некоторых жизненных явлений, моральных установок общества, постижения реалий действительности.

В общую структуру занятий по развитию творческого воображения входят: организационная часть с включением творческих вводных, подготовительных упражнений, чтение произведения, разбор текста, составление условно-символической модели для пересказа, собственно пересказ, анализ детских рассказов.

В начале работы используются короткие рассказы и сказки, которые сопровождались наглядным схематичным изображением героев; стрелками обозначаются события и явления, происходящие с ними. Эти схемы включали в себя от 3 до 5 элементов.

Когда дети уже в достаточной мере научатся пересказывать произведения с использованием условно-символических моделей своих высказываний, нам представляется возможным включить в работу по развитию связной монологической речи задания, требующие творческого подхода. Для этого используются следующие задания с применением метода моделирования: пересказ сказки, составленной по аналогии с известной; внесение в сказку нового эпизода с последующим пересказом получившейся сказки; пересказ известной сказки с изменением ее окончания; пересказ сказки от лица героя».

Список литературы:

1. Выготский Л. С. Воображение и творчество в дошкольном возрасте. – М., – 1991. – 36 с.
2. Венгер Н. Ю. Путь к развитию творчества // Дошкольное воспитание. – 1982. – № 11. – С. 32–38.
3. Воспитание сенсорной культуры ребенка от рождения до 6 лет: кн. Для воспитателей дет. сада / Л. А. Венгер, Э. Г. Пилюгина и др.; под ред. Л. А. Венгера. – М.: Просвещение, – 1988. – 144 с.
4. Внедрение инновационных технологий в коррекционно-образовательное пространство через наследие Л. Н. Толстого / Барабанова М. Ю., Васина Ю. М. и др. – Тула, – 2010. – 118 с.

Section 9. Psychology

*Yesbergenova Akerke Almazovna,
Karaganda state technical University
Bachelor of Faculty of power engineering, automation and telecommunications
E-mail: yes-akerke@mail.ru*

*Rakhym Zhaksyanim Toktagulovna,
Karaganda state technical University
Bachelor of Faculty of power engineering, automation and telecommunications
E-mail: zhako_01.98@mail.ru*

A HEALTHY STUDENT IS A SUCCESSFUL STUDENT

Abstract: Protecting and strengthening the health of students is mainly determined by the way of life. Problem of nutrition students doesn't lose its relevance at all times. We are established that balance of feeding and timetable of nutrition intake depends on the general state of student, his progress in studying. According to our data there are only 7% follow proper nutrition, 19.3% have a full breakfast, 78.9% don't follow the meal schedule, and 94.6% mainly eat fast food, harmful food from 223 interviewed students. Total numbers of respondents for today are observed in doctors, also there are 53.5% of students including on the dispensary of gastroenterologist. In our opinion, the Ministry of Health and Education need to pay attention on these figures.

Keywords: health, proper nutrition, gastrointestinal disorders, chronic disease, student's lifestyle.

*Есбергенова Ақерке Алмазқызы,
Карагандинский государственный технический университет
Бакалавр факультета энергетики,
автоматики и телекоммуникаций
E-mail: yes-akerke@mail.ru*

*Рахым Жақсыәнім Тоқтағұлқызы,
Карагандинский государственный технический университет
Бакалавр факультета энергетики, автоматики и телекоммуникаций
E-mail: zhako-01.98@mail.ru*

ЗДОРОВЫЙ СТУДЕНТ — УСПЕШНЫЙ СТУДЕНТ

Аннотация: Проблема питания студентов не теряет своей актуальности во все времена. Как установлено нами, от сбалансированности питания, режима приема пищи зависит общее состояние студентов, его успехи в учебе. Так, по нашим данным, из 223 опрошенных студен-

тов только 7% придерживаются правильного питания, 19,3% – полноценно завтракают, 78,9% – не придерживаются графика питания, а 94,6% – в основном питаются продуктами быстрого приготовления, то есть вредной едой. Таким образом, из общего числа опрошенных на сегодня наблюдаются у врачей, также состоят на диспансерном учете у гастроэнтеролога 53,5% студентов.

Ключевые слова: здоровье, правильное питание, желудочно-кишечные расстройства, хроническое заболевание, образ жизни студента.

Мы живем в мире стресса, где ежедневно сталкиваемся с усталостью и депрессией. Некоторые обращаются по этому поводу к врачам, отдельные находят альтернативу в терапии, но во многих случаях средство от всего этого может быть совсем рядом – на кухне.

«Кухня — это сердце дома, а стол – его хозяин» — как часто мы слышим это крылатое выражение. Кухня — это действительно сердце и душа дома. Это место, где мы не только готовим вкусную, полезную еду, но и наслаждаемся чашечкой утреннего кофе, ужинаем в кругу семьи и просто отдыхаем от мирских забот...

Кухня для каждого из нас ассоциируется с едой, питанием, как неотъемлемой частью каждого живого организма. Известно, что питание — это физиологический акт, позволяющий поддерживать здоровье и состояние организма, это процесс снабжения организма питательными веществами.

Доктор Паул Клэйтон, эксперт по продовольствию из Университета Миддлсекса, говорит: «На наш мозг, как и на любые части тела, прямое влияние имеет то, что мы едим и пьем. Некоторые продукты содержат вещества, которые влияют на то, как мы себя чувствуем и думаем». Конечно, продукты обогащенные углеводами действуют на организм человека более расслабляюще, делая тем самым настроение лучше. По статистике, люди на диете часто чувствуют себя подавленными из-за меньшего употребления углеводов [1; 5].

С другой стороны, общеизвестно, продукты, которые имеют высокое содержание протеина, делают человека более сосредоточенным и бодрым. Британские ученые на программе BBC TV

проводили эксперимент между двумя шахматистами, чемпионами Великобритании, которые употребляли разную еду перед игрой. У Пола была тарелка салата и прошутто (полный протеин из красного мяса), а его конкурент Терри ел макароны со сливочным соусом (полный углеводов). Во время игры Терри вел себя вяло, и занимал намного больше времени на обдумывания ходов, чем Пол, который сосредоточенно принимал активные решения. Эксперимент проводили несколько раз с одним результатом.

Следовательно, питание играет огромную роль в жизни каждого. Человек черпает энергию и силы от еды, заряжаясь на целый день. Здесь стоит отметить, важность здорового образа жизни и правильного питания (ПП). К сожалению, многие с пренебрежением относятся к собственному питанию, подвергая желудок атаке вредных веществ, которые содержатся в отдельных продуктах питания [2, 13].

В наше время проблема питания актуальна для всех слоев населения. У каждого десятого человека есть та или иная проблема с желудочно-кишечным трактом (ЖКТ). Риск развития патологии пищеварительной системы велик, в особенности для тех, кто ведет сидячий образ жизни или же, наоборот, для тех, кто на ногах практически целый день. Ко второй группе можно отнести учеников и студентов. Известно, что 100% составляющие части образа жизни студентов весьма значимы. Так, по данным обследования Б.И. Новикова, на режим сна приходится 24–30%, на режим питания 10–16%, на режим физических активностей 15–30%. Эти процессы наблюдаются продолжительностью в 5–6 лет обучения, то они сказыва-

ются на состоянии здоровья студентов. Если принять уровень здоровья студентов I курса за 100%, то на II курсе оно снижается в среднем на 10%; на III на 15–17%, на IV курсе более чем на 25% [3].

При субъективном изучении продовольствия студентов, мы решили узнать, как же наши студенты питаются, и знают ли они о рисках заболеваний в случае невнимательности к собственному питанию.

Мы провели опрос с участием 223 студентов Карагандинского государственного технического университета (КарГТУ), по выяснению ряда вопросов:

- Знаете ли вы правила ПП?
- Соблюдаете ли вы режим питания?
- Часто ли пропускаете первый прием пищи (завтрак)? Часто ли употребляете вредную пищу? (газированные напитки, фаст-фуд, консервированные продукты, полуфабрикаты).
- Были ли у вас проблемы с ЖКТ?

Результаты нас удивили: из опрошенных 223 человек, только 7% придерживаются ПП, 19,3% – полноценно завтракают, 78,9% – не придерживаются графика питания, 94,6% – часто питаются вредными продуктами, 53,5% – наблюдались или состоят на учете у гастроэнтеролога.

Во время опроса мы также обращали внимание на то, как ведут себя анкетированные. Те, кто, в основном, отвечали положительно, вели себя открыто, спокойно и даже приводили примеры на свои ответы, а остальные отвечали коротко, резко, порой, не желали отвечать. Данные опроса позволили сделать вывод о том, как питание может оказывать влияние на физическое и психологическое состояние человека.

Также, прочитав и изучив статьи по вопросам влияния пищи на состояние человека, мы

решили провести свой эксперимент. Для этого выбрали двух студентов, решающих задания из области высшей математики на одном уровне. Попросили одного из них в течение месяца придерживаться того рациона питания, который был составлен нами. Первый студент питался пищей, обогащенной белками, витаминами, углеводами и т.д., а второй студент ел привычную для него еду, как фаст-фуд, жареная картошка, лапша быстрого приготовления, газированные напитки и т.д. В последний день месяца мы дали им абсолютно идентичные задания по высшей математике, состоящие из 7 задач. Студент, который соблюдал режим правильного питания, отличался сосредоточенностью, внимательностью и справился с заданием за 1 час и 8 минут (вместо отведенных двух часов), а второй студент был вялым, его клонило ко сну, периодически отвлекался и потратил на решение в два раза больше времени, чем первый студент.

Таким образом, мы пришли к мнению, что продукты быстрого приготовления, высококалорийные готовые «сладости» (фаст-фуд, чипсы...), газированные напитки — это не что иное, как жиры, углеводы, сахарозы в оболочке красителей и добавок. А студенты питаются такой доступной, быстрой и простой «пищей» из-за нехватки времени, отсутствием условий и, зачастую, безответственным отношением к своему здоровью. С каждым употреблением эти вредные продукты вызывают зависимость и привычку, что приводит к хроническим заболеваниям и психологическим расстройствам. Мы пришли к выводу, что необходимо разработать проект программы «Здоровый студент – здоровый университет» для оздоровления студентов КарГТУ.

Список литературы:

1. Oxford University Press / English File third edition Intermediate Student's Book Unit 1B, – 2010. – 23 p.
2. Шаталова Г. Целебное питание // изд: Вектор, – 2010. – 416 с.
3. Абросмова М. Ю. Физическое развитие и здоровье студентов. – Казань, – 2007.

*Chanturia Ana-Maria,
Student of the University of Economy WSG
Bydgoszcz, Poland
E-mail: anamaria19981998@gmail.com*

LAPIERE EXPERIMENT FROM THE PERSPECTIVE OF BEHAVIORAL ECONOMICS

Abstracts: Over the past 80 years, a number of hypotheses have been brought forth to explain the LaPiere Experiment. In these hypotheses there was overlooked the time factor and a certain anomaly of human economic behavior. With the help of “Prospect Theory” and “current moment bias” it became possible to explain those psychological mechanisms that have caused a temporary discordance in preferences. It is hypothesized that many cases with cleavages between people’s behavior and their words are the result of anomalies in intertemporal preferences.

Keywords: LaPiere experiment, the attitude, Prospect theory, intertemporal preferences.

Richard LaPiere [14] carried out his experiment in order to study the interrelation of behavior and attitudes. This experiment has been discussed most widely throughout the history of attitude studies.

Prior to his famous experiment in 1927, LaPiere conducted research on racial prejudice in England and France. “In what might have had some bearing on the subsequent study, LaPiere also questioned hotel proprietors about their racial acceptance policies and notes a conversation with an Indian student in England who mentioned that he himself had never had much difficulty finding hotel accommodation” [15].

From 1930 to 1933, LaPiere traveled in the United States with a young Chinese couple. They visited about 252 hotels, restaurants, and cafes, and were welcomed according to generally accepted standards in all places but one hotel. Six months later, LaPiere sent out letters to the places he visited, in which he asked them to reply whether they would serve guests of Chinese nationality. Only one hotel responded positively, while all the others replied that they would refuse, or used a formula of evasion, or did not respond at all. Given the results, LaPiere laid down his famous paradox: people who expressed negative attitudes toward a particular group in their reply actually demonstrated a positive attitude toward them in real working situa-

tions. This further affected the status of studying attitudes in psychology since there emerged a question of how reasonable it would be to study these attitudes if, as it turned out, they do not affect behavior. Psychologists began to intensively explore the factors to be taken into consideration in order to predict people’s behavior. Many scientists have offered their own interpretations of the LaPiere experiment [19, 11, 1, 24, 4, 18, 3]. Some authors sought the solution of their problem in in-depth theoretical concepts on attitude. The suggested concepts more precisely delineated the problem itself rather than solution. Others pointed to the presence of a number of other psychological factors affecting the behavior. In reality, the change in the attitudes occurred under the influence of factors, unaccounted in considered schemes. They did not take into account the least apparent but most decisive factor in this experiment – time. Sometimes people act in different ways depending on whether the consequences of our decisions are expected to occur soon or in the future. The LaPiere Experiment represents one of the examples of anomaly in intertemporal preferences. The LaPiere Experiment had been considered without taking into account social and economic interaction, and some economic regularities of human behavior while making individual decisions.

Many studies have tried to explain the results of the LaPiere's experiment: Rokeach [21] expressed the idea that a person has two attitudes simultaneously: toward the object and toward the situation. Within the framework of this theory, the staff of the hotels activated their attitudes when the Chinese couple visited hotels, and these attitudes were not negative. At the same time, the attitude toward the object (attitude towards the Chinese), which was activated when reading the letter, was sharply negative.

Katz & Stotland [11] suggested that in different situations, sometimes cognitive, sometimes affective components of the attitudes may manifest themselves, and the result will therefore be different.

Norman [19], Millar & Tesser [17] suggested that the behavior of the hosts of the hotels could also not match their attitude in case if there was a discrepancy between the emotional and cognitive components in the attitude.

Yadov [24] gives the following explanation of the results of LaPiere's experiment: "From the point of view of disposition regulation of behavior, the cases of discrepancy between the attitudes and behavior can be explained by that the leading role in the regulation of behavior belonged to disposition of a different level. The value orientation on the prestige of the institution dictated a negative response regarding the maintenance of color ones. And the same orientation implies compliance with the accepted rules of service, if the client, as they say, "is on the threshold".

LaPiere himself suggests the following explanation of the results of the study: "In the end I was forced to conclude that those factors which most influenced the behavior of others towards the Chinese had nothing at all to do with race. Quality and condition of clothing, appearance of baggage (by which, it seems, hotel clerks are prone to base their quick evaluations), cleanliness and neatness were far more significant for person to person reaction in the situations I was studying than skin pigmentation, straight black hair, slanting eyes, and flat noses."

This explanation of LaPiere in the works of Ehlich [6], Ajzen & Fishbein [1] received the following generalization: When the measured attitude is common (for example, the attitude towards Asians), and the behavior is very specific (take or not take a specific Chinese pair), one should not expect an exact coincidence of attitudes and actions.

According to the work of Sechrest [22], "a social attitude is a behavioral disposition to respond in a consistent way to a social stimulus in the same way that, let us say, a habit of taking an aisle seat in a lecture hall or auditorium is a disposition to respond in a consistent way". (The primary inference implied in probability conceptions of attitude [3] also is that attitudinal responses are more or less consistent). In this concept, in the formation of behavior, a key role is played by contextual factors: the Chinese couple "was personable and charming, spoke excellent English, was in the company of a Caucasian gentleman, and arrived by automobile, and so on. Moreover, the study was carried out during the Great Depression when times were hard, and business owners were probably eager for patronage. It would, then, likely have been very difficult for an individual owner of a motel or of a restaurant to face down LaPiere and his companions and refuse them accommodation or service".

Campbell [4] assumed that the way the attitude is manifested depends upon the certain situational pressures. He thought that be easier to give a negative response on a mailed questionnaire than to refuse to serve a waiting Chinese couple. In Campbell's words, "The fact that 92% of the cases were mediocre in their Sinophilia, having enough to get over the low hurdle, but not enough to get over the high hurdle, is irrelevant to the problem of inconsistency, but rather speaks only as to the heights of the hurdles."

Nadiraschvili [18] tried to "... consider the LaPiere Experiment within the Set Theory Uznadze.

The first situation was well described by Fishbein [8] (this implies Chinese pair's respectable appearance). We'll only add some touches that seem decisive. Chinese students create a client's appear-

ance situation when visiting the hotel, from what, in minds of the hotel's owners client's acceptance attitude begets ... Because of the racial prejudice, negative attitude towards Chinese couple, couldn't affect their basic professional attitude and at the same time the attitude that was relevant for the given situation."

To eliminate remaining undetected contradictions, in previously existing concepts are introduced new ones outgoing from another understanding of the problem, from the positions of other theories – hypothetical constructs.

We will consider the LaPiere Experiment (within the "Prospect Theory" [10]. The fundamental ideas of Prospect Theory are the existence of an initial point of reference and loss aversion. In Prospect Theory, effective bearers of subjective value are changes of wealth relative to a reference point rather than the final wealth. The starting point is not objectively predetermined. No commonly accepted model of how they are established exists. "People give all estimates, based on a certain value, which sets the tone for the final answer. The initial value of, or reference point, may lie in the very formulation of the problem, or to submit an interim result of its analysis... And different points of reference can lead to completely different results from each other" [9]. "For financial outcomes such as starting point is the status quo, but sometimes it can be the expected outcome, or the one that seems well-deserved, for instance, gain or award received by your colleagues" [23]. Loss aversion means that the personal experience from the loss of a certain amount of money seems to be more significant than that from a similar amount of the winning.

Hotel services have their own specifics – limited opportunity to preserve. If the hotel room is not sold over the current day, the next day this cannot be fixed. Losses from unsold hotel room are irreparable losses, they cannot be compensated. A similar situation is with the services of the restaurant. Even under the condition of storing the products themselves, service is unsold, this cannot be fixed either. This can clearly be demonstrated in the tourist business. As the departure time

approaches, a tour operator's psychological attitude changes toward the tour package are expressed in the change of its price. "Last minute" packages are sold at a lower price, perhaps even at a loss. Dynamics in price change clearly shows how the initial mental attitude to profit turns into the desire to maintain the status-quo towards the end or at least to minimize the loss. Consequently, the attitude towards the customer changes from almost inertly desired to very much desired. The situation is opposite in the markets. Any unsold item at the given time can be sold at another time. Only perishable products are an exception. "The store owner, for example, does not take the money... received from customers as winnings. Trader Plus costs and revenues for a certain period, and brings balance. Debit and credit are not compared to the assessment" [11].

In Lapiere's experiment, as in most real life events, several mutually overlapping factors have been intertwined. Our goal is to show the contribution of each of them to the results of the experiment.

Hotel owners in LaPiere's studies face the necessity to choose between two mutually exclusive options: agree to accept the Chinese couple and thus perform one's function to sell its "product" as a set of services, or to refuse them on the grounds of prejudice against the Chinese. The task must be considered under two different circumstances: face-to-face meeting, and distantly through correspondence before offering accommodation.

In LaPiere's experiment, neoclassical economic theory fails because it does not allow for the different reference points from which the hotelier considers options. Therefore, in such model, if refused, the owner of the hotel in both cases remains with the initial cash, i. e. the status quo is maintained. The previous researchers considered the LaPiere Experiment precisely from this position and did not see the difference between the two options financially. In reality, a lot depends on the current state. As a result, variety of the utilities can be attributed to the equivalent outcomes depending on the interpretation of these outcomes.

When the Chinese were interested in advance in the opportunity of checking into hotel, the current moment bias was activated. We focuses on the present time and anticipated future events in our actions are not reflected fully. The risk that not all rooms can be occupied in a future perspective is relegated to the background. The owner of the hotel did not activate the idea of limited storage capacity of hotel services. Therefore, the refusal to the Chinese was perceived as maintaining the current financial condition, i. e., the status quo. Consequently, it means in the given case the prejudice of relatively the Chinese prevailed over call of duty with an inactivated aversion to financial loss.

As we have already noted, people can assess changes in the welfare and in the context of the expected state. The impact of expectations is not due to the fact the status quo can be used as a reference state but rather is due to some expected result. owner by the value of the subjective appeal of the cost of a hotel room. In this case, the refusal to rent a room would be perceived by the hotel owner as an irreparable loss, the value of which will be equal to shifting of the reference point.

In view of the above particularities of hotel business, when a Chinese couple appears in the hotel, the point of reference will be shifted from the current financial state of the hotel.

LaPiere writes: "In terms of "social distance" we might conclude that native Caucasians are not averse to residing in the same hotels, auto-camps, and "Tourist Homes" as Chinese and will with complacency accept the presence of Chinese at an adjoining table in restaurant or cafe. It does not follow that there is revealed a distinctly "positive" attitude towards the Chinese, that whites prefer the Chinese to other whites. But the facts as gathered certainly preclude the conclusion that there is an intense prejudice towards the Chinese."

Given the above, it is clearly seen that the prejudice of relatively the Chinese did not have such a strong emotional charge and aggression to exceed

aversion to financial loss. (Not in those periods when the west of the USA was engulfed by aggressive speeches against Chinese settlers.)

We will consistently analyze the attributes of alternatives until we have accumulated enough evidence in favor of our concept. For this analysis, we will use some of the below listed results from other experiments:

In the work of Kutner, Wilkins & Yarrow [13] two white women and a Negro woman entered 11 restaurants in a suburb of a Northeastern city. The Negro was never refused to be admitted, and the service in the establishments was described as "exemplary". The restaurants visited were later asked by the letter if they would take reservations for a social group which included Negroes. As a result five managers reluctantly agreed to take the reservations, and six refused;

In the work of Boronoev & Pavlenko [2], was described the experiment conducted in the United States in the 1960s. In which homeowners more often agreed to rent an apartment to Negroes if negotiations were conducted over the phone than while the personal visit with potential tenants;

In Linn's [16] experiment a group of students was asked to pose for a photograph with the opposite sex Negro. Discrepancies between verbal attitudes (prejudice) and subsequent overt behavior (discrimination) was found in 59% of the cases. In contrast to the experiment of LaPiere, in this study, more people show unfavorable reactions to minority group members symbolically than in face-to-face interaction.

Undoubtedly the above mentioned first four concepts played an important role in the development of the theory of the attitudes, but they did not contain the explanatory basis of the Lapeere experiment.

In the following studies, the authors focused only on the clearly expressed aspects of a complex problem and were unable to adequately assess the entire surrounding environment. Low-value arguments were considered as basic and exhaustive. This is the result

of the illusion of focusing and its essence—the effect of WYSIATI (What You See Is All There Is) [9].

Although we do not deny that the above-mentioned Ajzen-Fishbein concept is useful, but there is the reason to believe that it is not universal. In particular, racial prejudices in it introduce certain corrective, because they do not obey the logical laws. For example, certain features of Jews, which cause a sharply negative attitude, are often assessed differently when it is not about Jews. When persons with prejudices towards Jews cannot deny mental capabilities of Jews, they claim that these capabilities are directed to the wrong direction. Consequently, the matter is not at all in separate features of character, attributes of appearance or some kind of deeds of the ethnic group, but in a general negative attitude towards it. “Halo effect” often does not work when there is a competing attitude. As mentioned above, Indian student in England himself had never had much difficulty finding hotel accommodation and a black woman in US restaurants has never faced a denial of service. In these studies, there is no mention of their unique individual characteristics.

Campbell believed that the situation threshold for expressing negative feelings toward an ethnic group on a questionnaire may be lower than the threshold for denying them accommodations in a face-to-face situation. Similar reasoning seems questionable in the light of the arguments of another concept that suggests that when people meet a target of their prejudice, they experience a tension or energy. This emotional state can serve as an incentive to any action from avoidance to attack [7, 5]. That, too, is the situational pressure, but in the opposite direction. This was written in the years when many “white Americans do not want to express prejudice in word or deed for reasons including liberalism, “political correctness”, egalitarianism...” [5]. During the experiment LaPiere existed a traditional (genuine) form of racism, which is not restrained by beliefs, values, norms as in the case of aversive racism and it could be neutralized by one of our strongest internal incentives, what is the loss aversion.

In those experiments in which there was no loss aversion [2, 16], results were obtained that were different from the LaPiere experiment.

Separately, it is necessary to explain the principle difference between renting a flat and the hotel business. The feeling of loss aversion does not arise if the landlord refused to rent the apartment to somebody. It is more important for him to select a tenant who meets certain criteria: keep the apartment clean, rent an apartment for a certain length of time, be a reliable and solvent, do not have young children or domestic animals, and so on. In each a concrete case, the requirements are individual.

Sechrest [22] believed that the owners of the hotels were forced to accept the Chinese couple because of the economic difficulties caused by the Great Depression. This consideration has to do with the principle of diminishing sensitivity. Within the framework of the theory of prospects, this principle is used to assess the changes that have occurred in the monetary well-being of individuals.

On the principle of diminishing sensitivity, in those times loss aversion was more tangible than in the years of economic stability. But, as the results of other experiments conducted before and after the Great Depression indicates, the impact of the crisis was not decisive.

Nadirashvili [18] is not aware of the fact that owners of the apartment, hotel and market are driven by different incentives depending on the manifestation of loss aversion in the situation of the appearance of a client (for this reason in the experiment held between apartment owners we got the opposite result of the LaPiere experiment). That’s why Nadirashvili’s discussion about strength “basic professional attitude and at the same time the attitude that was relevant for the given situation” unreasonably and this is a simple statement of the result of the experiment. He also neglected the possibility of discriminatory acts based on racist prejudice during the client’s appearance, which has often been demonstrated in recent experiments, when racism was much weaker than in the experiment of LaPiere.

The behavior of the owners of hotels is conditioned by an implicit incentive – rejection of losses. It cannot be in the focus of attention, it is inaccessible to conscious reflection and introspection does not provide adequate access to an understanding of the causes of behavior [12]. As a result, the behavior of an individual activated by a single stimulus can be falsely attributed to another stimulus not only by the individual himself, but by an external observer, as it was in the case in the previous studies of the LaPiere experiment.

The LaPiere Experiment belongs to a class of tasks with anomaly in intertemporal preferences. It is the model that contains disparity between a plan for the future from “today’s” perspective, and a plan for the future from “future’s” perspective.

We are not able to correctly predict the course of events in the future and adjust our behavior accordingly. When making choices in the current moment, the future “I” of a person can design a new incentive that will stimulate various actions, despite the fact that he knew the same information. The old stimulus must be weaker or in the inactivated state at that time. It is clear that the predictor of this behavior is the other attitude corresponding to the new stimulus. Therefore, asking in advance, you can get an answer that perhaps will not correspond to the subsequent action.

It is hypothesized that the proposed method of explaining the La Pierre experiment can be extended on many cases where there is a cleavage between the behavior of people and their words.

References:

1. Ajzen I., & Fishbein M. Attitude-behavior relations: A theoretical analysis and review of empirical research. *Psychological Bulletin*, 84, – 1977. – P. 888–918.
2. Boronoev A., & Pavlenko V. Ethnic psychology. Sankt – Petersburg: Publishing House of Sankt – Petersburg State University. – 1994 – P. 168. – In Russian.
3. DeFleur M.L., & Westie F.R. Attitude as a scientific concept. *Social Forces*. October; 42 (1), – 1963. – P. 17–31.
4. Campbell D. T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions. In S. Koch (Ed.), *Psychology: A study of a science.* – Vol. 6. Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences. – New York: McGraw-Hill, GARR, L. – 1963. – P. 94–172.
5. Crandall C. S., & Eshleman A. A justification-suppression model of the expression and experience of prejudice. *Psychol. Bull.* 129. – 2003. – P. 414–46.
6. Ehrlich H.J. Instrument error and the study of prejudice. *Social Forces*, 43 (2). – 1964 – P. 197–206.
7. Esses V.M., Haddock G., & Zanna M. P. Values, stereotypes, and emotions as determinants of intergroup attitudes. In D. M. Mackie, & D. L. Hamilton (Eds.), *Affect, cognition, and stereotyping: Interactive processes in group perception.* New York: Academic Press. – 1993. – P. 137–166.
8. Fishbein M. The relationships between beliefs, attitudes, and behavior. In S. Feldman (Ed.), *Cognitive consistency.* A. P., New York: Academic. – 1966. – P. 134–149.
9. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*, Farrar, Straus and Giroux. Reviewed by Freeman Dyson in *New York Review of Books*, 22 December, – 2011–499 p.
10. Kahneman D., & Tversky A. Prospect theory: An analysis of decisions under risk. *Econometrica*. 1 47 (2). – 1979. – P. 263–291.
11. Katz D., & Stotland E. A preliminary statement to a theory of attitude structure and change. In S. Koch (Ed.), *Psychology: A study of a science.* – Vol. 3. New York: McGraw-Hill. – 1959 – P. 423–475.
12. Kihlstrom J. F., Mulvaney S., Tobias B.A., & Tobias I. P. The emotional unconscious. In E. Eich, J. F. (Eds.), *Cognition and emotion.* – New York: Oxford University Press. – 2000. – P. 30–86.

13. Kutner B., Wilkins C., & Yarrow P. R. Verbal attitudes and overt behavior involving racial prejudice. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 47, – 1952. – P. 649–652.
14. LaPiere R. T. Attitude versus actions. *Social Forces*, 13, – 1934. – P. 230–237.
15. Lee R. M. Commentary: LaPiere and methodological opportunism. *International Journal of Epidemiology*, – Volume 39, Issue 1, – 2010. – P. 16–17.
16. Linn L. S. Verbal attitudes and overt behavior: A study of racial discrimination. *Social Forces*, 44, – 1965. – P. 353–364.
17. Millar M. G., & Tesser A. The effects of affective-cognitive consistency and thought on the attitude-behavior relation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 25, – 1989. – P. 189–202.
18. Nadirashvili Sh. Psychology of Set: Social Set: II. Georgian Academy of Sciences; Institute of Psychology. – Tbilisi: Science. – 1985 – 302 p. In Georgian.
19. Norman R. Affective-cognitive consistency attitudes, conformity, and behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 32, – 1975. – P. 83–91.
20. Pope D. G., & Schweitzer M. E. Is Tiger Woods loss averse? Persistent bias in the face of experience, competition, and high stakes. *The American Economic Review*. 101 (1), – 2011. – P. 129–157.
21. Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values: A theory of organization and change. San Francisco, CA: Jossey-Bass. – 1968. – P. 214.
22. Sechrest L. Commentary: Not all attitudes are created equal *International Journal of Epidemiology*, – Volume 39, – Issue 1, 1 February. – 2010. – P. 21–24.
23. Tversky A., & Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*. Sep 27. – 185 (4157). – 1974 – P. 1124–1131.
24. Yadov V. On dispositional regulation of social behavior of the personality. In Belinskaya E., & Tikhomandriskaya O. (Ed.), *Social psychology: chrestomathy*. – M.: Science. – 1975 – P. 416–430. In Russian.

Section 10. Sociology

*Dino Alket,
PhD, candidate in Sociology,
University "Fan S. Noli", Korçë,
European University of Tirana
E-mail: alketdino@gmail.com*

CULTURAL TOURISM AS AN OPPORTUNITY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN KORÇA REGION

Abstract: Today all over the world, as well as in Albania, we hear more and more about economic development in developing countries. A successful branch of the economy of these countries is tourism. Based on social and geographical study Albania in general and the region of Korça, in particular, should have an orientation study to promote this branch of the economy in this region profitable vision for the regional economy in particular and direct impact on the economy Albanians in general and also for regional cooperation.

We must understand the importance of studying the sociology tourism in Korça region as one of the priority for economic development in the region and beyond.

We must develop this sector of the economy to show how the study instruments and tourist areas to turn them into powerful economic center for the area, region and the national economy and regional also, as a resource for present and needed to be recognized, used and informed.

There are no accurate statistics on social coloring of the population, places of worship, museums, ethnography, archeology, gastronomy, customs, traditions, sports, climate, etc., that provides the Korca region.

Keywords: Tourism, Sustainable development, economy, regional empower, sociology of tourism.

Introduction

Research has shown that there isn't a universal method effective for all areas, regions. The best programs, successful regions are those that combine multiple practices in accordance with the characteristics of the area, culture, tradition and climate conditions where they live.

The tourism industry, with global activity requires Regional values are presented in impression forms. Investments contemporary interventions in infrastructure and providing appropriate facilities to reach

tourist destinations, the key area to attract local and foreign guests for a major profit.

Albania in general and the region of Korca in particular has an ideal geographic position, very favorable climate, an unpolluted environment and a long stretches of clean beaches and lakeside. It is now opening its doors to investment, and substantial incentive and assistance package are available to investors with good ideas and proposal. Tourism has been identified as a major tool for the development region because the tourists visits from all over the world that visit the

Korca region had increased the economy of the region. This is a good effect not only for the region but also for the Albanian people. Tourism in Albania is increasing year after year due to the fulfillment of the challenges of Albania related to tourism. This is also shown by the result taken from statistic and from the collection of data taken from the foreign tourist who have visited the region of Korca.

Korca Region stretches in south – east of Albania, 40° 57' northern width and 21° 19' eastern length, with a territorial stretch of 3.698 km². Korca Region is bounded with the Region of Elbasan, with FYROM in its northern part, with Gjirokastra Region in its southern part, with Greece in east and with the Region of Berat in west. The mountains cover 58% of its surface, the hills 17% and the fields cover 25% of the surface. The Region is characterized by a Mediterranean – continental climate, dry and healthy, with a dry winter and a warm summer. The population of Korca is 360.536 inhabitants 40% of which live in urban areas and 60% in rural ones. The density of the population is 96.8 inhabitants for km². The height above the sea level is 850m. “Mali i thatë” (The Dry Mountain) surrounding Korca in its western part is 2286m high. The forestal surface reaches the 132.075 ha. On them prevails: Oak, Pine – tree, Fir, Hawthorn, Cottonwood, etc Unfolds an attractive and natural beauty, in which the most distinguished are the Lakes (Big Prespa & Small) and a wild solitaire terrain, also Drilon sources situated near the lake of oher, 965 m above the sea level.

Text

An important goal for regional economic development is to increase regional competitiveness of Albanian tourism through destination marketing. Tourism destinations are as essential part of the tourism consumption occurs. They are considered the main competitive unit in the tourism sector.

In order to achieve a competitive advantage in the market place, individual destinations such as regional ones need to market themselves and provide a service that fulfils the guests needs.

Destination marketing has traditionally been aligned to growth orientated strategies that have mainly focused on image creation, advertising and sales promotion aimed at achieving growth in domestic and international visitation. The tourism sector operates within a turbulent environment of rapid and unpredictable change. In addition, advances in technology have led to both time compression where products are instantly available and fundamental shifts in the way that tourism products are promoted and distributed.

Regional tourism development is often interrupted by seasonality, which is noted as one of the most influencing factor for limiting continuous enlargement. Therefore, many tourism – oriented countries try to overcome seasonality in the line of prolonging tourist season as precondition for creating sustainable and competitive tourism development.

This paper also tries to examines the relations between human rights and tourism. The tourism developments bring economic prosperity and a better standard of living in particular in non-urban area. Also the tourism impacts on labor and privacy rights to food and housing. Tourism is a human right and it also has both positive and negative impacts on the human rights of the local communities. It brings in the framework of sustainable tourism and advocates that the future of tourism be modeled after it to make regional tourism practice to respect human values. So we realize that human rights is a very important topic for sustainable development of tourism.

Another important topic is also Human resource management. Managers in companies need to understand the processes of encouraging, stimulating and directing the activities of the previously set goals in order to successfully manage, assess and evaluate their employees. In tourism the more employees are motivated, the better their performance is, and thus the performance of the organization as a whole.

Globalization is a complex, multidimensional and uneven process through which goods and services, capital, people, information and ideas flow

across borders, leading to greater integration of services, capital, people, information and ideas flow across borders, leading to greater integration of economies and societies. The benefits are clearly visible in the increased trade, higher growth and falling poverty of countries fully engaged in the process. Globalization, however, has become controversial precisely because of the uneven distribution of its benefits and its equally visible negative impacts in countries where it has caused job losses, rising income disparity and environmental challenges.

In a period of growing global economic interdependence, regional offers countries an effective vehicle for achieving faster economic development. This study examines the ways in which regional cooperation can contribute to both regional and national shared interests and prosperity, consistent with the multilateral framework.

Globalization has become an unstoppable phenomenon affecting all aspects of our lives. But not all countries are receiving benefits. An urgent challenge is to draw on the considerable strengths of our region in promoting economic prosperity to achieve internationally agreed development goals.

Global initiatives bring, by design, shared benefits. Regional initiatives enhance self-reliance and prospects for the participating countries. But, indirectly, regional initiatives can yield global benefits

too, provided that an outward-looking orientation is maintained. Regional trade agreements, cooperation for tourism can also contribute to strengthening the underpinnings of sustained growth.

Tourism a notion how wide and how innovative has become a major growth sector in the economy of a region. His results and the impact it has had, have a tremendous value nowadays. Since ancient times people have been traveling to different countries around the world to see unfamiliar buildings, artwork, learn foreign languages, to gain experience of new cultures or simply to enjoy the kitchen of a foreign country.

Albania has a wonderful opportunities for tourism explosive, noticed a series of instruments, through which tourists will be attracted to recognize this previously unknown territory, but with great natural value. In fact, today very few know of Albania and the less familiar cultural heritage, archeological, and other folk. These are precisely the elements that must be identified to stimulate tourists on this site. Albania has natural wealth that can classify it in places with maximum tourism. Places like Korca region, a touristic region and specific challenges related to the creation of a successful tourism destination based on the nature of culture. At the end for this must be the goal for the future to grow the number of tourist "In a journey towards touristic destinations of impressive Korca.

References:

1. Affolter D. The tourism marketplace: New Challenges. In *Tourism and Hospitality in the 21st Century*. Eds. A. Lockwood and S. Medlik. Oxford: Butterworth – Heinemann. – 2001.
2. Butler R., and P. Jones. Conclusions, Problems, Challenges and Solutions. In *Tourism and hospitality in the 21st century*. Eds. A. Lockwood and S. Medlik. Oxford: Butterworth – Heinemann. – 2001.
3. Olsen. Hospitality and the Tourist of the Future. In *tourism and Hospitality in the 21st Century*. Eds. A. Lockwood and S. Medlik. Oxford: Butterworth – Heinemann. – 2001.
4. Pacific Asia Tourism Association. 21 Issues & Trends That Will Shape Travel and Tourism in the 21st Century. Pacific Asia Tourism Association. URL: <http://www.PATA.org>. – 1999.
5. Ritchie J.R. B., and Crouch G. *The Competitive Destination: A Sustainable Tourism Perspective*. Wallingford: CABI Publishers – 2003.
6. Sauvante M. The Triple bottom Line: A Boardroom Guide. *Directors Monthly* 25 (11). November 2–6. – 2001.

7. Seekings J. Transport: The Tail that Wags the Dog. In *Tourism and Hospitality in the 21st Century*. Eds. A. Lockwood and S. Medlik. Oxford: Butterworth – Heinemann. – 2001.
8. Sheldon P. Tourism Information technology. In *International Handbook of International Tourism Economics*. Ed. L. Dwyer, P. Forsyth, and Edward Elgar. London: Edward Elgar. – 2003.
9. Singh A. Asia Pacific Tourism Industry: Current Trends and Future Outlook. *Asia Pacific Journal of Tourism Research* 2: November – Vol. 2. – No. 1. – 1997. – P. 89–99.
10. Willmott M., and Graham S. – 2001. The world of Today and Tomorrow: The European picture. In *Tourism and Hospitality in the 21st Century*. Eds. A. Lockwood and World Tourism Organization. – 1999. *Tourism – 2020 Vision*. Madrid: WTO.
11. WTO – 2003 World Tourism Barometer. 1(1) 2.
12. Yesawich P. Ten Trends Shaping the Future of Leisure Travel. *Hotel and Motel Management* 215 (19). – 2000. – P. 26–27.
13. Younnis M. *Creating a World Without Poverty*. Local Development. – 2006.
14. Younnis M. *Social Business. Doing Social Business*. UET Press. – 2013.

*Dino Alket,
University "Fan S. Noli", Korçë,
PhD., candidate in Sociology,
European University of Tirana
E-mail: alketdino@gmail.com*

TOURISM AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT. ARE THESE AN INDUSTRY?

Abstract: The object of this article is to present the tourism potential for the sustainable development of Korça region to serve its promotion as well as the development of the relevant tourist infrastructure that will strongly influence the increase of the interest of tourists to visit the region and consequently to the sustainable development area of this southeastern area of the Albania. Furthermore, I will suggest that referring to tourism as an industry may be a major contributor to the misunderstanding, resistance, and even hostility that often plague proponents of travel and tourism as worthy economic forces in a modern economy.

Keywords: Tourism, Sustainable development, Economy, Industry.

Introduction

Today, all over the world as well as in Albania more and more people are talking about the economic development of developing countries. One of the successful branches in the economy of these countries is tourism. Based on the socio-economic study of Albania in general and of the Korça region in particular, the need for a scientific research of this economic and cultural attraction in this region is beneficial and feasible for the regional economy in particular and with a direct impact on the Albanian economy In general. In this article, tourism is considered important for sustainable development in the region of Korça. The diversity of cultural monuments, cultural traditions and traditional hospitality make up a strong attraction for both domestic and foreign tourists.

Common practice, at least among those who are involved in the development and marketing of tourism, is to refer to tourism as sustainable development. In fact, considerable effort has been devoted to creating the impression that tourism is a legitimate in industry, worthy of being compared with other industries such as health services, energy or agriculture.

The importance of tourism is underscored by referring to it as 'one of the top three industries in most states'. By way of preface, let us consider why so much effort has been taken seriously by economic developers, or even government. Tourism is seen as fun and games, recreation, leisure, unproductive. Under this view tourism is just the opposite of the traditional work ethic. Residents see tourist as crowds, enemies of the environment, undesirable, the 'ugly visitor' from wherever he or she may have come. Too bad tourists spend money or there would be no redeeming virtue to hosting tourist in one's community.

In response, those in business of tourism undertook to gain respect by defining tourism as an industry and then by measuring the economic impact of the tourism industry in terms that were comparable to those used for other industries. 'Industry' was a positive term connoting work, productivity, employment, income, economic health – all attributes that tourism wanted but did not have.

2. Tourism as an Industry

Under this 'industry' view, the tourism industry is made up of a clearly defined grouping of firms that are perceived to be primarily in the business

of selling to or serving tourist. Hotels, restaurants, transportation and amusements are examples of the types of firms that comprise the tourism industry.

What are the advantages of designating tourism as an industry?

The first advantage is the need to gain respect, respect based on understanding the contribution that tourism makes to economic health. Tourism has an image problem. It is not really perceived as a legitimate part of economic development. For some, tourism is not even a legitimate part of government and in today's budget crises, not worthy of funding. If tourism can argue that it really is an industry worthy of being considered on the same terms as other recognized industries, then the image of and the support for tourism will improve.

The second advantage is the need for a sound framework to tabulate, analyze, and publish data about about tourism – data that are accurate, meaningful and believable. Historically, economists have used the 'industry' as the basis for measurement and study. If tourism wants to be measured and studied seriously, it follows then that tourism must be an industry. Only by treating tourism as an industry can tourism be compared with other industries in the world economy.

The third advantage: there is as need among some in 'tourism' for a format for self-identity. Being part of an industry is a clear and easy way to achieve identity and the self-esteem that goes with identity.

But what is travel and tourism? Do they fit this industry mould? To answer these questions we need to define a tourist and tourism and then relate this phenomenon to an industry as defined above.

Clearly there is confusion and controversy surrounding the definitions of travel and tourism. Are they the same or are tourists only seeking pleasure whereas travellers may also be on business? How far must one travel from home to be a tourist? Does paying for a room make one a tourist?

From the viewpoint of economic development and sustainable development or economic impact,

a visitor, nominally called a tourist, is someone who comes to an area, spends money and leaves. We employ an economic framework to be comparable with the concept of 'industry', which is an economic term. The reasons for the visit, length of stay, length of trip, or distances from home are immaterial.

Thus, we define a tourist as a person travelling outside of his or her normal routine, either normal living or normal working routine, who spends money.

In today's world there are three problems with this definition:

Some people travel considerable distances to shop, especially at factory outlets. They may do so many times a year. They are difficult to measure. Technically they are not tourists; their shopping has become routine.

Some people maintain two residences, a winter home and a summer home. Their stay in either one usually exceeds one month and these people are not classified as tourists. Again, their travel is routine.

When people live in an area just outside of a destination and have friends or relatives visit them, how are these visitors classified when they visit the destinations? Actually, the problem here is not whether they are tourist; those visiting friends or relatives clearly are.

Tourism, then can be viewed as:

A social phenomenon, not a production activity;

The sum of the expenditures of all travellers or visitors for all purposes, not the receipt of a select group of similar establishments; and

An experience or process, not a product – an extremely varied experience at that.

To underscore this view of tourism, let us focus on the economic impact of tourism on the economic health of a community. The best measure of this economic impact is not the receipts of a few types of business. Rather, the economic impact is not the receipts of a few types of business. Rather, the economic impact of tourism begins with the sum total of all expenditures by all tourists. Yes, this impact includes some of the receipts of accommodations, restaurants, attractions, petrol/gas stations. However it

also includes retail purchases that often amount to more than the money spent for lodging. These include services like haircuts, car repair etc., and highway tolls in some countries, church contributions, and so forth. In fact, visitors spend more money just about everything that residents do. Thus, any and every 'industry' that sells to consumer is in receipt of cash from tourism. Clearly, the criteria of similar activity or common product or production process are not met in tourism!

Seen this way, travel and tourism — the movement of people outside their normal routine for business, pleasure, or personal reasons is much, much more than an 'industry' in the traditional sense. As an economic force, it is the impact of everything the visitor or tourist spends. Thus, we really have an expenditure-driven phenomenon, not a receipts driven one.

If we are to study tourism and sustainable development to expand it or to control it, is it not better to have an accurate understanding and definition?

If we are to communicate the value of tourism, is it not more effective to reflect the totality of tourism and not just champion a few industries?

In sum, I believe that defining tourism as an industry is incorrect; and further, this definition demeans what tourism really is. Tourism is a social/economic phenomenon that acts both as an engine of economic progress and as a social force. Tourism is much more than an industry. Tourism is more like sustainable development, is more like a 'sector' that impacts a wide range of industries. Tourism is not business or governments — it is people. Supporting rational tourism growth and development needs to be viewed in this broader context. Given today's economic conditions, environmental concerns, evil, turmoil, and strife, positioning tourism properly takes on added importance. Maybe now is the time to rethink the 'industry' classification and find a way to communicate more clearly just how important tourism's health is to our economy.

References:

1. Affolter D. The Tourism Marketplace: New Challenges. In *Tourism and Hospitality in the 21 Century*. eds. A. Lockwood and S. Medlik. Oxford: Butterworth-Heinemann. – 2001.
2. Cetron M. The World of Today and Tomorrow: The Global View. In *Tourism and Hospitality in the 21 Century*. eds. A. Lockwood and S. Medlik. Oxford: Butterworth-Heinemann. – 2001.
3. Dwyer L. Cooperative Destination Marketing: Revisiting the Assumed Economic Impact. *Pacific Tourism Review* 6 (2). – 2003. – P. 95–106.
4. Faulkner B. Towards a Framework for Tourism Disaster management. *Tourism Management* 22 (2). – 2001. – P. 135–147.
5. World Tourism Organization. *The Impact of the Tourism Industry in Sustainable Development*. – 2003.

*Mr. Maulik Sergii,
PhD., student at Faculty of Sociology and Law
of National Technical University of Ukraine
“Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute”
E-mail: maulik@i.ua*

SOCIAL INNOVATIONS DEVELOP EFFECTIVE SOCIETIES: UKRAINIAN EXPERIENCE

Abstract: The article analyses the problem of correlation between the theoretical concepts of social innovations and practical issues of their development in sociology as well as in the practical policy of the actors of government and public sectors.

Keywords: social innovations, innovative development, modernization, social responsibility.

Introduction

Controversial Ukrainian socio-economic development in recent years and global economic trends in general indicate that innovations are the only alternative for competitiveness of the national economy and the universal key to rapid socio-economic development that ensures adequate living standards and national security. Sustainable development, which is based on the hypothesis of maintaining balance of economic, natural and social resources is a priority for majority of developed and developing countries, including Ukraine. And if the economic and technical innovations are relatively easy to identify, promote and develop, social innovations are not the case. Despite huge interest towards social innovations during the last decade there is still lack of appropriate and institutionalized approach towards definition and place of social innovations in the current scientific landscape. The extended perspective of the role of human consciousness eliminates the narrow economic and political determinism in the analysis of social phenomena that allows for a more profound approach to social innovations and expands the toolkit for their implementation.

Literature review

The majority of literature on social innovations focuses on practical sides of social innovations, and we find very few theoretical studies in modern

Ukrainian scientific tradition. The same problem mentioned Julie Caulier-Grice that “the practice of social innovation looks and feels different in different fields, sectors and continents, it is not surprisingly that meanings and definitions vary” in the detailed report on social innovations for TEPSIE [1]. The term “social innovation” in the scientific discourse is relatively new, but the phenomenon itself is certainly much older. There are many examples of social innovations throughout the history of mankind – from kindergartens to hospices, and from cooperative movement to microfinance.

American sociologist and psychologist Michael D. Mumford expressed interesting idea that social innovations usually include generation and implementation of new ways on how people should organize their activities and interpersonal social interactions to solve one or more common objectives [2]. At present moment, we can observe the concept of social innovation in the works of Stephen Goldsmith [3], Joanne McNeill [4], Alex Nicholls and Alex Murdoch [5], JK Gibson-Graham [6], and many others.

There is a need to define the term “social innovation”. Despite the relevance of the topic and lots of researches and researchers, there is still no universal and universally accepted definition. In our opinion, the most content-relevant interpretation of the term

was provided by British researchers from London Business School Murray, Caulier-Grice and Mulgan who believe that “social innovations are new ideas (products, services and models) that simultaneously meet social needs (better than alternative) and create new social relations or cooperation” [7].

Stanford Social Innovation Review defines social innovation as: “a novel solution to a social problem that is more effective, efficient, sustainable, or just than existing solutions and for which the value created accrues primarily to society as a whole rather than private individuals. A social innovation can be a product, production process, or technology (much like innovation in general), but it can also be a principle, an idea, a piece of legislation, a social movement, an intervention, or some combination of them.” [8]. OECD defines social innovation as that which concerns: “conceptual, process or product change, organizational change and changes in financing, and can deal with new relationships with stakeholders and territories. ‘Social innovation’ seeks new answers to social problems by: identifying and delivering new services that improve the quality of life of individuals and communities; identifying and implementing new labor market integration processes, new competencies, new jobs, and new forms of participation, as diverse elements that each contribute to improving the position of individuals in the workforce [9]. On the contrary to such complex definitions, Geoff Mulgan uses the short one defining social innovations as: “new ideas that work” [10].

Thus, social innovations deal with new answers to existing social needs and affect the process of social interactions. They are aimed at improving of well-being. They cover a wide scope from new models of child care to social web networks, new mechanisms of healthcare to new ways to encourage people to save resources. In turn, the approach to social innovation is understood not only as a new control mode, working in various areas of traditional implementation of citizen responsibilities (like effective solving of climate change problems, social justice is-

sues, aging, etc.) but as a culture of trust and risk taking, which is important in promoting scientific and technological innovations. That is, problem solving activities not only for the society, but together with this society.

In this paper, we understand social innovations as new ideas (products, services and models) that simultaneously meet social needs (better than existing alternatives) and create new social relationships or ways of cooperation. These innovations increase the mobilization potential of society and empower society to act.

Discussion

Thus, development perspectives of any country and Ukraine in particular, depend on the state’s ability to mobilize the intellectual, scientific and technological capacity of the society to ensure sustainable development, which is the basis for improving quality of life and well-being. The aim of the article is further theoretical argumentation of the essence of social innovation and new approaches to the organization of society relations, followed by the introduction of innovative ways to modernize society.

The necessity for social transformation is in the possibility of constructing new social relations and systems, where key actors operate more successfully and effectively. And we will prove the potential of social innovations as a tool for social engineering, because social innovations make it possible to provide tangible economic growth and institutional capacity to respond to existing and new challenges.

Karl Popper in his “The Open Society and Its Enemies” states: “Just as the main task of the physical engineer is to design machines and to remodel and service them, the task of the piecemeal social engineer is to design social institutions and to reconstruct and run those already in existence.” [11].

For decades in Ukraine public consumption prevailed over public savings for the modernization of socio-economic production and human development leading to imbalances that created a real threat to the existence of the Ukrainian state. The ignorance

of current situation could lead to the loss of country vital infrastructure, to the threats to Ukrainian security and to the failure of adequate response to existing and emerging threats and challenges. Typically, state institutions are not able to act as triggers of innovative transformations in the country. Moreover, as we can see with modern examples, administrative and command methods of Ukrainian economy are unable to adequately and promptly respond to challenges. For example, newly-established Ukrainian volunteer movement managed to replace number of public authorities, including financial departments of Ministry of Defense of Ukraine, especially in the initial phase of the antiterrorist operation in eastern Ukraine. However, any change in the existing social system causes resistance of the elements of the system, which leads to a conflict in which the proposed changes can be “suppressed” by the existing status quo.

To be more precise, we give some examples of successful social innovations in Ukrainian society. Noteworthy and important for further scientific analysis are social innovations that are built on the ‘top-down’ principle – i. e. projects and initiatives that have administrative support, state or business financing, elaborate business plan and key stakeholders:

1. ART mobilization. In winter 2015, group of artists and architects came to Sloviansk (just liberated town in Eastern Ukraine) to inspire its inhabitants to revive the post-war city. The initiative team consisted of two camps – artists and urban architects. Urbanists had to practice co-design with local residents: they organized a study of the current state of the city on the basis of a survey of students, employees of the city administration, businessmen and ordinary people at the town’s central square. As a result, they created city-guide that included useful maps that can be used by the inhabitants of the post-war Sloviansk: a map of safe and dangerous areas of the city, destroyed and/or abandoned houses, a map of transport and pedestrian accessibility. During the “ART mobilization”, there were also discussions on

Sloviansk development projects that the community could implement on its own in the nearest future.

2. Ukrainian competition “The best social projects of Ukraine” initiated by NGO “Center for Social Leadership” to create information and educational platform for best practices and social projects implemented by state enterprises, businesses and public organizations in Ukraine to establish effective partnerships training and support organizations that aim to solve pressing social problems to achieve social welfare. Thus, the company gets a lot of diverse social projects aimed at modernization of Ukrainian society with the prospect of further spread of the most successful practices.

“Bottom-up” social innovations (i. e. active society members initiate to solve certain social problems) are narrowly pragmatic and aimed at solving a particular social problem. However, if the innovation is successful and the solved problem is not unique, such social innovations should be scalable to address common problems at regional/country level. Therefore, “bottom-up” oriented (by their nature) social innovations serve as an effective tool of social engineering, as social system elements express much less resistance to initiatives that are not artificially implemented by social engineers. In addition, if the institutional changes are treated as “unfair”, “wrong”, “forced from above”, they do not harmonize the society and provoke resistance.

Social innovations in modern Europe focus primarily on solving a number of social and environmental issues – such as climate change, unemployment, crime, social exclusion, material poverty, migration, inequality welfare, aging and others. Moreover, in modern conditions social innovations do not have fixed boundaries covering all sectors (public, private, non-profit organizations, households) and affect a variety of industries, including energy, housing, health, education, science, culture and art.

Conclusions

After general analysis of social innovations in Ukrainian society, we can draw the following con-

clusions about social innovations: they are more practical initiatives rather than theoretical works; the scope of social innovation is very wide and diverse; they cover all areas of human life – from microfinance to online trading, from new models of healthcare to inclusive education, from joint production to crowd-funding. Historically, the large number of the most important social innovations resulted from random processes and events rather than from detailed planning by politicians or scientists. However, social innovations may be organized and implemented institutionally. Vari-

ous programs and projects may trigger social innovation and bring benefits on the local and international levels and to raise the level of social consciousness of the society.

Creation, scaling and promotion of social innovations will provide significant intensification of innovative development and ensure its institutional nature, which will result in significant and rapid GDP growth, the growth of national wealth, enhancing the role and motivation for accelerated use of “human capital” in Ukraine and faster Ukraine’s entry into European community of democratic states.

References:

1. Caulier-Grice, Julie et al., – 2012. URL: <https://youngfoundation.org/wp-content/uploads/2012/12/TEPSIE.D1.1.Report.DefiningSocialInnovation.Part-1-defining-social-innovation.pdf>
2. Mumford M. D. Pathways to Outstanding Leadership: A Comparative Analysis of Charismatic, Ideological, and Pragmatic Leadership. Mahwah, NJ: Erlbaum – 2006.
3. Goldsmith, Stephen. The Power of Social Innovation: How Civic Entrepreneurs Ignite Community Networks for Good. URL: http://presuniv-entrepreneurship.weebly.com/uploads/1/9/0/0/19003227/goldsmith_the_power_of_social_innovation.pdf
4. McNeill Joanne. Enabling social innovation – opportunities for sustainable local and regional development. URL: http://www.communityeconomies.org/site/assets/media/JoanneMcNeill/JMcNeill_Social-Frontiers-2013_enabling-social-innovation.pdf
5. Nicholls Alex et al. New Frontiers in Social Innovation Research. URL: <http://www.sfs.tu-dortmund.de/downloads/new-frontiers-in-social-innovation-research.pdf>
6. Gibson-Graham J. K. Social Innovation for Community Economies. URL: http://www.communityeconomies.org/site/assets/media/Gerda_Roelvink/Gibson-Graham%20and%20Roelvink%202009%20Social%20Innovation%20and%20Community%20Economies%20FINAL%20DRAFT.pdf
7. Murray Caulier-Grice and Mulgan, – 2010. URL: <http://youngfoundation.org/wp-content/uploads/2012/10/The-Open-Book-of-Social-Innovation.pdf>
8. Phills Jr., Deiglmeier K., Miller D. Rediscovering Social Innovation / Stanford Social Innovation Review. – 2008.
9. OECD. The Social Economy: Building Inclusive Economies, – 2007.
10. Mulgan Geoff. URL: http://eureka.sbs.ox.ac.uk/761/1/Social_Innovation.pdf
11. Popper Karl; Ryan Alan, Gombrich E. H. The Open Society and Its Enemies. Princeton and Oxford: Princeton University Press, – 2013. – 755 p.

Section 11. Philology

*Isaieva Natalia Stanislavivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
Institute of Philology, Department of Languages
and Literatures of Far East and Southeast Asia, doctorant
Ph. D., of Philology, Docent
E-mail: inattalia@gmail.com*

“WOMEN’S FICTION” AND THE CANONIZATION PROBLEM IN THE FEMINIST LITERATURE CRITICISM

Abstract: the article presents an analysis of the main features of «female literature» in the context of gender revisions to the literary canon. Based on the works of W. Wolfe, S. de Beauvoir, E. Showalter, J. Barry, S. Flitterman-Lewis, and others, the evolution of female creativity is represented as the overcoming of the reduction strategies of traditional canonization.

Keywords: women’s writing, literary canon, feminist criticism, gender differentiation.

*Исаева Наталья Станиславовна,
докторант, Институт филологии
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
E-mail: inattalia@gmail.com*

«ЖЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» И ПРОБЛЕМА КАНОНИЗАЦИИ В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФЕМИНИСТСКОЙ КРИТИКИ

Аннотация: в статье представлен анализ основных признаков «женской литературы» в контексте гендерной дифференциации литературного канона. На основе работ В. Вулф, С. де Бовуар, Э. Шоуолтер, Дж. Барри, С. Флиттерман-Льюис и др. эволюция женского творчества представлена как преодоление редуционных стратегий традиционной канонизации.

Ключевые слова: женская литература, канон, феминистская критика, гендерная дифференциация.

Феминистская литературная критика, согласно емкому определению Т.А. Ровенской, «представляет собой внутренне сложную структуру, произрастающую и самоорганизующуюся в подвижной среде критики критики» [14, 6]. Как совокупность литературоведческих подходов она позволяет обнаружить и концептуализировать матрицу проблем, связанных с гендерной дифференциацией литературного канона, а именно – различием в нем мужских и женских ценностей и репрезентативных систем [16, 178]. Украинский литературовед Н. Зборовская подчеркивает направленность феминистской критики на подрыв «большого» («мужского»)

канона, сформированного в результате редукционных стратегий отбора «образцовых» авторов, произведений, идей, тем, художественного языка [10, 117]. Этот процесс происходит в дискурсе патриархатной власти и является рецепцией «инога», центрированием за счет вытеснения маргинального [10, 117]. Как подчеркивает С. Павлычко, «формирование и ревизия литературной традиции и канона отражают идеологическую борьбу, а не естественный эстетический порядок» [13, 629]. Поэтому представители феминистской литературной критики стремятся переосмыслить «большой» канон с позиций преодоления женской маргинальности. На наш взгляд, определение базовых признаков «женской литературы» является непосредственным результатом такого переосмысления.

Проблематизация понятия «женская литература» в аспекте гендерной дифференциации литературного пространства, а также репрезентации в нем «инога»/женского опыта и субъективности прослеживается в работах теоретиков феминизма «первой волны» В. Вулф и С. де Бовуар. В известной книге «A Room of One's Own» (1929) В. Вулф анализирует сущность женской литературы в связи с референтной природой авторства женщин-писательниц. Исследователь стремится показать равные способности мужчин и женщин к творческой деятельности, интерпретируя последнюю не как трансцендентную данность, а как материальный, телесный процесс. В. Вулф подчеркивает, что в «елизаветинские времена» поэтически одаренная женщина была несчастной, поскольку «пребывала в состоянии постоянной борьбы с собой» [8, 46], ведь ее талант в условиях патриархатной действительности был нивелирован и осмеян как невозможный. Вместе с тем фальсифицированный женский опыт был представлен в произведениях авторов-мужчин, которые стремились укрепить свое превосходство. По мнению В. Вулф, мужчины очень «тяжело» понимают женщину, очень поверхностно

изображают ее, поскольку смотрят на нее сквозь «черные или розовые очки, надетые <...> собственным полом» [8, 79]. «Женственность» понимается как набор условных символов, далеких от реальной женщины. Возникает необходимость открыть в литературе правду о ней, представить ее собственный опыт. Таким образом, женская литература в концепции В. Вулф проявляется как субверсивный дискурс в доминирующем художественном каноне.

В. Вулф также показывает, что развитие женской литературы в XIX веке усложнялось отсутствием традиции и недостаточностью инструментария, который обеспечивал бы свободу и полноту выражения женского опыта. Имеется в виду не только предмет изображения и эстетические ценности, но и языковые (стилистические) приемы, которые, по мнению британской феминистки, следует гендеризировать. «Предложение, построенное мужчиной, — подчеркивает она, — слишком сложное, гравитационное для женского употребления» [9, 82]. Женщины должны отыскать «легкое и естественное» предложение, которое бы не ограничивало и не искажало их мысли. Таким образом, В. Вулф показывает необходимость выявления особенного «женского художественного стиля», который тяготеет к свободному «материнскому» языку и расшатывает нормативный «отцовский» (эта идея со временем найдет психолингвистическое обоснование и развитие в работах Ю. Кристевой).

Переосмысливая теорию С.-Т. Колриджа об андрогинной сущности «великого сознания», В. Вулф выдвигает резонансную идею об андрогинности творческого сознания, которое «передает эмоции без предубеждений» и не зависит от пола творца. В контексте неоднозначного восприятия феномена андрогинности в научных кругах Т. Мой справедливо подчеркнула, что идея В. Вулф отражает основную задачу феминизма – деконструкцию «бинарного противопоставления мужественности и женственности» [12, 36]. Следовательно,

теория «андрогинности творческого сознания» ставит под сомнение андроцентричную систему культурных ценностей, а значит, и редуccionные практики литературной канонизации.

Новые аспекты осмысления феномена «женской литературы» появляются в экзистенциалистской концепции «женской субъективности» С. де Бовуар, изложенной в работе «Второй пол» («*Le Deuxième Sexe*», 1949). Основанием идей французской феминистки послужила теория Ж.-П. Сартра, согласно которой определяющей для человеческого бытия является проблема *выбора*: «не существует природы человека», «человек таков, каким сам себя делает» [15, 323], или сам для себя выбирает. С. де Бовуар начинает концептуализацию «фемининности» («женственности») в системе этих категорий. Она отмечает, что на протяжении всей истории женщина была лишена права на свободу выбора и активную самореализацию. Ее всегда определяли «через мужчину, в связи с его ценностной иерархией» [5, 8]. В оппозиции *мужчина – женщина* с самого начала заложена гендерная асимметрия, выражаясь словами С. де Бовуар: «... женщину характеризует то, что отличает ее от мужчины, но не наоборот: он – главный, она – второстепенная. Он – Субъект, он – Абсолют. Она – Другая» [7, 27]. Французский теоретик феминизма отрицает существование имманентной, неизменной природы женщины и признает необходимость женской самореализации путем сознательного *выбора*: «женщиной не рождаются, ею становятся». Таким образом *женская субъективность* (которая способна разрушить мизогинные стереотипы) способствует активному проявлению женщины, например, в творчестве. Украинский литературовед С. Криворучко справедливо отмечает, что весомым вкладом С. де Бовуар в теорию феминизма является «определение «фемининного» культурного кода в истории цивилизации, <... > который заключается в открытии «иного» мышления женщины, сформированного маскулинным мировоз-

зрением, и преодоление «иного» как психологического комплекса неполноценности» [11, 119].

В. Вулф и С. де Бовуар положили начало осознанию *женской литературы как «иного» (субверсивного) фемининного дискурса в «большом» каноне*. Сущность женской литературы не ограничивается авторством женщин, она включает отображение «иного» опыта, концептуализацию «иной» субъективности, а также использование «иной» репрезентативной системы. Эта недевиантная «инаковость» становится ключевой позицией феминизма, которая по-разному интерпретируется в теориях «второй» и «третьей волны», когда возникает необходимость представить женские произведения как «отличные», но «равноценные» в канонах национальных литератур.

Представительница американской феминистической школы Э. Шоуволтер концентрирует внимание на изучении женского творчества как особенного литературного дискурса. В известных работах «*A Literature of Their Own. British Women Novelists from Bronte to Lessing*» (1977) и «*Toward a Feminist Poetics*» (1985) она отмечает, что эволюция женской традиции в британской литературе XIX–XX веков отвечает «модели развития любой литературной субкультуры» [2]. Исследователь делает попытку установить непрерывность женской традиции путем выявления связей и преемственности между известными и забытыми писательницами. Она отходит от лекал «мужского» канона с его литературными моделями и стереотипами. Э. Шоуволтер поначалу выделяет три периода (фазы) в развитии женской литературы Британии, которые интерпретирует как общие для всех субкультур:

1) «*фемининный*» (1840–1880 гг.) — это «длительный период *подражания* основным формам доминирующей традиции, *интернализации* норм и критериев искусства с его взглядами на социальные роли» (выделения автора – Э.Ш.) [3, 13]. Этот период начинается с появлением мужских псевдонимов женщин-писательниц и заканчивается годом

кончины Джордж Элиот. По мнению Э. Шоуолтер, британские писательницы выбирают мужские псевдонимы дабы «преодолеть двойные литературные стандарты» [2], что в конечном итоге оказывает влияние на стиль, структуру и другие характеристики их произведений. Феминистский смысл женского творчества этого периода – выраженный непоследовательно, «непрямой, ироничный и субливерсивный; он читается между строк, в нереализованных возможностях текста» [2];

2) «*феминистический*» (1880–1920 гг.) — это «*протест* против стандартов и ценностей (доминирующей культуры — И. Н.) и защита прав и ценностей меньшинств, включая требование независимости» [3, 13]. Поколение «новых женщин», по мнению Э. Шоуолтер, переосмысливает роль писательниц с точки зрения их «ответственности за страдания сестер» [2]. Важной тенденцией этого периода является возникновение (с 1890-х годов) и развитие *женских утопий*, в которых формируется предстваление об идеальном женском сообществе, выражается протест против мужского правительства, законодательства и медицины, а также анализируются «альтернативные возможности эмансипированной феминистской литературы» [2];

3) «*феминный*» (1920–1980 гг.) — это «период *самораскрытия*, обращения к себе, освобождения от потребности в оппозиции, поиск идентичности» [3, 13]. Женщины отказываются от подражания и протеста (двух форм зависимости предыдущих периодов) и осознают собственный опыт как «источник автономного творчества, распространяя феминистский анализ культуры на формы и методы литературы» [2].

В 2009 году выходит еще одна важная работа Э. Шоуолтер «*A Jury of Her Peers: American Women Writers from Anne Bradstreet to Annie Proulx*», которая, по мнению Ч. Миллер, демонстрирует отход от феминистских теорий литературы 1970-х годов и «попытку представить женскую альтернативу традиционному литера-

турному канону» [1]. Э. Шоуолтер отмечает формирование в 1990-е годы четвертого периода развития женской литературы (уже на примере США) и называет его «свободным» («free»):

4) «свободный» (с 1990-х — до сегодняшнего дня) — это период, когда «женское письмо исчерпало себя как отдельная литературная традиция и как дефиниция в противовес описанию» [4, 229–230]. Появляется новое поколение «свободных» женщин-писательниц, которые по собственному желанию выбирают предмет и средства художественного изображения и «принимают активное участие в литературном мейнстриме» [4, 10]. Э. Шоуолтер доказывает, что в 1990-е годы изменилась идея литературной традиции. В это время представляется сомнительной сама возможность существования единого литературного канона и автентичной («чистой») традиции без разделения «мужского» и «женского» письма [4, 229–230]. Исследовательница приходит к выводу, что женщины больше не нуждаются «в особых экспертах (juries), снисходительных приговорах, молчаливых соглашениях и скрытых доказательствах для того, чтобы занять свое место рядом со знаменитыми творцами <...> литературного наследия» [4, 8].

Таким образом, Э. Шоуолтер трактует *женские традиции в литературе как трансформации самосознания и саморепрезентации писательниц относительно доминирующего канона, их постепенный отказ от девиантной идентичности и в конечном итоге — «активное участие в литературном мейнстриме»*. Такой подход представляется продуктивным для определения особенностей развития женского творчества в любой национальной истории литературы (с учетом, разумеется, этнокультурной специфики).

В 1980 году американские феминистки Дж. Барри и С. Флиттерман-Льюис [6], изучая амбивалентную природу женского авторства и гетерогенную сущность женского культурного производства, выделяют четыре стратегии и,

соответственно, четыре типа женского искусства. В своей типологии авторы ориентируются на теоретические положения, объединяющие вопросы идеологии, культуры и смыслообразования [6, 148]. Последнее подразумевает конструированные культурой гетерогенные коды, которые пребывают в постоянной взаимосвязи. Выбор кодов и типа связи зависит от владения женщиной-творцом набором конвенций, определяющих все аспекты человеческого бытия.

Первый тип женского искусства — эссенциалистский — основан на вере в женскую сущность как производную от биологического различия полов. Этот тип реализуется путем эстетики простой инверсии, в рамках которой пересматривается бинарная оппозиция «душа — тело» и предается сомнению доминирование трансцендентного/духовного над материальным/телесным. Цель произведений искусства — «акцентировать ценность женского опыта и женских телесных функций» [6, 149]. Искусство такого типа стимулирует женское взаимное восхищение и солидарность.

Второй тип — «субкультурное сопротивление», реализующееся путем валоризации или реконструкции скрытой истории женского культурного производства. Тут актуализируются жанры и приемы, которые начинают рассматриваться как «неизведанный простор» женского художественного творчества» [6, 152]. Такие стратегии направлены на доказательство существования «иного искусства», имеющего свою историю, которая была угнетена вследствие специфичных потребностей господствующей культуры.

Третий тип — искусства исследователи определяют как анти-эссенциалистское проявление культурного изоляционизма, где женская творческая активность поглощается доминирующей патриархатной культурой, ибо выносятся за ее пределы. Тут выделяются две группы женщин-художниц, занимающих противоположные идеологические позиции. Одна группа стремится

создать отдельное социокультурное пространство, несвязанное с патриархатной культурой, например, проекты лесбийского искусства. Другая группа — женщины, «отрекающиеся от своего пола», игнорирующие женские проблемы и стремящиеся к «тотальной идентичности с патриархатом» [6, 155]. Таким образом «фемининность» художественного текста проявляется в граничной альтернативе как носитель смысла традиционного культурного кода, или его полного отрицания. По мнению Дж. Барри и С. Флиттерман-Льюис, эти стратегии противостоят эссенциализму, поскольку приводят к пониманию, что «форма» и «содержание» традиционной культуры являются носителями смысла [6, 154–155].

И наконец **четвертый тип** — аналитический, где «женскость» не определяется биологической природой, а конструируется в тексте как результат диалектической игры социокультурных противоречий. Женщины-художницы (писательницы) проблематизируют само понятие «репрезентация», привлекая читателя (реципиента) к активному производству смыслов, и таким образом разрушают традиционные «жестко сформулированные истины» и стереотипы. Такое искусство занимает критическую позицию, «которая ставит под вопрос абсолютные или конкретные категории и определения женщин» [6, 161].

Итак, типология женского культурного производства, предложенная Дж. Барри и С. Флиттерман-Льюис, раскрывает гетерогенную субъективность авторов-женщин и принципиальное множество женских репрезентативных стратегий, отражающих вариативность самоидентификации художниц/писательниц в существующем каноне и за его пределами.

Попытки проследить развитие альтернативных женских традиций в 90-е годы XX века привели к проблематизации самого понятия «канон», поставили под сомнение его универсальность, а также стратегии выявления гендерных различий. Эти вопросы стали предметом анализа в статье немецких

исследователей Р. фон Хайдебранда и С. Винке «Работа с литературным каноном» [16]. В частности они отмечают, что в рамках теорий деконструктивизма и постструктурализма создание канона проблематично, поскольку разрушается система «центральное – маргинальное». Предпочтение отдается не написанному тексту, а его интерпретации (точнее – множеству контекстуальных/дискурсивных интерпретаций), поэтому субъективная деконструкция смыслов и идеологических «соглашений», за Д. Мартиным, приписывает тексту каноническую ценность [цит. за: 16, 200].

Р. фон Хайдебранд и С. Винке тем не менее доказывают, что отказ от канонизации идет в разрез с потребностями литературной коммуникации. Поэтому оправданными в осмыслении женских произведений являются новые интерпретационные подходы (например, феминистично-деконструктивистские), которые учитывают сознание и опыт обоих полов. Так или иначе, существующий литературный канон должен прочитываться с позиций гендерной дифференциации. Убедительным представляется вывод немецких ученых о том, что определение идентичности и ценности женских произведений в истории литературы может иметь два результата: 1) создание конкуриру-

ющего женского антиканона, который содержит собственные ценности и основывается на идентификационных подходах гинокритики; или 2) расширение традиционного канона за счет включения женских произведений с возможностью писательниц выразить «иной» относительно мужского взгляд на мир, а также с необходимостью определить переломные моменты истории с учетом гендерного различия [16, 178]. Оба способа канонизации сопряжены с проблемами, решение которых находится в научном пространстве социологии и истории ментальности.

Выводы. В научном пространстве феминистской литературной критики сущность «женской литературы» часто определяется как субверсивный дискурс в доминирующем «большом» каноне. Во множестве мнений ученых прослеживается несколько общих тенденций, а именно: 1) отрицание единства и универсальности литературного канона, сформированного по принципу маргинализации женского (как неполноценного «иного»); 2) признание женского творчества акцентирующим на гендерном различии канона и репрезентирующего в нем (или его альтернативе) женское «иное» как позитивное и равноценное.

Список литературы:

1. Miller Ch. A Jury of Her Peers, by Elaine Showalter [Electronic Resource] // Commentary. – 2009. – June 1. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/a-jury-of-her-peers-by-elaine-showalter/>
2. Showalter E. Toward a Feminist Poetics [Electronic Resource]. URL: http://historiacultural.mpbnet.com.br/feminismo/Toward_a_Feminist_Poetics.htm
3. Showalter E. A Literature of Their Own. British Women Novelists from Bronte to Lessing. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, – 1977. – 378 p.
4. Showalter E. A Jury Of Her Peers, American Women Writers from Anne Bradstreet to Annie Proulx [Electronic Resource] / Published by Hachette digital – 2009. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=d25nogxSPoC&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PP1>
5. Агеєва В. П. Філософія жіночого існування: вступ. ст. // Сімона де Бовуар Друга стать: у 2 т. – К.: Основи, – 1994. – Т. 1. – С. 5–21.
6. Барри Дж., Флиттерман-Льюис С. Текстуальные стратегии: политика художественного производства // Гендерная теория и искусство: антология: 1970–2000. – М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), – 2005. – С. 146–161.

7. Бовуар С. де Друга стаття: у 2 т. – К.: Основи, – 1994. – Т. 1. – 390 с.
8. Вулф В. Власний простір. – К.: Альтернативи, – 1999. – 112 с.
9. Вулф В. Жінки та розповідна література // Незалежний культурологічний часопис "І". – 2000. – № 17. – С. 78–86.
10. Зборовська Н. В. Український культурний канон: феміністична інтерпретація // Кур'єр Кривбасу. – 2000. – № 125–126. – С. 117–125.
11. Криворучко С. К. Літературна творчість Сімони де Бовуар: еволюція художніх образів: монографія. – К.: Вид. дім Дмитра Бураго, 2012. – 428 с.
12. Мой Т. Сексуальна / текстуальна політика. Феміністична літературна теорія. – М.: Прогресс-Традиція, – 2004. – 237 с.
13. Павличко С. Теорія літератури. – К.: Основи, – 2002. – С. 627–637.
14. Ровенська Т. А. Феміністична літературна критика і Торил Мой // Торил Мой Сексуальна / текстуальна політика. Феміністична літературна теорія. – М.: Прогресс-Традиція, – 2004. – С. 5–20.
15. Сартр Ж. П. Екзистенціалізм – це гуманізм // Сумерки богів. – М.: Політиздат, – 1989. – С. 319–344.
16. Хайдебранд Р. фон, Вінке С. Робота з літературним каноном: проблема гендерної диференціації при сприйнятті (рецепції) і оцінці літературного твору // Пол. Гендер. Культура. – Москва: Изд. центр Рос. гуманітарного ун-та, – 2009. – С. 156–211.

*Markova Olga Ivanovna,
Sumy State University
postgraduate student,
of the Faculty of Philology and Journalism
E-mail: b111zzz000111@gmail.com*

THE STRUCTURE OF PATRIOTISM CONCEPT ACCORDING TO THE RESULTS OF AN EXPLICATIVE (RECEPTIVE) EXPERIMENT

Abstract: The article presents the main results of the study of the structure of PATRIOTISM concept by constructing and describing its structural model based on the reactions obtained during the psycholinguistic experiment.

Keywords: concept, patriotism, structural model, explicative experiment.

*Маркова Ольга Ивановна,
Сумской государственный университет,
кафедра журналистики и филологии, аспирант
E-mail: b111zzz000111@gmail.com*

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА ПАТРИОТИЗМ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЛИКАТИВНОГО (РЕЦЕПТИВНОГО) ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация: В статье изложено основные результаты исследования структуры концепта ПАТРИОТИЗМ путем построения и описания его структурной модели на основе реакций, полученных в ходе психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: концепт, патриотизм, структурная модель, экспликативный эксперимент.

Психолингвистический подход в исследовании языкового сознания основывается на понятиях про ассоциации и ассоциативное значение слова. Фрумкина Р.М. определяет ассоциации как связь между определенными субъектами и явлениями, которые основываются на личностном, субъективном опыте. Опыт этот может совпадать с опытом культуры, к которой мы принадлежим, но он всегда есть личностным, укорененным в опыте конкретного человека [10, С. 74]. Анализируя ассоциации, мы обращаемся к неосознанному, глубинному пласту психики человека. Рецептивный эксперимент — это эксперимент на понимание, восприятие концепта, его субъективную дефиницию.

Цель статьи – изложить основные результаты исследования структуры концепта ПАТРИО-

ТИЗМ путем построения и описания его структурной модели на основе реакций, полученных в ходе психолингвистического эксперимента. Методика экспликативного (рецептивного) эксперимента с помощью субъектных дефиниций способна выявить ряд когнитивных классификаторов с целью актуализации образного, понятийного и аксиологического слоев исследуемого концепта.

Следует уточнить, что на характер ассоциаций человека влияет ряд факторов, а именно: географические условия, профессия, возраст и т. д. В нашем эксперименте брали участие студенты Сумского государственного университета разных факультетов. Средний возраст 18–22 года. Количество участников – 100 человек. Именно такой выбор респондентов обусловлен мнением

Воркачева С. Г., что нынешнее языковое сознание молодежи — это во многом завтрашнее национальное языковое сознание [1, С. 72].

Экспликативный (рецептивный) эксперимент благодаря своей направленности позволяет анализировать в сознании респондента признаки, связанные со всеми слоями концепта. Первый вопрос анкеты ориентирован на выявление ядра (информационное содержание), второй вопрос – выявление периферии (образное содержание). Выражение аксиологической ценности исследуемого концепта происходит в момент определения в ответах респондентов определенных групп номинативных единиц. Формулируя суждение о предмете или явлении, человек оценивает его, принимая при этом определенное решение относительно последующих действий и поступков, то есть оценка связана с прагматикой в широком смысле этой категории (как социально-исторической практикой человека). Изучение морально-этических ценностей расширяет возможности в познании этнопсихологических основ национального мировосприятия, закладывает фундамент той картины мира, которая выделяет национальное сообщество.

Предложенные респондентам вопросы:

1. Представьте, что вы встретили инопланетянина, которому нужно объяснить, что такое патриотизм. Что бы вы ему сказали?

2. Что (кто) вызывает у вас прилив патриотических чувств?

Ответы на первый вопрос обобщались с целью выявления идентификаторных когнитивных признаков, которые формируют ядро концепта ПАТРИОТИЗМ. По результатам анкетирования мы определили, что составляющей ядра концепта есть когнитивные признаки ЧУВСТВА (любовь, преданность, гордость). Полученные результаты совпадают с содержаниями понятия ПАТРИОТИЗМ, выявленными с помощью анализа словарных дефиниций: преданность чему-нибудь, любовь к чему-то [7, С. 97]. В сознании молодежи

и словарях концепт ПАТРИОТИЗМ актуализуется одинаково – чувство любви к родине, преданность, гордость.

Второй вопрос анкеты способствовал выявлению периферии (образного содержания) исследуемого концепта. В периферии заложена чувственно-образная информация, которая актуализируется только с помощью психолингвистического эксперимента, потому что является невербализованной составляющей. По мнению Жинкина Н. И., чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода [2, С. 26]. Образный слой концепта сформирован всеми наивными представлениями, закрепленными в языке, внутренними формами слов, стойкими языковыми картинками [8, С. 50]. Образный компонент – это соединение двух составляющих: перцептивного (зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые, нюховые) и когнитивного (метафорического) образов. Извлечь перцептивную составляющую возможно с помощью тех ассоциаций, которые возникают у респондента на услышанное слово-стимул. Среди полученных ответов преобладают зрительные (украинец, паспорт, вышиванка, верба, Майдан, флаг, калина, дом, тризуб, Карпатские горы) и вкусовые (борщ, вареники) образы. Присутствуют тактильные (сила, поддержка) и слуховые (гимн, песни, язык). Но большая часть образного компонента представлена когнитивной (метафорической) составляющей: спорт, новости, свобода, общество, уважение, нация, народ, самобытность, закон, победа, гражданство, будущее, переживания, вера – позитивная коннотация; предательство, лицемерие, подстава, смерть – негативная коннотация. По частотности более употребляемая ассоциация феномена ПАТРИОТИЗМ соединена с ключевыми понятиями Отечество, Родина.

Исследование языковой объективации ценностных компонентов концепта ПАТРИОТИЗМ позволяет выявить ценности и их сегменты, наиболее актуальные для молодежи, что поможет сформировать представление о будущей

ценностной картине, которая сейчас формируется в языковом сознании украинцев. Кубрякова Е. С. определяет аксиологический концепт как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отображенной в психике человека [5, С. 90]. Ценностная составляющая концепта очень важна, поскольку, по мнению Маслоу В. А., именно ценностный принцип заложен в основу культуры, а концепт, в свою очередь, служит ее исследованию [6, С. 42]. Ценности определяются как явления, взгляды, идеи, которые сформировались под влиянием социально-исторического развития общества, и которым отдается предпочтение из-за их возможности способствовать усовершенствованию личности и прогрессу общества [3, С. 53].

Концепт ПАТРИОТИЗМ наделен ценностной характеристикой, поскольку отображает социальную реальность, формируя прагматичную составляющую жизни субъекта. Склярова О. П. выделяет в составе концепта определенные сегменты – составляющие концепта, которые наполнены равноправными по степени абстрактности элементы, выделенные тематически [9, С. 255]. В проанализированных ответах респондентов были зафиксированы следующие сегменты ценностного компонента концепта ПАТРИОТИЗМ: социальные ценности (свобода мысли, единство, законность, свобода, честность, отсутствие коррупции, война), моральные ценности (любовь, преданность, вера, правда, уважение, смелость, сочувствие уважение, защита, дружба, надежда), эстетические ценности (песни, культура, искусство), экономические ценности (развитие государства), политические ценности (новости).

Как показывают результаты исследования, ассоциативно-образные параллели широкого диапазона охватывают основной спектр общечеловеческих ценностных характеристик. В основе концепта ПАТРИОТИЗМ заложена ориентация на лучшее, полезное для Родины. Но есть процент

ответов, где ассоциации проявляются вербализаторами негативной коннотации: предательство, продажная страна, смерть, революция, АТО, война. Кононенко В. И. отмечает, что основой идеи предательства была историческая правда, коварство, которое сопровождало весь страдальческий путь Украины, невозможность социально-политических сил подняться над уровнем внутренних противоречий и противодействий [4, С. 189]. Мы считаем, что в ответах респондентов понятие ПРЕДАТЕЛЬСТВО отмечается как выявление сильной эмоции — волнение за судьбу страны. Украинский патриотизм носит самоутвердительный, часто оборонительный характер. Судьба Украины и осознание себя ее частью – базовые основы концепта, которые уже заложены в сознании респондентов, и на которых постепенно формируется концептуальная картина мира. Также результаты исследования выявили определенное количество респондентов, в сознании которых закреплена ассоциативная цепочка: ПАТРИОТИЗМ – революция, война, смерть.

Как показывают результаты, экспликативный (рецептивный) эксперимент дает возможность наблюдать, какие компоненты языкового сознания находят свою реализацию в его языковой деятельности. Атрибуция к слову ПАТРИОТИЗМ выявляет не только его качества преимущественно абстрактно-обобщенной направленности, но прежде всего отношение личности к этому феномену. Ассоциативное наложение культурных коннотаций на основное (словарное) значение образовало многослойные взаимосвязи, обусловленные не только индивидуальным, но и национальным сознанием представителя этноса.

Анализируя результаты эксперимента, мы выделили составляющие структуры концепта ПАТРИОТИЗМ. Ядро исследуемого концепта (информационное содержание) – чувство любви к Родине, преданность и гордость. Периферия (образное содержание) представлена когнитивной (метафорической) составляющей: спорт, но-

ности, свобода, общество, уважение, нация, народ, самобытность, закон, победа, гражданство, будущее, волнение, вера, надежда – позитивная коннотация; предательство, лицемерие, подстава, смерть – негативная коннотация. Перцептивная составляющая актуализирована зрительными (украинец, паспорт, вышиванка, верба, Майдан, флаг, калина, дом, тризуб, Карпатские горы) и вкусовыми (борщ, вареники) образами. Присутствуют тактильные (сила, поддержка) и слу-

ховые (гимн, песни, язык). Ценностный компонент концепта представлен такими сегментами: социальные ценности (свобода мысли, единство, законность, свобода, честность, отсутствие коррупции, война), моральные ценности (любовь, преданность, вера, правда, уважение, смелость, сочувствие уважение, защита, дружба, надежда), эстетические ценности (песни, культура, искусство), экономические ценности (развитие государства), политические ценности (новости).

Список литературы:

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт – М.: Гнозис, – 2004. – 192 с.
2. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.
3. Казанов Х. М. Трансформация ценностных ориентаций в современном российском обществе: Дис. докт. философ. наук / Х. М. Казанов. – Нальчик: Изд. МГТИ, – 2002. – 277 с.
4. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу [монографія] / В. І. Кононенко. – К.; Івано-Франківськ, – 2004. – 248 с.
5. Кубрякова О. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / О. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина, – М.: Изд-во МГУ, – 1996. – 245 с.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск: Тетра Системс, – 2004. – 256 с.
7. Словник української мови: В 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наук. думка, 1975. – Т. VI. – 832 с. 3. ... К.: Nauk. dumka, – 1970–1980. – Т. VI. – 1975. – 832 с.
8. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, – 2000. – 128 с.
9. СклярOVA О. П. Концепт ПАТРІОТИЗМ у дискурсі Барака Обама / О. П. СклярOVA // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи. – 2008. – № 2. – С. 254–265.
10. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, – 1995. – С. 74–117.

Section 12. Philosophy

*Barash Lyubov` Aleksandrovna,
PhD, in Philosophy, Lecturer,
Peoples` Friendship University of Russia,
branch in Sochi
E-mail: Libar3017@mail.ru*

ARTISTIC TEXT IN POSTMODERN COMMUNICATION: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING

Abstract: The article is devoted to postmodern artistic communication. Its specificity is determined by the features of the postmodernist subject. The relationship between the artist and the viewer is examined on the basis of the concepts of representatives of French and Italian poststructuralism. Their basis – postmodern artistic text – appears as an expression of multiplicity, openness, polyphonic. The problem of understanding the postmodern artistic text is analyzed.

Keywords: artistic communication, artist, spectator, text, intersubjectivity, artistic language, polyglotism.

*Бараш Любовь Александровна,
кандидат философских наук,
преподаватель Российского университета
дружбы народов, филиал в г. Сочи
E-mail: Libar3017@mail.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена постмодернистской художественной коммуникации. Её специфика обусловлена особенностями постмодернистского субъекта. Взаимоотношения художника и зрителя рассматриваются на основе концепций представителей французского и итальянского постструктурализма. Их основа – постмодернистский художественный текст – предстаёт как выражение множественности, открытости, полифоничности. Анализируется проблема понимания постмодернистского художественного текста.

Ключевые слова: художественная коммуникация, художник, зритель, текст, интерсубъективность, художественный язык, полиглотизм.

Анализируя критическую философию И. Канта в работе «Эмпиризм и субъективность»,

Ж. Делёз обращает внимание на то, что вся кантианская теория рациональности строится

на основе и при условии согласия, гармонии способностей человеческого разума. Однако на самом деле вместо гармонии и согласия обнаруживается разлад, противостояние между этими способностями – внутренним и внешним чувством, воображением, рассудком и разумом. И в «Критике чистого разума», и в «Критике практического разума» описывается этот разлад. Однако возможность его преодоления раскрывается в «Критике способности суждения». Следуя кантовской логике, можно заключить, что согласие достигается в области эстетических интересов разума. Эта область – мир Прекрасного, Возвышенного, мир искусства, художественной коммуникации. Именно здесь конституируется *общее чувство*, то есть то, без чего невозможна коммуникация, где сосуществуют общие чувства – эстетическое, логическое, моральное.

Такая постмодернистская трактовка классического труда даёт ключ к пониманию многих вопросов, связанных с художественной коммуникацией. Прежде всего к пониманию субъекта, вступающего в коммуникацию на основе художественного произведения. Ведь именно во внутреннем мире субъекта происходит разлад способностей разума, и в то же время через чувственность в союзе с воображением осуществляется становление согласия. То есть разлад порождает согласие в сфере эстетического. В таком случае снимается вопрос о «смерти субъекта», ведь оказывается, что существует сфера, где возможно не только разрушение, но и становление, а стало быть, жизнь и развитие [2].

В этом смысле приобретают особое значение замечания теоретиков постмодернизма, касающиеся субъекта. «Я никогда не говорил, — поясняет Ж. Деррида, — что «субъекта письменности» не существует». Понятно, что он имеет в виду нового субъекта, более сложного. Ведь в постмодернистском пространстве «классического субъекта с его точечной простотой обнаружить не удаётся» [3, С. 108]. М. Фуко также отрица-

ет неправильно понятый его взгляд на субъекта: «Я не сказал, что автора не существует; я не говорил этого», и уточняет, что вовсе не сводит существование субъекта к функции, а анализирует функцию «автор», являющуюся одной из спецификаций субъекта [11, С. 7–46].

«Лингвистический поворот» в философии открыл возможность, отказавшись от классической философии субъекта, трактовать художественную коммуникацию в плане *интерсубъективности*. Можно с уверенностью говорить о том, что такие ключевые понятия постструктурализма, как множественность, децентрация, плюрализм, становление, *интертекстуальность*, являются общими или очень близкими по смыслу для теоретиков этого направления. Общим является прежде всего подход к коммуникативным процессам в искусстве с точки зрения текстуальности. Анализ этих явлений основан преимущественно на художественной литературе, однако вполне применим к другим видам искусства – музыке, театру, изобразительному искусству.

Текст в понимании французских постструктуралистов и прежде всего Р. Барта представляет собой нечто совершенно иное, чем произведение. И взаимоотношения адресата и адресанта, художника и зрителя различны в произведении и в тексте. Произведение представляет собой завершенный, законченный художественный объект. Авторское видение, авторская власть довлеют над читателем, зрителем. Произведение моноцентрично, монологично. В противоположность ему *Текст* в широком постструктуралистском смысле слова в отличие от текста произведения прежде всего незакончен, незавершен, не имеет ни начала, ни конца. Он открыт для бесконечного количества прочтений и интерпретаций, содержит в себе множество следов других текстов, множество кодов. Если текст художественного произведения представляет собой то, что «говорит» автор, то *Текст* в широком смысле содержит в себе то, что «сказалось» помимо авторской воли.

В этом различии произведения и текста содержится весьма важный для постструктуралистов момент: их неприятие тоталитарности, авторитаризма вообще и в художественной коммуникации, в частности. Произведение, несущее в себе авторскую волю, по мнению Р. Барта, принудительно, авторитарно. Оно захватывает читателя, зрителя, слушателя, подчиняя его авторскому воздействию, мировоззрению, идеологии, в то время как адресат художественной коммуникации в постструктуралистском понимании должен быть свободен от этого своего рода насилия и черпать из текста только собственные смыслы. Сам же текст, как считает Р. Барт, это множественность, «подвижная специфичность, оформляющаяся и складывающаяся из всей бесконечной совокупности текстов, языков и систем и возобновляющаяся в каждом новом тексте» [1, С. 31].

Об этом же говорит и Ю. Кристева. Ссылаясь на М. Бахтина, она отмечает, что «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встаёт понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению [4, С. 166]. Её транслингвистический подход позволяет понимать текст как функцию, связывающую многие высказывания [4, С. 97]. Более того, коммуникативный процесс (а в данном случае правомерно говорить о художественной коммуникации, поскольку у Ю. Кристевой речь идёт о литературном произведении), рассмотренный ею с семиотической точки зрения, предстаёт как процесс *производства* смысла, *производства текста* [4, С. 58–64].

Поскольку на основе текста, собственно, и развёртывается художественная коммуникация, особое значение приобретают понятия диалогизма, *полифоничности* [4, С. 171–172]. Эти понятия, почерпнутые у М. Бахтина, Ю. Кристева развивает применительно к современной литературе. Сравнивая диалогический роман предшествовавших

эпох с современным полифоническим романом, Ю. Кристева отмечает резкие отличия. Тот факт, что полифонический роман нашего времени становится «нечитабельным», она связывает с проблемой интертекстуальности (межтекстового диалога). И, таким образом, выходит на проблему понимания читателем многоуровневого, многозначного постмодернистского художественного произведения, то есть проблему возможности или невозможности осуществления коммуникации на его основе.

К проблеме интерпретации постмодернистского художественного произведения по-своему подходит У. Эко. Процессуальность, подвижность, многослойность и семиотическую неоднородность произведения он понимает как информацию в количественном измерении. «На основе количественной информации образуется более глубокий вид информации — информация эстетическая». В конечном итоге из множественности, присущей тексту, из многозначности сообщения рождается незавершённость, *открытость* постмодернистского художественного произведения. Вопрос в том, где существует тот предел, те границы открытости произведения, за которыми, возрастая, обогащённая информация становится «шумом», перестаёт содержательно восприниматься слушателем, зрителем [12, С. 192–193, 200, 206]. Но определение этого предела, считает У. Эко, задача не эстетики, а художественной критики.

Исключительно много в отношении понимания сущности, специфики художественного текста и коммуникации на его основе дают труды Ю. Лотмана [5; 6]. Взаимодействует с адресатом, по его мнению, именно текст, которому придаётся статус субъекта, способного к самостоятельному поведению, черты интеллектуальной личности, более того, черты *модели* культуры: «Общение человека с текстом — это общение с другой автономной личностью» [7, С. 89].

Каковы же, по мнению Ю. Лотмана, причины восприятия сложного, неоднозначного художе-

ственного текста как «шума»? Это можно понять из его сравнения модели в науке и в искусстве. Во вторичной моделирующей системе, каковой является искусство, модель не поддаётся такому однозначному логическому истолкованию, как в науке. В ней существует гораздо большая диффузность различительных признаков, благодаря которой возможен более широкий круг умственных экспериментов и более широкие возможности непредвиденных открытий [8, С. 48–53]. Следуя логике Ю. Лотмана и принимая во внимание, что в постмодернистской художественной практике *диффузность* достигает предельной степени, можно заключить, что именно этот фактор и делает, как говорит Ю. Кристева, «нечитабельным» произведение. К этому можно лишь добавить: «нечитабельным» в том случае, если превышен предел, о котором говорит У. Эко.

Кроме того, работы Ю. Лотмана дают основание видеть ещё одну причину возможности или невозможности осуществления постмодернистской художественной коммуникации. Это последствия введения внешнего текста в имманентный мир данного текста. В этом случае изменениям подвергается и вводимый текст, и тот, в который он вводится. Изменяется вся семиотическая система первоначального текста, она приходит в состояние непредсказуемости, возбуждения: ведь в «материнский» текст введены чуждые коды. В общей сложности текст становится гораздо более сложным, составляющие его субтексты вступают во взаимодействие, трансформируются по чуждым для них законам и образуют новые значения. То есть мы имеем дело с картиной интертекстуальности, описываемой Ю. Кристевой. По мысли Ю. Лотмана, в этом случае текст выходит из состояния семиотического равновесия

[9, С. 66–68]. Это и даёт ему неограниченные возможности саморазвития. Однако такая семиотическая многоуровневость, добавим мы, за гранью определённого предела может отрицательно сказываться на художественной коммуникации.

С семиотической точки зрения понимание художественного текста — это владение художественным языком данного вида искусства, определённого стиля эпохи, индивидуального стиля автора. В этом плане интересно рассмотреть текстуальную специфику постмодернистской художественной коммуникации. Ю. Лотман сравнивает архаические тексты с новыми произведениями искусства, под которыми можно подразумевать постмодернистские. Архаический текст — манифестация *одного* языка, он гомоструктурен и гомогенен. И процесс понимания здесь — это реконструкция кодов и дешифровка текста с помощью этих кодов. В постмодернистском искусстве аудитория должна понять *новый*, неизвестный, уникальный язык художественного произведения. Зритель, читатель, слушатель, во-первых, должен как бы сконструировать язык для понимания текста. Во-вторых, он может читать текст в системах нескольких грамматик. И текст этот будет гетерогенным и гетероструктурным. Это будет не реконструкция, а генерация смысла. В данной особенности постмодернистских художественных текстов проявляется их *полиглоти́зм*, ибо чаще всего там присутствует не просто один новый язык, а целая система субъязыков [10, С. 80–82]. Ориентироваться в этой сложной многоязычной системе — задача зрителя-полиглота. При непонимании новых художественных языков коммуникация неосуществима.

Список литературы:

1. Барт Р.С. / Z / пер. с франц. Г. К. Косиков и В. П. Мурат. – М.: Эдиториал УРСС, – 2001. – 232 с.
2. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с франц. Я. И. Свирского. – М.: ПЕР СЭ, – 2001. – 480 с.

3. Деррида Ж. Позиции / пер. с франц. В. В. Бибихина – М.: Академический Проект, – 2007. – 160 с.
4. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. Г. К. Косиков, Б. П. Нарумов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), – 2004. – 656 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб., – 1998. – 285 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера (Культура и Взрыв, Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки), СПб.: Искусство – СПб., – 2000. – 704 с.
7. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический Проект, – 2002. – 544 с.
8. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, – 1994. – 560 с.
9. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический Проект, – 2002. – 544 с.
10. Лотман Ю. М. К современному понятию текста // Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический Проект, – 2002. – 544 с.
11. Фуко М. Что такое автор? / пер. с франц. С. Табачниковой // Фуко М. Воля к истине. – М.: Ка-
сталь, – 1996. – 448 с.
12. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике / пер.
с итал. А. Шурбелева. – СПб.: Академический Проект, – 2004. – 384 с.

*Nesprava Nikolay Viktorovich,
Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs,
Associate Professor, Department of Social Sciences
E-mail: n.nesprava@gmail.com*

MAIN FEATURES OF RELIGIOUS TERRORISM

Abstract: The study argues that there are four characteristic features of religious terrorism. Extremely high degree of fanaticism of these terrorists is the first feature. Pan-territorial activity of religious terrorists is the second one. The third feature expresses that religious terrorism activity is caused by the pathological psychological problems of those terrorists. Religious terrorists' claim to the legitimacy of the violent acts is the fourth feature.

Keywords: terrorism, religious studies, fanaticism, religion, jihadism.

*Несправа Николай Викторович,
Днепропетровский государственный университет внутренних дел,
доцент, кафедра социальных дисциплин
E-mail: n.nesprava@gmail.com*

Специфика религиозного терроризма

Аннотация: В ходе исследования были установлены четыре характерные черты религиозного терроризма. Во-первых, это чрезвычайно высокая степень фанатизма данных террористов; во-вторых, пантерриториальный характер их деятельности; в-третьих, патологический характер психологических процессов, которые привели религиозных террористов к их деятельности; в-четвёртых, это претензия религиозных террористов на легитимность совершаемых ими актов насилия.

Ключевые слова: терроризм, религиоведение, фанатизм, религия, джихадизм.

Из-за небывалого размаха террористической деятельности в начале XXI века, некоторые авторы называют наше время «эпохой терроризма» [3, С. 1]. Одной из причин, которые вывели террористическую деятельность на новый уровень, является усиление религиозного фактора. Как отмечают исследователи, религиозные убеждения существенно «увеличивают число сторонников террористических организаций и сочувствующих» [3, С. 4]. Изучение религиозно мотивированного терроризма является актуальной научной задачей, решение которой является продуктивным не только в академическом, но и в практическом плане, помогая понять возможности борьбы с террористической деятельностью.

Среди авторов, которые занимаются вопросами осмысления религиозно мотивированного терроризма следует прежде всего назвать таких исследователей, как Дж. Ганнинг [4], Дж. Джонс [5], С. Н. Ениколопов [1], Дж. Майер [6], О. А. Мирнова [2], Г. В. Новикова [3], Д. Перлмуттер [7], М. Седвиг [7], Р. Стейн [10], А. Шблей [8]. Эти авторы провели глубокие и основательные исследования отдельных аспектов религиозного терроризма, мы же в своей статье хотим рассмотреть данный феномен во всей его полноте, обобщив существующие данные.

Цель нашего исследования – экспликация основных черт религиозно мотивированного терроризма. Для достижения данной цели мы

используем такие методы, как анализ и феноменологию.

Приступая к изложению основного материала нашего исследования, отметим, что в академической среде стали широко говорить о религиозном терроризме с конца 1990-х годов, когда стало понятно, что эта разновидность террористической деятельности выходит на доминирующие позиции в статистических данных относительно терактов [2]. Учёные отметили, что религиозно мотивированные теракты имеют свою специфику и стали заниматься изучением данной темы.

В частности, исследователи отметили, что религиозно мотивированные террористы «не проявляют заинтересованности в проведении переговоров с властью, не рассчитывают на удовлетворение материальных претензий» [2]. Мотивация, которая уходит своими корнями в религиозную сферу, придаёт террористам особую непреклонность и нежелание идти на компромиссы.

Ещё одной важной чертой религиозного терроризма является то, что целями нападения религиозно мотивированных террористов может стать люди и объекты по всему миру — ведь в болезненном представлении этих террористов врагами являются все, кто не придерживается их взглядов. Пантерриториальность религиозного терроризма привела к тому, что, например, джихадистские теракты совершаются за тысячи километров от стран, где мусульманство является доминирующей религией.

Деятельность террористов построена на отрицании. Это не созидательная роль, а разрушительная [5]. Психологи используют относительно террористов термин «отрицательная идентичность», имея в виду, что весь смысл жизни и поступков террориста сводится к отрицанию. Они не создают, они только разрушают. «Высокие цели», о которых говорят религиозно мотивированные террористы, служат лишь оправданием деструктивной направленности их личностей. Не религия толкает их на преступления. Они хо-

тят совершать преступления и подбирают подходящие для оправдания этих своих наклонностей религиозные взгляды. Если обратить внимание на религиозные убеждения террористов, можно увидеть, что это вырванные из контекста, искривлённые, примитивные представления, которые идут в разрез с традиционными толкованиями той религии, к представителям которой террористы себя причисляют. Такого рода искажение религии создаёт у террориста иллюзию, что он вправе совершать свои вредоносные поступки, что они — не преступление, а правосудие.

Исследователи отмечают, что уверенность террористов в том, что они свершают благое дело, основывается на таких психологических механизмах, как экстернализация и диссоциация, которые свойственны лицам с нарциссическими и пограничными личностными расстройствами: «Их «Я-концепция» не смогла интегрировать «хорошие» и «плохие» части «Я», которые вместо этого раздроблены на «Я» и «Не Я». Такие индивидуумы нуждаются во внешнем враге, виноватом в их собственной неадекватности» [1, С. 30].

По данным С. Ениклопова, среди террористов часто можно наблюдать людей, которые неспособны к формированию значащих межперсональных отношений, их «внешний мир» характеризуется лишь тремя категориями людей: «идеализированные герои террориста», «враги террориста» и «ничего не значащие фигуры» [1, С. 31]. Такое чёрно-белое восприятие мира делает возможным деятельность террориста. Его фанатизм — следствие узости ума, ограниченности способностей к формированию широких взглядов, неспособность обладать сознанием, которое открыто для восприятия сложной, не одномерной информации.

Особенностью религиозного терроризма является то, что он претендует на статус легитимного насилия. Как известно, в современном мире монополией на легитимное насилие обладает лишь государство, в силу наличия соответствующих законов, специальной правовой системы, контроля

со стороны народа и политических лидеров. Все остальные источники насилия находятся вне закона и легитимации. Однако, религиозный терроризм пытается черпать свою легитимацию в том, что является более древним и фундаментальным, чем законы человеческие — в законах божественных. Террористы, совершающие свои преступления в силу тех или иных религиозных представлений, полагают, что они имеют право на насилие.

В секулярных странах Европы, где население в последний век забыло о трансцендентном, появление религиозных террористов стало непостижимым для местного населения феноменом. Однако, для тех выходцев из мусульманских стран, которые совершают сейчас в Европе религиозно мотивированные теракты, религиозные нормы являются важнее законов мирских. Другое дело, что эти террористы трактуют религиозные нормы абсолютно неправильно — их религиозные представления полны ненависти, фанатизма и жестокости. Как бы то ни было, религиозно мотивированные террористы считают себя вправе убивать, ведь, по их убеждениям, человеческие законы, которые однозначно запрещают их действия — не имеют значения по сравнению с теми высшими законами, служителями которых они себя объявили.

Религиозно мотивированный терроризм коренится в неправильной, болезненной трактовке религиозных норм. Эти террористы видят того, кому они служат, жестоким деспотом, которому приятно принимать в жертву убитых в его имя представителей других религий. По сути, это языческие представления, которые не имеют никакого отношения к монотеизму, который учит

о справедливом Боге, являющимся олицетворением добра и истины.

Вследствие притязаний на легитимацию своих действий, религиозно мотивированный терроризм является не только искривлением религии, не только преступлением против светских законов, но также и тем, что направлено на подрыв государственных устоев. Террористы присвоили себе право решать, кому жить, а кому нет, они выносят и воплощают в жизнь смертные приговоры. В том числе в европейских странах, где даже государство отказалось от такой меры наказания, как смертная казнь. Террористы претендуют на роли палача, суда и законодателя над всеми народами. Бессилие современных государств решить эту проблему показывает опасность феномена терроризма — он подрывает сами основы государственности.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам. В современном терроризме как явлении происходит наращивание компоненты, которая черпает свою мотивацию в религиозной сфере. Мы выделили четыре основные черты религиозного терроризма.

Во-первых, это особая непреклонность и нежелание идти на компромиссы.

Во-вторых, это пантерриториальный характер деятельности религиозного терроризма.

В-третьих, религиозные убеждения служат террористам не целью, а средством удовлетворения их деструктивных наклонностей.

В-четвёртых, религиозный терроризм претендует на статус легитимного насилия, подрывая основы государственности современных стран.

Список литературы:

1. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. — 2006. — №. 1. — С. 28–32.
2. Миронова О. А. Религиозный и этнорелигиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. — 2015. — Новикова Г. В. Сильная стратегия слабых Террор в конце XX века // Полис. Политические исследования. — 2000. — №. 1. — С. 169–172.

3. Gunning J., Jackson R. What's so 'religious' about 'religious terrorism'? // *Critical Studies on Terrorism*. – 2011. – T. 4. – No. 3. – C. 369–388.
4. Jones J.W. Why does religion turn violent?: A psychoanalytic exploration of religious terrorism // *The Psychoanalytic Review*. – 2006. – T. 93. – No. 2. – C. 167–190.
5. Mayer J.F. Cults, violence and religious terrorism: an international perspective // *Studies in Conflict and Terrorism*. – 2001. – T. 24. – No. 5. – C. 361–376.
6. Perlmutter D. Investigating religious terrorism and ritualistic crimes. – CRC Press, – 2003.
7. Schbley A. Defining religious terrorism: A causal and anthological profile // *Studies in Conflict and Terrorism*. – 2003. – T. 26. – No. 2. – C. 105–134.
8. Sedgwick M. Al-Qaeda and the nature of religious terrorism // *Terrorism and Political Violence*. – 2004. – T. 16. – No. 4. – C. 795–814.
9. Stein R. For love of the father: A psychoanalytic study of religious terrorism. – Stanford University Press, – 2010.

*Shatalova Yaroslavna Oleksandrivna,
post-graduate student of the J.B. Shad Department
of Theoretical and Practical Philosophy
School of Philosophy
V.N. Karazin Kharkiv National University
E-mail: yaroslavna.shatalova@gmail.com*

CORPORATOCRACY CONCEPT IN THE SCOPE OF A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract: This article studies the concept of corporatocracy as a new form of power. Based on socio-philosophical analysis, it was defined the impact of corporatocracy on economy, politics and the social sphere of societies that are not advanced in economic and political terms.

Keywords: corporatocracy; corporations; globalization; neoliberalism; plutocratic system; (quasi)state; market actors; transnational corporations.

The permanent crisis issue is nowadays one of the most critical and common features. Social changes manifest themselves in destruction of the traditional forms of civic order, transformation of a social structure, value and normative as well as management systems.

Globalization has caused global transformations in the world. Globalization is a transformation that affects the entire community by bringing forward the imperative restructuring requirement. It is multi-structural in synchronous and diachronic terms, and is composed of a multitude of processes with such complex and sophisticated interconnections enough to render it impossible to identify them as that pertaining to one through-composed unidirectional process. U. Beck in his works considers globalization as the fundamental social re-ordering taking place as a result of modernity conflict with its indirect consequences, specifically – global perspective of experience.

Globalization is not only advanced technologies and scopes of trade and economic relations, but also policy. The relations between the global and national economies implicate the meta-power game (a fight for power) that changes and rearranges the balance and rules of power of national and international state

system. Globalization is brought into play by power players in contempt of the interests of poor people. It means that neoliberalism affects significantly the modern processes.

Neoliberalism is a dominating type of rationality, a method of management and package of political programmes [1]. In contrast to classical liberalism, neoliberalism distinguishes market efficiency on providing the meaning of ethic and cultural values in economy. Neoliberalism serves as an economic strategy, mode of management and rationality order. W. Brown refers neoliberalism to a phenomenon that is global on the one hand, and unstable, differentiated, non-systematic and non-homogenous on the other hand [2].

Neoliberalism construes all the spheres of activity and social binds in market terms. According to A. Greenspan, “thanks to globalization... the world is governed by market forces” [3], and not by the appointed representatives. It may be affirmed that humanity turns into market players; any sphere of activity is considered as a market, and entity (public or private) is managed as a firm. However, as pointed out by D. Korten, nowadays the governments of sovereign states play the part of patsies controlled by the superpowered monetary corporations [4]. It means

that the tendencies to corporatocracy pick up in the democratic systems.

Corporatocracy is a political project created by corporations and composed of a union of governments, banks and corporations. This political system predefines the conflict between the management system and fundamental objectives of the society [5]. Corporations appear to be a key element of modernity as these are them that form civic society, control the global economy and governments. National states are transformed into a target object for corporations — the states privatization by corporations may be affirmed.

Corporatocracy provides for plutocratic order, i. e. the process of management resolves to management for the convenience of reach people that leads to prosperity of a small group of people and impoverishment of the majority [5]. In the context of corporatocracy, economy governs policy. Countries and individuals turn into the projects of not control, but management; all social matters are included into the capital stabilization project and, as a cause, are transformed drastically in terms of the degree of economization [2]. In the opinion of D. Harvey, corporatocracy maintains integrity of a financial system and paying capacity of financial institutes, and it's not interested in the state of population's or environmental development.

In the context of corporatocracy, all spheres of activities are converted into market ones, and people are meant to become market players. It means that all market players act as small capital assets and not the owners, employees or consumers. A person is considered as human capital asset to track constantly its current and future cost: organize one's life as that of an enterprise and consider every social interaction as a contract. It's not important in what activities exactly a person is engaged and, the key point, the permanent objective of human capital asset shall be to convert own efforts into the enterprise, and increase its rating.

Corporatocracy takes the shape of governing rationality that spreads its own specifically stated

economic values, practices and metrics for every dimension of a human's life. Consequently, the modern community's values get transformed through the market prism and acquire the nature of market values.

All relationships are built under the economic exchange laws. On the one hand, people get commodified, i. e. they transform their activity into the monetary value, and this activity actually becomes a commodity purchased and sold at the market. On the other hand, people get commercialized, they are permanently focused on identification of income by any means. Yearning material prosperity at whatever the cost, humanity loses its supreme values (health, life and so on) and spiritual values.

“In reality money governs everything” [6], and a person transforms from homo sapiens to homo economicus [2]. Corporatocracy is not the “end of policy”, but rather the beginning of a new world economic policy.

From the researchers' standpoint, the existing statement as to the power residing in the state, has ceased to be in force. In fact, national governments and public associations are only passive observers of the decision upholding process. Sh. Wolin, in his work “Democracy Incorporation: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism”, states that “politicians are elected by general voting, but they are controlled by the army of corporate lobbyists” [6]. This process can be called the economic loyalty of politicians – inspired by the corporatocratic hegemony, many politicians of various countries have been already acting in league with corporatocrats in line with the claim undermined by global economy long ago “what is good for the economy, that serves for creation of jobs and, eventually, the country” [7, C. 207].

The governmental officials on public service are willing to retain the proper relationships with business, as the period of them holding the power is rather limited. Having taken the governmental posts, governmental officials start acting not for the country, but with due account for interests of the companies

having promoted climbing to power. The majority of governmental officials come to governmental power from corporations, as politics and corporations are closely interconnected.

One of the peculiar features of corporatocracy is that it blurs the line between ownership and power systematically and ultimately. Equally, large corporations are striving to blur the lines between market and monopoly, politics and economy, state and civic society. In this regard, the transnational borders take on new significance; they are founded on the principles of trade barriers elimination and free floating capital provision. In fact, national governments and civic society are only passive observers of the decision upholding process, and large corporations are controlling almost the entire social dimension on forming the like-mindedness.

In the setting of corporatocracy, the state remains the only functional institute capable of addressing new global problems adequately. Nevertheless, as pointed out by F. Fukuyama, “the state power is determined not by external resources, but an ability to establish external relations” [8, C. 8–18] that causes the role of informal relationships to consolidate.

The largest global corporations are oriented towards acquisition of “gross income” [4] only, they are interested only in collection of the entire capital of weak countries. In light of this, a chain of financial crises extends in the developing countries thus causing unemployment, inequality and poverty that, in turn, give rise to various social and economic conflicts, issues and risks. Aiming to survive under the increasing pressure from corporations, the country starts playing by their rules and in this way fails to preserve its investment climate, and the entire capital and savings are exported by large corporations in the economically developed countries.

A concept of corporatocracy is closely associated with the identification of transnational corporations. Capital export and its effective placement is a basis of global governance of transnational corporations (TNC). The leading part in the process of increasing

transnational corporations’ influence on the countries with transition economies has been played by the International Monetary Fund (IMF) and World Bank (WB). Exactly these three types of global corporations form a basis of corporatocracy, as they transform national states to plain instruments for capital flow and production-consumption cycle.

Global corporations do not only influence on world events, but assume the functions formerly exercised only by the national state. Nowadays, these are exactly corporations that are one of the key factors guiding the competitive ability of the countries of their origin and influencing on the competitive ability of host countries. These corporations have precedence over the strong economic countries by such economic indicators as income, commodity circulation, number of personnel [9]. They are richer than other states, have own armies and can not only influence on governmental decisions, but sometimes overthrow them. Thus, corporatocracy, as a new form of power, enables to seize the global economy by non-military means, and the key to power is not the military power, but one or another state position at the global market.

The corporatocracy logic lies in whether to pressurize states within local competition or tame competition at the global market by creating cooperation borders, but, the most important, to discover the new sources of legitimization. This is achieved by two controversial strategies: through the economic self-transformation of politics, as well as de-statization of the authority to create new rules and legal instruments, serving as agreement guarantors and enabling to settle conflicts. This is the fundamental deceitful strategy combining the empowering and disempowering as well as state delegitimization and capital self-legitimization.

The corporatocracy authority relativates or shifts the socially legitimized authority not only because it’s more effective, but because in this way the empowered economic players discover the way for legitimization of their particular interests on ignoring

the requirements of imputability, neither assuming the responsibility to civic society, nor gaining the approval in a democratic manner, nor participating in legitimization of this obstacle racing which is peculiar for the authority of constitutional and law-governed state.

The corporatocracy monopoly changes the global political structure of power: in general, states lose their importance, and the economy-state relations are replaced with the economy-economy relations. In this regard, the states become dependent not on other states as much as on the world global corporations. The governments remain theoretically responsible for the state governance, but, in fact, the decision is prepared and determined by corporatocracy based on the advantage in the form of competence and information. In this way, corporatocracy creates a global empire using the strategy of state privatization. Not only the politics that removes trade barriers and investment obstacles within national frame-

works gets privatized, but also a chance to build the legal regulatory structures that arrange major regional markets and extend them to the global market.

Consequently, it may be affirmed that corporatocracy is a (quasi)-state with no territory, having the power that influences on the territorial states from outside and creates a new political dimension. Corporatocracy is the completely non-political quasi-state, however, it conducts the non-politics with the help of which it limits the power of national communities and breaks them from inside. In this regard, a number of civic and political crises increases, the state power is ruined not by the power of other states, military threat or conquest, but deterritorially, extraterritorially due to the activities of global corporations. In this context, the freedom of action is excluded from the political participation or existential independence, and resolves to the market freedom deprived of regulation or any form of state limitations.

References:

1. Manfred B. Steger and Ravi K. Neoliberalism: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, – 2010. Access mode: URL: <http://cult320withallison.onmason.com/files/2014/12/Steger-Roy-Neoliberalism-a-very-short-introduction.pdf> (in English).
2. Brown W. Undoing the Democracy: Neoliberalism's Stealth Revolution. Access mode: URL: https://www.academia.edu/30911708/разрушая_демократию_ре-конституирование_государства_и_субъекта_неолиберализмом (in Russian)
3. Brown W. How Neoliberalism Threatens Democracy. Access mode: Electronic resource: URL: http://s357a.blogspot.com/2015/05/blog-post_13.html (in Russian).
4. Korten D. When Corporations Rule the World. St.Petersburg: "Vit-Print" Agency", – 2002. – 328 p. (in Russian).
5. Perkins J. The Secret History of the American Empire. Economic Hitman and Truth about Global Corruption. Alpina Business book, – 2008. – 445 p. (in Russian).
6. Wolin Sh. Democracy Incorporation: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism. Access mode: URL: <https://cont.ws/@andrina/362674> (in English).
7. Beck U. Power and its Enemies in the Global Age. New World Political Economy. – M.: Progress-Traditsiya, Publishing House "Territoriya Buduschego", – 2007. – 464 p. (in Russian).
8. Fukuyama F. State Building Governance and World Order in the 21st Century. – M.: AST: AST Moscow: Khranitel, – 2006. – 220 p. (in Russian).

9. Daskovskiy V.B., Kiselev V.B. About the crisis of process reproduction of capital assets and economic activity in the Russia economy. Investment in Russia. — M.: Obschestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “IvR im. Vcherashnego”, — 2012. — P. 42–56 (in Russian).
10. Veber A. B. Neoliberal globalization and its opponents. Access mode: URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/31/1251414714/2.pdf> (in Russian).

Section 13. Economics

*Boyuk Nikolay Ivanovich,
Master der öffentlichen Verwaltung,
Direktor des Zentrums für Umschulung und Weiterbildung von
Angestellten der staatlichen und lokalen Machtinstitutionen,
staatlichen Unternehmen, Institutionen und Organisationen, Khmelnytskyi
E-mail: cpk-metod@univer.km.ua*

THEORETISCHE GRUNDLAGEN UND PRINZIPIEN DES HUMANITÄREN BESTANDTEILS DER STAATSSICHERHEITSPOLITIK

Abstrakt: In dieser wissenschaftlichen Forschung werden internationale und heimatliche wissenschaftliche Ansichten, Interpretationen der theoretischen Grundlagen auf dem Gebiet der humanitären Politik der nationalen Sicherheit charakterisiert. Hervorgehoben sind die Grundprinzipien für die Umsetzung des humanitären Bestandteils der Staatssicherheitspolitik. Große Aufmerksamkeit wird auf neue Begriffe: regionale humanitäre Sicherheit, regionale Bedrohungen, regionale Prinzipien im humanitären Bereich gelenkt.

Schlüsselwörter: nationale Sicherheitspolitik; humanitäre Sicherheit, regionale Sicherheitspolitik im humanitären Bereich; Prinzipien der humanitären Politik.

Die Ukraine, wie auch andere Länder der Welt, befindet sich im geopolitischen Raum, in dem innerstaatliche, wissenschaftliche, ethnische, religiöse und andere Widersprüche vorkommen. Außerdem erscheint zwischenstaatliches Streben nach Änderungen, Revisionen der existierenden Grenzen, Neuverteilung der Einflussbereiche, wodurch verschiedene Konflikte verursacht werden können.

Es lässt sich daher annehmen, dass solche ehrgeizigen Ziele in den kommenden Jahrzehnten in ganzer Weltgemeinschaft zur Erscheinung kommen. Besonders heute, unter schwierigen Bedingungen, gehört die Gewährleistung der nationalen Sicherheit der Ukraine zu den Hauptaufgaben der Behörden und der Zivilgesellschaft. Im Großen und Ganzen sind von besonderer Bedeutung die Notwendigkeit der Revisionen und der Neugestaltung der etablierten konzeptionellen und theoretischen Grundlagen

der nationalen Sicherheit der Ukraine und besonders des Inhalts des humanitären Bestandteils der Staatssicherheit. Eine große Rolle in diesem Zusammenhang spielt die Verstärkung der Souveränität und Unabhängigkeit des ukrainischen Staates.

Die Definition „nationale Sicherheit“ wurde in den einschlägigen historischen philosophischen und politischen Studien, Wissenschaftsansichten beschrieben, die sich voneinander durch kognitive Traditionen der einzelnen Länder, durch ihre sozialpolitischen, sozioökonomischen Entwicklungsmerkmale und Besonderheiten des internationalen Umgebungszustandes unterscheiden.

In der Antike wurde der Begriff „Sicherheit“ als die Gefahrabwesenheit für eine Person interpretiert. Der Philosoph Cicero betrachtete für die Bewohner des alten Roms die Bedeutung der Sicherheit als „Schutz des eigenen Lebens“. Die Gesellschaft und Denker

des Mittelalters verstanden unter der Sicherheit „Zustand des menschlichen Geistes“. Das Verständnis und die Verwendung des Begriffs „Sicherheit“ im siebzehnten und achtzehnten Jahrhundert weiteten sich stark aus. Von den Philosophen T. Hobbes, J. Locke, J.-J. Rousseau, B. Spinoza wurden die ersten Zusammenstellungen, Systematisierungen, wissenschaftliche Fundierungen der theoretischen Ansichten über die Bedeutung von „Sicherheit“ dargestellt. Und erst ab dem neunzehnten Jahrhundert wurde der Sicherheitstand als eine wissenschaftliche Kategorie angesehen. Die Sicherheit des Einzelnen, der Gesellschaft und des Staates wurden zu Bestandteilen des wissenschaftlichen Begriffs der „Sicherheit“. Die Behandlung von „Sicherheit“ im frühen zwanzigsten Jahrhundert entwickelte sich zum Begriff der „nationalen Sicherheit“.

Im Jahr 1947, nach der Annahme des Gesetzes über nationale Sicherheit in den USA, bekam der Begriff „nationale Sicherheit“ ein neues Merkmal und zwar die Fähigkeit des Staates, seine Souveränität und territoriale Integrität zu gewährleisten; politische und wirtschaftliche Beziehungen mit anderen Ländern aufrechtzuhalten und zu entwickeln; Gesellschafts- und Verwaltungsinstitutionen vor negativen äußeren Einflüssen zu schützen.

In der modernen Wissenschaft wurden verschiedene Interpretationen, Merkmale von Grundbegriffen und Kategorien der Theorie der nationalen Sicherheit formuliert. In dieser wissenschaftlichen Studie werden folgende erwähnt: „nationale Sicherheit“, „regionale Sicherheit“, „nationale Sicherheitspolitik“, „Bedrohung“, „nationale Sicherheitspolitik im humanitären Bereich“, „Strategie der nationalen Sicherheit“, „die Lehre von der Sicherheit im humanitären Bereich.“

In Studien von E. I. Skakunova, N. O. Ushakov, G. Brown wird „die nationale Sicherheit“ als die Unverletzlichkeit der Staatsfläche, der Schutz der staatlichen Institutionen und des Verwaltungssystems interpretiert [1, S. 27].

Die moderne Darbietung des Begriffs „nationale Sicherheit“ ist in den Forschungen von V. P. Gor-

bulina, A. B. Kachinsky, O. V. Litwinenko vertreten [2, S. 17, 3, S. 6]. Diese Forscher betrachten die nationale Sicherheit als ein komplexes Multi-Level-System, als die Tätigkeit der staatlichen und nicht staatlichen Institutionen beim Überwinden der Bedrohungen und Herausforderungen nicht nur im militärischen, politischen, sondern auch im sozialen, humanitären Bereich, als ein System, in dem ständige Interaktion und Interdependenz bei der Befriedigung der lebenswichtigen Interessen der Person, der Gesellschaft und des Staates vorhanden sind.

Ein anderer Forscher der Sicherheitswissenschaft der Ukraine V. A. Lipkan behauptet, dass „nationale Sicherheitspolitik als die Tätigkeit der staatlichen Organe, der gesellschaftlichen Organisationen und Verbände darauf gerichtet sei, Bedrohungen und Gefahren für die nationalen Interessen und Werte zu entdecken, zu bewältigen und zu vermeiden, Strategieaufgaben der Nationalsicherheit zu bestimmen, ihr System, Kräfte und Mittel zu verbessern. [4, S. 108].

L. Chupriy ist jedoch der Ansicht, dass „die nationale Sicherheit“ ein Schutzzustand der lebenswichtigen Interessen und Werte von Menschen und Bürgern, Gesellschaft und Staat sei, der zu der nachhaltigen Entwicklung, Frühfeststellung, Verhütung und Beseitigung von realen und potentiellen Bedrohungen den nationalen Interessen diene [5, p. 19]. Es sei darauf hingewiesen, dass eine solche Bedeutung der Definition von der „nationalen Sicherheit“ in dem Gesetz der Ukraine „Über die nationale Sicherheit der Ukraine“ zur Verfügung steht [6].

Das genannte Gesetz definiert neun Bereiche der nationalen Sicherheit, in denen nach der Meinung der ukrainischen Gesetzgeber die Bedrohung für nationale Interessen auftritt: außenpolitischer Bereich; Bereich der Staatssicherheit; militärischer Bereich; Wirtschaftsbereich; sozialer Bereich; humanitärer Bereich; wissenschaftlicher und technologischer Bereich; ökologischer Bereich; Informationsbereich.

Einige Bestandteile der nationalen Sicherheit beeinflussen sich gegenseitig, sind miteinander verknüpft und stehen unter dem Einfluss interner und

externer Faktoren. Einer der wichtigsten Hauptbestandteile der nationalen Sicherheit ist heute die Sicherheitspolitik im humanitären Bereich.

Zu den Prioritäten der nationalen Sicherheitspolitik im humanitären Bereich unter Bedingungen der Herausbildung eines demokratischen, sozialen, rechtlichen ukrainischen Staates, angesichts des Souveränitäts- und Unabhängigkeitsschutzes gehören die Verbesserung des staatlichen Unterstützungsmechanismus, weite Verbreitung der Nationalkultur, die Pflege und Aktualisierung des nationalhistorischen Gedächtnisses und des Nationalkulturerbes, Umsetzung nationaler Interessen und Schutz der Nationalwerte.

Die humanitäre Sicherheit als ein Bestandteil der nationalen Sicherheit der Ukraine wurde früher und wird heute in zahlreichen Institutionen geforscht, unter denen folgende genannt werden können: Nationales Institut für Strategieforschungen, Nationales Institut für Internationale Sicherheitsprobleme, Nationale Akademie für Öffentliche Verwaltung beim Präsidenten der Ukraine, das Institut für Probleme der Nationalsicherheit.

Die humanitäre Politik in allen Ländern der Welt ist auf den Schutz des kulturellen Erbes ausgerichtet. Seit der Unabhängigkeit der Ukraine wurden große Veränderungen im humanitären Bereich vorgenommen, betont der Wissenschaftler S. Zdioruk und zwar: das Massenbewusstsein sei desorientiert gewesen, in der Gesellschaft seien Merkantilismus, Gewalt, radikale Stimmung und Apathie gestiegen [7, S. 12]. Angesichts der Zeitanforderungen ist es ziemlich notwendig, die Bestimmung des Wesens des humanitären Bereichs, des Inhalts der nationalen Sicherheit in der humanitären Politik zu erneuern.

Eine komplexere konzeptionelle Grundlage der humanitären Politik der ukrainischen Staatssicherheit wurde von den Forschern C. Pyrozhenko, S. Zubchenko, L. Churprijem behandelt.

Insbesondere stellt V. Pyrozhenko fest, dass der humanitäre Bestandteil der nationalen Sicherheit ein Grad des Schutzes von lebenswichtigen sozialen und politischen Themen sei, die durch ihre spezifi-

schen ideologischen Wertorientierungen bestimmt würden. Und die oberste Priorität für nationale Sicherheit im humanitären Bereich ist seiner Meinung nach die Herausbildung bei der Bevölkerung und den gesellschaftlichen Subjekten solcher Wertorientierungen, die in erster Linie eine nachhaltige Motivation für die Unterstützung der nationalen Identität schaffen würden [8].

Aufgrund des systematischen Ansatzes hat S. Zubtschenko seine Definition von „humanitärer Sicherheit“ und „humanitärer Sicherheitspolitik“ vorgeschlagen. Es wurde festgelegt, dass die Politik der humanitären Sicherheit ein integraler Bestandteil der nationalen Sicherheitspolitik sei. Der Forscher behauptet, dass das Wesen der Politik der humanitären Sicherheit in der staatlichen Systemumsetzung der Rechts-, Organisations-, Informations-, Steuer-, Finanz- und anderen Maßnahmen liege, die zum Schutz der lebenswichtigen Interessen der Menschen und Bürger, zu den strategischen Interessen der Gesellschaft und des Staates, durch die Frühfeststellung, Verhütung und Beseitigung von Bedrohungen im humanitären Bereich der nationalen Sicherheit dienen würden.

Die konzeptionelle Grundlage der nationalen Sicherheitspolitik im humanitären Bereich gründlich forschend, betrachtet L. Churprij sie als einen wesentlichen Bestandteil der nationalen Sicherheit und bietet sie in den Rahmen von institutionellen und funktionalen Aspekten zu charakterisieren. Im ersten Fall (Aspekt) widerspiegeln die nationale Sicherheitspolitik im humanitären Bereich die Tätigkeit der Subjekte von der nationalen Sicherheit – von Behörden, gesellschaftlichen Organisationen, Verwaltungsleitern und Bürgern, die die gemeinsamen Ziele und Aufgaben für den Schutz der Menschenrechte, der Werte der Zivilgesellschaft, der nationalen Interessen im humanitären Bereich hätten. Im zweiten Fall (Aspekt) betreffe sie die Gewährleistung des Schutzes der kulturellen, geistbildenden, wissenschaftlichen, geistigen, religiösen und anderen lebenswichtigen Interessen des ukrainischen Volkes im humanitären Bereich

sowohl vor internen Bedrohungen als auch vor externen Störungen [9, S. 36].

Sicherlich sind die oben erwähnten Grundlagenforschungen wissenschaftlich und praktisch höchstinteressant auf dem Gebiet des humanitären Bestanteiles der nationalen Sicherheitspolitik, und zwar in den theoretischen und methodologischen Aspekten seines Inhalts.

Es ist allgemein bekannt, dass die staatliche Regionalpolitik das wirtschaftliche, soziale und politische Leben der Region bestimmen und die wirksame Entwicklung der regionalen Beziehungen fördern soll. Wissenschaftliche und theoretische Grundlagen der staatlichen Regionalpolitik, das Gesetz der Ukraine „über die Grundsätze der Regionalpolitik“ [10] bestimmt folgende Grundprinzipien: Priorität der nationalen Interessen, Berücksichtigung der regionalen Besonderheiten, Gewährleistung gleicher Entwicklungsbedingungen für alle Regionen, die Ressourcenbereitstellung der staatlichen Regionalpolitik, die Bildung eines wirksamen Systems der Regionalleitung..

In der staatlichen Regionalpolitik sollte eine Reihe von miteinander verbundenen Elementen ausgezeichnet werden: wirtschaftliche, soziale, wissenschaftliche und technische, ökologische, demographische, humanitäre und nationale Politik.

Das primäre Ziel der regionalen humanitären Politik ist die geistige Entwicklung der Gesellschaft, die Verbesserung ihres moralischen Zustands und Gesundheit, die effiziente Nutzung von regionalen Ressourcen, um den Wohlstand der Bevölkerung zu erhöhen und die Bildung der freiheitsliebenden, patriotischen Persönlichkeit zu fördern.

In der nationalen Sicherheitspolitik gibt es kaum solchen Bereich, in dem man bei dem erfolgreichen Funktionieren auf Berücksichtigung regionaler Aspekte verzichten könnte. Um positive Ergebnisse bei der Umsetzung der nationalen Sicherheitspolitik im humanitären Bereich zu erzielen, sollten sowohl regionale Faktoren als auch Besonderheiten der bestimmten Regionen berücksichtigt werden.

Unserer Meinung nach sollte ein wichtiger Platz unter den Prioritäten der regionalen humanitären Politik der regionalen Sicherheitspolitik im humanitären Bereich gewidmet werden.

Im Bezug auf die bestehenden Rechtsvorschriften, die Grundlagenforschung, Meinungen einiger Wissenschaftler, die Umsetzungspraxis der staatlichen, regionalen humanitären Politik und Notwendigkeit der Gewährleistung des Schutzes der nationalen Interessen und der territorialen Integrität der Ukraine, der erfolgreichen Entwicklung jeder Region des Staates unter den heutigen Bedingungen der Herausbildung vom ukrainischen Staat, schlagen wir einen neuen Begriff für ein System der nationalen Sicherheit der Ukraine und für die Politik der staatlichen Sicherheit besonders im humanitären Bereich.

Zu der regionalen humanitären Sicherheit zählt man den Schutz des humanitären Potenzials, des Informationsraums der Region; nationaler Interessen der Bürger, ihrer Rechte, Freiheiten, körperlicher und geistiger Gesundheit, Moralität, Geistigkeit, Intelligenz, Bürgerengagements vor internen und externen Bedrohungen.

Die regionale Sicherheitspolitik im humanitären Bereich schliesst auch ein: die Schaffung der Bedingungen für Entwicklung des menschlichen Potentials von Behörden, öffentlichen Einrichtungen in der Region durch den gleichen Zugang aller Bürger zu qualitativer Bildung, Gesundheitsversorgung. Außerdem ist es wichtig, Bedingungen für Kultur- und Geistesentwicklung zu schaffen, Recht auf rechtzeitige und objektive Informationen zu gewährleisten, historische und ethnische Traditionen aufzubewahren, Bedrohungen im humanitären Bereich zu verhüten und zu beseitigen.

Unter den regionalen Sicherheitsbedrohungen im humanitären Bereich versteht man eine offensichtliche oder versteckte Absicht den nationalen Interessen, der gesellschaftlichen, nationalkulturellen Entwicklung eines bestimmten Gebiets, der Umsetzung von Grundrechten und Freiheiten in der Region zu schaden.

Als Subjekte der humanitären Sicherheitspolitik in der Region sollten staatliche Gebietsadministrations, ihre Abteilungen, Verwaltungen; staatliche Gemeindeadministrations, lokale Abteilungen der zentralen Vollzugsorgane; lokale Rechtspflegeorgane, Selbstverwaltungsbehörden auf allen Ebenen; soziale und politische Organisationen; Bewohner der Region auftreten.

Die wichtigen gefährdeten Regionalobjekte bestimmen wir als Bildung, Wissenschaft, Kultur, Medizin, Kunst, Informationsraum, zwischenkonfessionelle interethnische Beziehungen, Familie und Jugend, wo die Politik im humanitären Bereich realisiert werden sollte.

Die Prioritäten der Sicherheitspolitik im humanitären Bereich sollen entsprechend den Bedürfnissen jeder Region strukturiert werden und ihr Inhalt, Umsetzungsmechanismen sollen im Einklang mit den Grundsätzen der nationalen Sicherheit im humanitären Bereich stehen.

Das Gesetz der Ukraine „Über die Grundlagen der nationalen Sicherheit der Ukraine“ enthält die grundlegenden Prinzipien der nationalen Sicherheit [6].

Es ist klar, dass der Inhalt der Grundsätze der nationalen Sicherheit im humanitären Bereich den allgemeinen Gesetzen entspricht und gleichzeitig eigene Besonderheiten hat.

Das Prinzip der Priorität nationaler Interessen, nationaler Werte. Bei der Herausbildung der Ukraine als eines unabhängigen, souveränen Staates ist notwendig die Gewährleistung der integrativen Entwicklung nationaler Interessen, Werte in der Gesellschaft mit dem Einsatz der Bevölkerung und Behörden.

Das Prinzip des Schutzes der Grundrechte und Freiheiten im humanitären Bereich stellt fest, dass die Person einer der höchsten sozialen Werte ist. Die staatlichen Aktivitäten sollen die Umsetzung und den Schutz der Rechte, Bedürfnisse und Interessen der Bürger der Ukraine gewährleisten.

Das Prinzip der Rechtsstaatlichkeit. Laut diesem Grundgesetz soll man alle Rechtsvorschriften im

humanitären Bereich in die Tat umsetzen und auf ganzem Territorium des Landes befolgen. Sie sind obligatorisch für staatliche und gesellschaftliche Institutionen.

Das Prinzip der Demokratie und Transparenz bei der Lösung des Problems von Bedrohungen im humanitären Bereich bedeutet, dass Grundprinzipien der nationalen Sicherheitspolitik im humanitären Bereich unter der Beteiligung der Bevölkerung, Behörden und gesellschaftlicher Organisationen bestimmt und eingesetzt werden.

Das Prinzip der Objektivität bei der Bewertung und Vorhersage der Entwicklung von den Bestandteilen des humanitären Bereichs. Die Bewertung des aktuellen Zustandes ermöglicht rechtzeitig und objektiv entstehende Probleme zu entdecken, und sie anschließend im Bereich von Bildung, Kultur, Religion, Informationsraum usw. zu lösen.

Das Prinzip der Integrität, der Interessenausgleich der Menschen, des Staates, der Gesellschaft. Nationale Interessen und Interessen des Menschen, des Staates, der Gesellschaft müssen ausgeglichen werden und in ständiger harmonischer Entwicklung sein. Der Staat mit seinen Institutionen soll Bedingungen für Bedürfnisbefriedigung der Bürger, ihrer geistigen Entwicklung gewährleisten.

Das Prinzip der Verhinderung, der rechtzeitigen Reaktion auf Bedrohungen im humanitären Bereich wirkt unmittelbar darauf, dass mögliche internationale, zwischenkonfessionelle, Kultur- und Bildungskonflikte vermieden werden können. Es sorgt für eine kontinuierliche Überwachung des Zustandes, der Entwicklung verschiedener Bestandteile im humanitären Bereich und für schnelle Reaktion auf negative Erscheinungen, Ereignisse, Tendenzen.

Das Prinzip der Professionalität, des Patriotismus bei der Umsetzung der Sicherheitspolitik im humanitären Bereich. Vertreter der Behörden und der gesellschaftlichen Organisationen sollen über moderne innovative Formen, Verwaltungsmethoden und Durchführung der Prozesse, der Sicherheitsmaßnahmen im humanitären Bereich unter

Berücksichtigung der regionalen Besonderheiten der Ukraine verfügen.

Das Prinzip der Optimierung, Integration in der Zusammenarbeit zwischen Behörden und gesellschaftlichen Organisationen. Die Verantwortung für die Durchführung der humanitären Politik in der Ukraine tragen lokale Behörden, Selbstverwaltungsbehörden und gesellschaftliche Organisationen.

Da humanitärer Bereich heute zum systembildenden und strategisch wichtigen Faktor in der nationalen Entwicklung wird, die nationale Sicherheit gewährleistend, sollen empfohlene Prinzipien bei der Umsetzung der Staatssicherheitspolitik im humanitären Bereich eingehalten werden. Dabei soll man auf Vertrauensgrad und Entfremdung der Bevölkerung den Behörden gegenüber, auf die Entwicklung des politischen und rechtlichen Bewusstseins, auf

den nationalen und demographischen Faktor der sozialen Entwicklung und aktuelle internationale Situation achten.

Es ist offensichtlich, dass das System der nationalen Sicherheit, dessen Elemente eng miteinander verbunden sind, integral sein muss. Die Herausbildung der nationalen Sicherheit benötigt auf der allgemeinen Staatsebene das einheitliche Begriffswerk und jeweils einheitliche Entwicklungsrichtung des humanitären Bereichs der nationalen Sicherheit. Dabei müssen Besonderheiten der Regionen des Landes berücksichtigt werden, um nationale Werte aufzubewahren und zu verstärken, den Schutz und progressive Entwicklung der nationalen Interessen durch Frühfeststellung, Verhütung und Beseitigung der inneren und externen Bedrohungen zu gewährleisten.

Referense:

1. Sytnyk H. P., Olujko V. M., Vavrynychuk M. P. Natsional'na bezpeka Ukrainy: teoriia i praktyka. Monohrafiia. Kyiv, – 2007. – 614 s.
2. Horbulin V. P., Lytvynenko O. V. Natsional'na bezpeka: Ukrain's'kyj vymir K. – 2008. – 104 s.
3. Horbulin V. P., Kachyn's'kyj A. B. Zasady natsional'noi bezpeky Ukrainy. – K. – 2009. – 272 s.
4. Lipkan V. A. Natsional'na bezpeka Ukrainy. – K.: Kondor, – 2006. – 552 s.
5. Chuprij L. Polityka natsional'noi bezpeky Ukrain's'koi derzhavy v humanitarnij sferi: kontseptual'no-institutsijnyj analiz [Tekst]: monohrafiia / L. V. Chuprij. Kyiv: FOP Kozhukhovs'kyj I. I., – 2015. – 508 s.
6. Pro osnovy natsional'noi bezpeky Ukrainy: Zakon Ukrainy № 964-IV vid 19.06.2003. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/964-15>
7. Humanitarna polityka Ukrain's'koi derzhavy v novitnij period (monohrafiia) za red. S. I. Zdioruka. – K.: NISD, – 2006. – 403 s.
8. Pyrozhenko V. O. Humanitarna skladova natsional'noi bezpeky: predmet doslidzhennia ta kolo osnovnykh problem. URL: http://www.niss.gov.ua/vydanna/panorama/issue.php?s=prnb1&issue=2005_2
9. Chuprij L. Kontseptual'ni zasady polityky natsional'noi bezpeky Ukrain's'koi derzhavy v humanitarnij sferi // Politychnyj menedzhment. – № 1-2. – 2013. – S. 35-41.
10. Pro zasady derzhavnoi rehional'noi polityky: Zakon Ukrainy vid 05.02.2015 r. № 156-VIII. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/156-19>.

*Koti Sorina,
PhD, in Public Finance University
"Fan S. Noli" Korce-Albania
Email: sorinakoti@gmail.com*

PUBLIC CAPITAL: DETERMINANTS AND ITS IMPACT ON ECONOMY: CASE OF ALBANIA

Abstract: The aim of this article is to show the determinants and the importance of public capital in the economic growth. Our study has treated public capital as a production factor, by building a new model with other variables, such as: GDP, service debt, trade and urbanization. This model will show the transmission channels through which the debt affects the economic growth and moreover, how debt affects the public capital investments. The results of the study showed that economic growth, debt service and trade have positive impact over formation of physical public capital, while urbanization has a negative effect. Furthermore, the received debt has been invested in new public capital infrastructure, but not in the maintenance and rehabilitation of the built infrastructure. Hence, the problem remains the not correct projection of the investments with high efficiency, without profit and loss analysis, without monitoring and controlling the public investment during and after the end of the building process, as well as the high level of corruption with public investment funds.

Keywords: economic growth, public capital, trade, urbanization, service debt.

1. Introduction

A country's public capital is considered very important, as it is a key element on national and regional economic development. A country with developed public capital necessarily has a high wealth of its population and a stabilized economic growth. Developments over public capital have been accompanied by criticism from scholars and academics, arguing that investment in public capital has a very important contribution to the national product, productivity, growth and international competitiveness. Also, there are other scholars who are more skeptical about the impact that public capital investment has on economic growth and productivity, without having a well-defined cause-effect of capital investment with growth. This comes as a result of historical data studies that, although correctly calculated, have not yet yielded any concrete results.

Due to the lack of statistical data, studies on public capital determinants have been conducted more in developed and less developed countries. Also, in the

case of Albania, there are no proper studies for measuring the impact of various factors on public capital investment. Our study focused on this issue, by determining the factors influencing public capital. This should be considered as a contribution to the economy for improving the benchmarks of public capital investment.

2. Literature

The relationship among debt, public investment and economic growth continues to be of interest to policy-makers and academics. Many studies have been conducted in developed countries and a few in developing ones; and more studies have been conducted on private investments than on public investments. This may come as a result of the inability of developing countries to have access to international capital markets and the various effects that external debt may have on economic growth through public investments. Moreover, the channels through which debt affects economic growth may change, as developed countries and developing ones have

different economic structures and public sectors. Also, developing countries are usually recipients of funds donated by developed countries, although debt service can be high.

Krugman [5] focused on the theory of “debt transfer”, which consists on: a high level of external debt may reduce government incentives to undertake fiscal and structural reforms, as any strengthening of the fiscal situation would intensify pressures to repay the creditors. These non-incentive reforms are of particular interest to low-income countries, where easing structural reforms is needed to ensure economic growth. Moreover, debt transfer would cause uncertainty, resulting in a slowdown in investments and economic growth. With the rise of public debt level, the uncertainty of the actions and policies, that governments have to undertake to meet debt service obligations will increase. Under these conditions, many investors would prefer to wait until the stabilization of macroeconomic situation. Rapid debt accumulation may be accompanied by increased capital flight, if the private sector is afraid of immediate depreciation of the currency or raising taxes to pay off debt services [1; 6; 7].

Empirical studies have found different results in support of the theory of “debt transfer” and the effects on capital investments. The high stock of debt impacts growth through striking effects both on the accumulation of physical capital and on the total growth of productivity factors. High debt service can boost government bill of interest and budget deficit as well as lower public savings. This, in turn, may boost interest rates or absorb credit worthwhile for private investment, by hurting economic growth. Hence, debt service is seen as one of the key obstacles in meeting the basic needs of people in developing countries [3; 4].

Other studies have built public investment models as a function of corruption, per capita income and the budget/GDP ratio. The results showed that corruption increases public investment by reducing their productivity. Also positive results were found

for structural and economic variables and non-significant results for political-institutional variables [8].

3. Empirical analysis. Case Study Albania

Albania, as a developing country and an ex-communist country, has drafted numerous laws and structural reforms to develop the economy and stimulate economic growth. Numerous investments have been made over these 26 years as a need to improve infrastructure and stimulate the private sector for further investments. Growth rates have been satisfactory but not as high, for stabilizing and encouraging large public investments, because state budget funds have been virtually insufficient to cope with ever-growing infrastructure requirements. Albania, from its geographical position and proximity to European Union countries, is always a reference country for foreign investment and international co-operation. As a bridge between Western Europe and South East Europe, Albania has faced a growing demand for transport infrastructure, which has led to an increase in the level of freight transport and delivery of services. In this context, government priorities have been improving infrastructure, facilitating transport and its costs. Below we have graphically linked the variables with each other and a historical analysis of them.

From the chart above we see that the greatest fluctuations have occurred in the formation of public physical capital, which depends on public investments in infrastructure. Drastic decline in public capital over the years 1997–1998 due to the crisis and the turmoil caused by the collapse of the Pyramid schemes, followed by a significant increase during the years 2000–2002 and then a gradual decline with slight increases in 2006–2013. This indicates that public investment funds have been significantly reduced since economic growth rates have not been high to support the growth of public physical capital. The graph shows that economic growth was also low due to the economic and financial crisis affecting the European Union countries, being transmitted to Albania through the attraction of foreign companies and the reduction of goods produced in Albania.

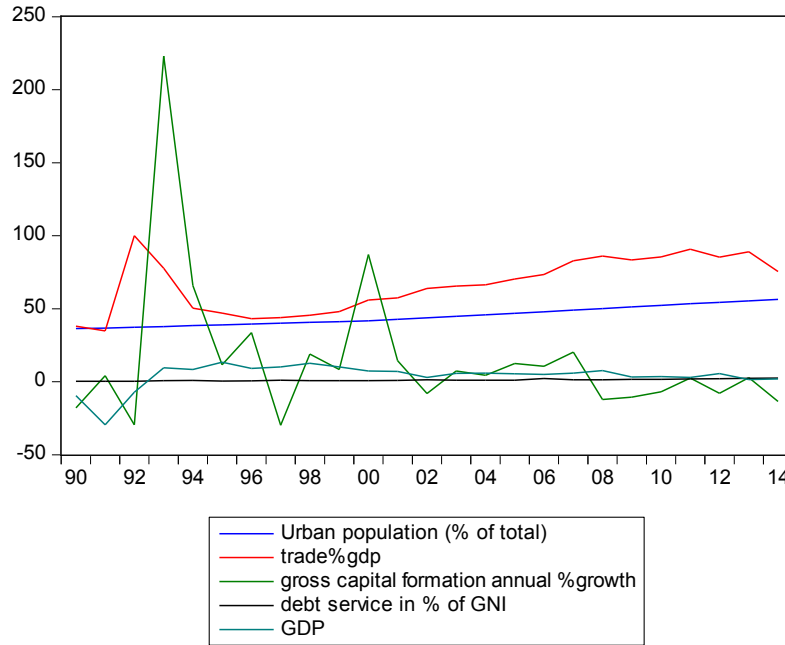


Figure 1. Relationship of variables

Source: Author

The fall in growth rates is not attributable to external factors only, but also to domestic ones, despite the fact that most of the country’s needs are met with imported goods. Thus, the formation of public physical capital depends directly on the variations of economic growth and the growth of the trade level.

Another important factor affecting the formation of public capital is the level of budget deficit and public debt. They have been growing steadily, exceeding the defined levels (3% and 60%), without giving the governments the space to borrow. Another problem remains the use of borrowed debt, as its mismanagement causes serious consequences on the economy. Part of the long-term public investment is financed with short-term debt, which does not help the Albanian economy and its financial stability in the future. Also, over the last few years, borrowing has gone mainly for short-term spending and repayment of arrears and not for public investments. In this situation, our study was based on foreign literature and econometric models built for studies in foreign countries (developing and developed countries). Our model is based on the study of Clements et al. (2003), but ad-

justments were made under the conditions of Albania. The Public Capital Function is built as follows:

$$\Delta PC = f(GDP; T; U; SD)$$

Meanwhile, the econometric model can be written as follows:

$$\Delta PC_t = a_0 + b_1 GDP + b_2 T + b_3 U + b_4 SD + \varepsilon_t$$

Where: ΔPC = change in formation of public physical capital; ε_t = error term; GDP = Gross domestic production; T = Trade% of GDP; U = Urbanization of population; SD = Service debt; a = model coefficient; b = coefficients for each variable.

The significance of building the above model lies in the fact that no study in Albania has analyzed and tested the correlation between these variables and the impact of various factors on the formation of public physical capital. Also, lacks of statistical data have significantly reduced the number of observations in our model. The data are annual, for the period after the fall of Communism in Albania, until 2015. GDP shows economic growth, trade as% of GDP shows the trade opening of Albania (exports and imports), urbanization has an unclear impact

on investments, because on the one hand it can be argued that the urbanization of the society would bring a positive impact because people will be closer to education and health services. On the other hand, most of the public capital expenditures consist on rural areas. For this reason, the increase in urbanization would lead to a decline in the demand for physical infrastructure in these areas. Although, trade might have a positive impact on physical infrastructure, by increasing steadily the capital public investments. From the E-view program we got the statistical results. The model is significant with a $R^2 = 0.75$ and the econometric model can be written as follows:

$$\Delta PC_t = 279.30_0 + 1.92GDP_{-3} - 9.71SD_{-2} + 3.49T_{-1} - 10.79U + \varepsilon_t$$

This means that if GDP grows by 1% now, this will bring a PC growth of 1.92% after 3 years since the year of economic growth. If trade grows by 1% now, this will bring an increase of 3.49% of PC in 1 year. The other variable is Urbanization of the population, where if urbanization increases by 1% now, then it will bring a decrease of 10.79% of PC in that year. Finally, debt service would increase by 1%, this would bring a PC decrease by 9.71% after two years.

According to the theory, based on individual coefficients, the opening indicator is always high and positive, while the urbanization coefficient is high and negative. The GDP ratio is positive and statistically significant, arguing that high-income countries or countries with economic growth may generate more revenue, by facing also a rise in the level of public capital investment. As for debt, empirical results show that the stock of debt has no significant impact on public investment. This means that public investment is more affected by the current fiscal situation and the available funding, rather than the factors that affect fiscal sustainability in the long-term [8].

From the results we can analyze that urbanization growth, population shift from rural areas to urban areas or their suburbs, brings a reduction in the need for new investments in road, educational, medical, telecommunication, water supply infrastructure

and lighting, as the population is leaving those rural areas. Also, urbanization growth could bring an increase in production and consumption, because the closer the population is toward the developed areas, the more selection will have. Also, new businesses may emerge, because of the movement of population toward urban areas. This will lead to an increase of employment in urban areas. But this urban movement would a significant reduction in agricultural production as a result of not working and planting agricultural land. Moreover, the approach of the rural population to the urbanized areas would bring a higher level of living, lower costs and increased consumption. Moreover, increasing public investment in infrastructure eases the trade and social relations of the population. It brings lower transport costs, lower production costs, and lower costs of medical and educational services.

Debt service seems to be non-linear in relation to public capital, as the econometric result is not significant. As debt grows versus public investment, this increases debt service, which absorbs part of the national product. Thus, the impact of debt service on public capital investment depends on the level of payments to debt. Also, the result support the hypothesis that high service to debt substitutes public investment and this effect becomes stronger when debt service absorbs part of economic growth. In the case of our study, the service-to-debt ratio is high and negative; this means that the debt is not spent on public capital investments. The increase of debt service is considered a serious negative weight to the economy in long term. If debt payments would fall, this would also lead to an increase in GDP, which would affect public capital investments. But, in cases where the debt is spent for public consumption, for the reduction of budget deficit and partly for public investment, then debt service becomes more costly and ineffective to stimulate economic growth and private consumption/private investments.

From the statistical results we can conclude that the formation of public capital depends more on the

level of trade, as the growth of trade would require numerous and fast investments in infrastructure, in order to support transport. If trade grows, this means that demand and supply has increased, production and investments has been increased as well. The chain effect would lead to increased public capital, which will bring growth and economic stability in the future. Also, economic growth will bring more revenue to the state budget and as a result, more funds will be allocated for infrastructure development and public capital formation. So, if the budget has a high deficit and debt, then the level of capital formation is low, by causing a depreciation of the built capital and the emerging need for maintenance and rehabilitation. While the other two variables, urbanization and debt service cause a decline in public capital and cost for future generations. Also, the effect of the change in the formation of public capital occurs later, than the year in which the change of the determinants took place. For any fluctuations, policy makers and scholars need to measure the time effect on public capital formation, as future generations are those who will suffer or enjoy what is happening now.

4. Conclusions and Recommendations

Our study was designed to give further impact to public capital investment studies and not to respond to all criticisms and skeptics about the factors affecting the formation of physical capital. Our study was based on foreign literature and built a model that could fit into the political and economic conditions of Albania. From the study we can conclude that the high level of debt may adversely affect the economic growth of low-income countries and developing countries. Debt impacts growth through its effects on the efficiency of the resources used and then on the efficiency and level of investment. Debt indirectly affects economic growth through debt service payments. This might happen, if the debt is not spent

for public investments but for current expenditures. Debt and debt service payments would have a positive impact on economic growth, if this debt would go to increase the level of public capital investment. A recommendation for reducing the high level of debt and debt service would be either partial debt forgiveness (if possible depending on the amount owed), forgiveness of debt service payments or extension over a longer period of time, as a way to reduce short-term debt obligations.

The formation of public capital depends heavily on the economic growth rates and the level of trade, which have a positive and strong link. So, when a country is trade orientated, then more developed infrastructure is needed, by investing in the growth of public capital. Also, economic growth would lead to an increased welfare, which would increase budget revenue. Moreover, an increase in the budgets of relevant ministries may stimulate and support the financing of capital investment projects.

While urbanization is a factor that has no fixed determination, as it has other social impacts, but in the case of our study it has a negative effect. The removal of population from rural areas would lead to a decline in the formation of public physical capital, as in the absence of the population the state would not invest large public projects. In general, public investments are carried out in areas where the need is great and when investment projects exceed local and national needs.

However, further studies are needed in this area to determine more closely the relationship between the debt, the public sector deficit, economic growth and other factors (the effects of structural government reforms) to balance public finances, and their contribution to economic growth and the formation of public physical capital.

References:

1. Agenor P., & Montiel P. Development Macroeconomics, New Jersey: Princeton University Press – 1996.
2. World Bank Statistical Database for countries. – 2016.

3. Cohen D. Low Investment and Large LDC Debt in the 1980 s. *American Economic Review*, – Vol. 83 (3). – 1993. – P. 437–449.
4. Pattillo et al. What are the channels through which external debt affects growth? *International Monetary Fund, Working paper*. – 2003.
5. Krugman P. Financing vs. Forgiving a debt overhang: Some Analytical issues. *NBER Working Paper* – No. 2486. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research. – 1988.
6. Oks D., & Wijnbergen S. Mexico After the Debt Crisis: Is Growth Sustainable? *Journal of Development Economics*, – Vol. 47 (June), – 1995. – P. 155–178.
7. Serven L. Uncertainty, Instability and Irreversible Investment: Theory, Evidence and Lessons for Africa. *World Bank Policy Research Working Paper* – No. 1722. – 1997.
8. Sturm J. Determinants of Public Capital Spending in Less-Developed Countries. *University of Groningen & CESinfo Working Paper, Germany*. – 2001.

Minga Aldona,
Lector at University "Fan S. Noli" of Korçë, Albania
Phd. Candidate, Agricultural University of Tirana, Albania
E-mail: amrruku@yahoo.it

Doçi Esmeralda,
Phd., Candidate, Agricultural University of Tirana, Albania

Dr. Lipi Klaudia,
University of "Fan S Noli" Korçë

EVALUATIONS OF INCOME EFFICIENCY IN APPLE PRODUCTION SECTOR A SFA APPROACH

This study is part of the dissertation's topic of Msc. Aldona Minga

Abstract: Evaluation of efficiency is taken into consideration in this article, which measures the ability of a farmer of apple production to get maximum output from given inputs. The comparison of the achieved results was made using the SFA method, Stochastic Frontier Analysis. In this article are used data from farmers who deal with apple cultivation in the Korça area. This sector was chosen due to the large number of growers as well as the importance of developing a strategy for expanding the agro-food line. In this analysis covers a period 2015–2016 where the survey was conducted. This survey includes 150 farmers of apple cultivation.

Keywords: efficiency, the SFA method, productivity, incomes, Korçë, agricultural, farmer.

Introductions

The stochastic frontier production function, which was independently proposed by Aigner, Lovell, and Schmidt [1977] and Meeusen and van den Broeck [1977], has been a significant contribution to the econometric modeling of production and the estimation of technical efficiency of firms. The stochastic frontier involved two random components, one associated with the presence of technical inefficiency and the other being a traditional random error.

Prior to the introduction of this model, Aigner and Chu [1968], Timmer [1971,] Afriat [1972], Richmond [1974], and Schmidt [1976] considered the estimation of deterministic frontier models whose values were defined to be greater than or equal to observed values of production for different levels of inputs in the production process [2, 31].

The agricultural sector provides livelihood directly and indirectly to a significant portion of the

population of all developing countries, especially in rural areas, where poverty is more pronounced. Thus, a growing agricultural sector contributes to both overall growth and poverty alleviation (Agricultural Investment, Production Capacity and Productivity, Lydia Zepeda.FAO)

Methodology

The aim of the research problem

The aim of the research problem is to evaluate the efficiency of income apple production which is expressed more in education, in age, in the amount of fertilizers used, in the surface of apple and measures by farmers to make predictions about production.

Data

Sources with important information from where we collected the primary data are 150 farmers in Korça district. The study was conducted at econometric level. In this paper, we are focused on analysing the impact of the econometric production factors. Problem empirical

analysis is based on the use of econometric statistical methods, and SFA model using Eviews program.

Problem analysis

Problem analysis is focused on the study of the link between production factors of our country and

the importance that these factors have on Increase the incomes. The approach explicitly recognizes that production function represents technically maximum feasible output level for a given level of output.

Table 1. – Model 1: OLS, using observations 1–150; Dependent variable: **INC**

	Coefficient	Std. Error	t-ratio	p-value	
const	4.98388	2.04517	2.4369	0.01602	**
Capital Stock	0.415953	0.118083	3.5225	0.00057	***
Apple surface	0.0273446	0.0124494	2.1965	0.02965	**
Quantity of fertilizes	0.314891	0.155644	2.0231	0.04490	**
Irrigation	0.0961418	0.0381271	2.5216	0.01276	**

Mean dependent var	14.37489	S. D. dependent var	0.453213
Sum squared resid	11.60641	S. E. of regression	0.282921
R-squared	0.620766	Adjusted R-squared	0.610304
F (4, 145)	59.33734	P-value (F)	1.36e-29
Log-likelihood	-20.90996	Akaike criterion	51.81992
Schwarz criterion	66.87310	Hannan-Quinn	57.93555

For the model 2 the R^2 The coefficient of determination 0.62 shows that 62% of the general variation (% of the probability to alleviate productivity) is defined by the caused variation by the factors that we have specified in the model.

Then the term of efficiency would be calculated:

$$\hat{u}_i = \frac{S\delta}{1+\delta^2} \left[\frac{\phi(w)}{1-\phi(w)} - w \right],$$

when: $w = e\delta / S$

Table 2. – The average values of income efficiency, by type of irrigation

Row Labels	0	1	2	Grand Total
DEVOLL	0.750736	0.74403936	0.730219882	0.741371534
HOCISHT	0.56263	0.66371025	0.899308	0.668487
PROGER	0.932346667	0.755111216	0.719651875	0.754474732
QENDER	0.582116	0.734223556		0.7190128
KORCE	0.675777	0.668477	0.802537333	0.682487583
BULGAREC	0.7519385	0.579130667	0.899308	0.690096167
DVORAN	0.5914266	0.693534	0.754152	0.667068176
MOLLAJ	0.85213	0.63295		0.720622
VOSKOP	0.6591216	0.7179735	0.754152	0.685713375
MALIQ	0.741772	0.73647772	0.8748426	0.771000024
LIBONIK	1.195679	0.725985		0.882549667
PIRG	0.62496	0.7578337	0.883387	0.799278111
POJAN	0.592621	0.721664308	0.815695	0.710604944
VRESHTAS	0.85213		0.933327	0.8927285
Grand Total	0.708304846	0.726755043	0.7856592	0.73533784

Irrigation – is the multinomial variable: 0= with leakage, 1= mixed, 2= with points

Conclusion

The purpose of this study was to evaluate the efficiency of income in apple production sector in Korça area. This evaluation was done on basis of the data obtained from questionnaires which are organized throughout the Korçë area, using the method of SFA. Despite the arguments in favour or not against each of the alternatives, it will be argued that the SFA parameter model is an efficient way to calculate the efficiency/inefficiency that is intended to be realized in this study.

From the model chosen by the SFA method, the Korça districts receive efficient income by type of irrigation. Stochastic frontier generally offers higher efficiency and lower distribution of the obtained results of econometric estimates. According to (**Table 2**) we can say that the average value of income efficient in the Korça region. We comes to the conclusion that: by municipalities, with point irrigation is more efficient (0.7856592) than farmland lands that have irrigation with leak (0.708304846) or those farmers that have mixed irrigation (0.726755043), in our study the irrigation is dhe multinomial variable.

References:

1. Agricultural Investment, Production Capacity and Productivity, Lydia Zepeda. FAO.
2. Coelli T.J. "Estimation of Frontier Production Functions: A Guide to the Computer Program, FRONTIER." Working Papers in Econometrics and Applied Statistics – No. 34. Department of Econometrics, University of New England, Armidale, – 1989. – 31 p.
3. Douglas production functions with composed error. International economic review, – P. 435–444.
4. Farrell M.J. The measurement of productive efficiency. Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General), – 1957. – P. 253–290.
5. Meeusen W., & Van den Broeck J. Efficiency estimation from Cobb – 1977.
6. Osmani M. Econometric Module, Agricultural University of Tirana, The multiple model of regression, – 49 p. Albania – 2002.
7. Osmani M. Methods of econometrics with EViews 7, programme, Agricultural University of Tirana, Albania.

Section 14. Science of law

*Pavel Aleksadrovich Kadochnikov,
Student (Master of Science),
Staatliche Universität Kostroma
E-mail: p2275788@yandex.ru*

FREIE MEINUNGSÄUSSERUNG IN DEN MASSENMEDIEN RUSSLANDS

Annotation: Der Artikel führt in die freie Meinungsäußerung in den russischen Massenmedien ein. Es werden die Garantien der freien Meinungsäußerung und ihre Rechtsbeschränkungen, die nach der Einhaltung und dem Schutz der Menschenrechte gerichtet sind, behandelt.

Schlüsselwörter: freie Meinungsäußerung, Menschenrechte, Massenmedium, Masseninformation.

Die Entwicklungsgeschichte des Rechtes auf die freie Meinungsäußerung in den Massenmedien auf dem Gebiet des gegenwärtigen russischen rechtlichen Raums beginnt seit der sowjetischen Zeitperiode der Geschichte Russlands. In der Verfassung der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (UdSSR) 1936 wurde es erstmals darauf hingewiesen, dass die frei Meinungsäußerung und Pressefreiheit den Staatsbürgern der UdSSR gewährt werden. Im Jahre 1990 war das Gesetz der UdSSR über Presse und andere Massenmedien erlassen, in dem die gesetzliche Definition der freien Meinungsäußerung und Pressefreiheit erläutert und die Unzulässigkeit jeglicher Zensur offengelegt ist. In der gegenwärtigen juristischen Literatur äußern die Rechtswissenschaftler ihre Meinung, dass die Annahme des normativen Rechtsaktes die erste Erfahrung in der Schaffung des demokratischen Gesetzes über die Massenmedien in Russland ist.

Modernes Russland hat in der Verfassung der Russischen Föderation, genehmigt vom 12. Dezember 1993, solchen Grund der Staatsordnung, wie demokratischer Rechtsstaat festgesetzt. In der rechtswissenschaftlichen Literatur ist von Rechts-

wissenschaftlern darauf hingewiesen, dass modernes Russland kein Rechtsstaat ist, aber der Werdegang des Rechtsstaats in der Russischen Föderation läuft. Der Rechtsstaat stützt sich auf die grundlegenden Rechtsgrundsätze, die den Ausdruck in der Unterordnung des Staates den gerichteten nach dem Schutz der Rechte und Freiheiten des Menschen Rechtsnormen finden. Ein der wichtigsten Prinzipien des Rechtsstaates ist das Vorhandensein der Bürgergesellschaft im Staat. Die Daseinsbedingungen der Bürgergesellschaft in dem Rechtsstaat, die mit der Schaffung und Erweiterung der Masseninformation verbunden sind, sind frei bildende veröffentlichte Meinungen und Pluralismus der Meinungen, sowie Sicherung der Rechte und Freiheiten des Menschen. Das Recht des Menschen, das gleich als Bedingung der Existenz der Zivilgesellschaft austritt, und der Prinzip des Rechtsstaats sind solches politisches Recht wie freie Meinungs- und Pressenäußerung.

Die Rechtswissenschaftlerin P. W. Krasnowa weist auf die Wichtigkeit und den Sonderplatz der freien Meinungs- und Pressenäußerung, auf die Information bei dem Werdegang der Zivilgesellschaft in

Russland, und auf die aktive politische Position der Bürger im Blick auf den Schutz ihres Rechtes auf die wahre Information im Gegensatz zur Zensur seitens Staate hin [4]. Auf dieser Weise für die Feststellung des Rechtsstaates und Realisierung der Politik der Russischen Föderation, die nach der Bildung der Zivilgesellschaft gerichtet ist, spielt die freie Meinungsäußerung in den Massenmedien eine der wichtigsten Rollen und tritt als Verfassungsgrundsatz des modernen Russlands aus. Diese freie Meinungsäußerung sichert den Pluralismus der Meinungen, Ansichten und Ideen, ermöglicht, die Masseninformation zu suchen, empfangen, weitergeben und schaffen. Diese sichert solchen Verfassungsgrundsatz der Russischen Föderation wie Volksgewalt.

Die freie Meinungsäußerung der Massenmedien und der Verbot jeglicher Zensur sind in der Verfassung der Russischen Föderation widerspiegelt. Diese schützt das Recht der Bürger auf die freie Erweiterung der Information und somit realisiert die Verfassungsgarantie der freien Meinungsäußerung. Zwischen den Verfassungsgarantien der freien Meinungsäußerung in den Massenmedien spielt eine große Rolle die ideologische Verschiedenheit, die ermöglicht, den Bürgern die freie Meinungsäußerung zu realisieren, ohne offizielle Ideologie im Staat festzustellen, und im weiteren frei eigene Meinungen im Rahmen der konkreten Idee zu äußern.

Die freie Meinungsäußerung in den Massenmedien sowie die nahen dazu Rechte können nicht absolut und unbeschränkt sein, deshalb mit den Rechten auf die Unverletztheit des Privatlebens und Schutzes der Personaldaten zum Vergleich gestellt und beschränkt werden. Das geltende Gesetz der Russischen Föderation schützt die Bürger von der nicht wahren Information, die die persönlichen Rechte der Bürger verletzen kann, durch die Feststellung der normativen Rechtsakten der Beschränkungen. Durch die Verfassung der Russischen Föderation ist vorgesehen, dass die Ausübung der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers die Rechte anderer Menschen nicht verletzen sollen. Deshalb sind

die Beschränkungen für den Schutz der Rechte von anderen Menschen, die auch zu den Massenmedien verwendet werden können, durch die Verfassung Russlands vorgesehen. Solche Beschränkungen sind die Notwendigkeit des Schutzes der Verfassungs-, Gesundheits-, Moralitäts-, Rechtsgrundsätze und Grundsätze der gesetzlichen Interessen andere Personen sowie die Sicherung der Verteidigung und Sicherheit des Staates [1]. Das Gesetz der Russischen Föderation über die Massenmedien enthält die Reihe der Beschränkungen, durch welche die Einhaltung des staatlichen und anderes gesetzlich geschütztes Geheimnisses, der Schutz des Privatlebens, die Sicherung der Staatssicherheit bedingt sind [2]. Die Beschränkungen, die in diesem Gesetz vorgelegt sind, entwickelt die Rechtsmeinung weiter, erläutern den Charakter und Inhalt der Beschränkungen in der Verfassung der Russischen Föderation.

Die freie Meinungsäußerung ist ein Werkzeug der direkten Teilnahme der Bürger an dem öffentlichen Leben. Diese erfolgt durch jeweilige nicht verbotene Verfahren und ohne Eingriff seitens staatlicher Gewalt. Jeglicher Eingriff der staatlichen Organe bei der Realisierung der freien Meinungsäußerung wird mit der Verletzung solches Rechtes begleitet, mit Ausnahme davon, wenn die Realisierung des Rechtes den Beschränkungen nicht unterliegt. Das Recht, frei die Information durch jeweiliges Verfahren zu suchen, empfangen, weitergeben und schaffen, erfasst das Recht der Bürger auf den Empfang der Information, die Suche und Sammlung der Information mit jeglichem Verfahren, die Möglichkeit des Zugangs zur internationalen Information, auch ermöglicht, jegliche Information und Angaben, die mit dem Gesetz nicht verboten ist, zu erweitern.

Die Tätigkeit der Massenmedien hat solche Besonderheit, die von den Rechtswissenschaftlern als Unmöglichkeit der Existenz der Massenmedien in der gegenwärtigen Welt, ohne Recht auf die freie Meinungsäußerung, Information und Presse bestimmt wird. Deshalb ist dieses Recht ein Hauptprinzip der Informationsverhältnisse. So ist

es nach der Annahme der Allgemeinen Erklärung der Menschenrechte vom 10. Dezember 1948 geworden. Der Begriff über die freie Meinungsäußerung der Massenmedien, die in der Verfassung der Russischen Föderation festgestellt ist, wird von den Rechtswissenschaftlern beidseitig behandelt. Einerseits wird diese als Freiheit der Organisation der Massenmedien von dem Eingriff seitens Staates und der Bürger behandelt. Andererseits wird diese als individuelles Recht und Freiheit des Menschen und Bürgers auf den Empfang, die Erweiterung der Meinung und Information mit Hilfe der Massenmedien behandelt.

Das Föderale Gesetz der Russischen Föderation über die Massenmedien 1991 genehmigt solche Grundsätze der Tätigkeit der Massenmedien in Russland wie Freiheit der Masseninformation und Vermeidung jeglicher Zensur. Die Schaffung, Erweiterung, Suche der Information unterliegen den Beschränkungen nicht, ausgenommen der Fälle, die durch das Föderale Gesetz der Russischen Föderation vorgesehen sind. Die Rechtswissenschaftler scheiden den Bestandteil des genannten Prinzips aus, und zwar: das Recht auf den Zugang zur Information. Der Staat stellt für die Massenmedien die Prozedur des Zugangs zur Information und den zugänglichen Umfang solcher Information, die von den Organen der staatlichen Gewalt ausgeht, fest. Nie Normen, durch welche das Rechts auf den Zugang zur Information geregelt wird, sind im Gesetz über die Massenmedien bestimmt. In diesem Gesetz ist das Recht der Massenmedien auf den operativen Empfang und die Erweiterung der Information über die Tätigkeit der veröffentlichten Organe der staatlichen Gewalt widerspiegelt. Im Föderalen Gesetz über die Information, Informalisierung und den Informationsschutz sind die Arten der Information, auf deren Zugang das Rechts nicht beschränkt wird, angezählt. Das Prinzip der Unzulässigkeit jeglicher Zensur ist im Artikel des 3. Föderalen Gesetzes der Russischen Föderation über die Massenmedien widerspiegelt, in dem es darum handelt, dass die Zensur

eine Forderung von der Massenmediumsredaktion seitens Amtsträger von der Organen der staatlichen Gewalt, Behörden oder gesellschaftlichen Verbänden ist. Die Abstimmung der Meldungen und Materialien sowie der Verbot auf die Erweiterung der Information ist unzulässig. Die durchgeführte Analyse des geltenden Gesetzes der Russischen Föderation lässt zusammenstellen, dass ein Rechtsmedium, das die effektive Realisierung der freien Meinungsäußerung nicht verhindert, existiert.

Die effektive Realisierung der freien Meinungsäußerung ist die Schaffung in der Russischen Föderation der Bedingungen, die die Verwirklichung des Rechtes auf die freie Meinungsäußerung ins Leben begünstigen. Darin besteht das Prinzip der Gewährung der Rechte und Freiheiten. Der Staat tritt in diesem Fall als Subjekt der Gewährung der Rechte und Freiheiten vom Menschen und Bürger aus. Die Garantien der Realisierung der Rechte auf die freie Meinungsäußerung werden von den Wissenschaftlern abhängig von der Festsetzung der Rechtsnormen im System des Staatsrechtes auf unternationale und nationale geteilt. So zu den nationalen Garantien gehört nach der Meinung der Rechtswissenschaftler das System der sozial-wirtschaftlichen, politischen Mittel, die auf dem Gebiet des Staates geltend sind und nach der Sicherung und effektive Realisierung des Rechtes auf die frei Meinungsäußerung im bestimmten Staat sind. Zu den internationalen Garantien gehört nach der Meinung der Wissenschaftler die Festsetzung des genannten Rechtes in den grundlegenden Dokumenten über die Rechte und Freiheiten des Menschen, die sich auf die Staate, von deren der Normenvertrag über die Rechte und Freiheiten des Menschen ratifiziert wurde, erweitern.

Die Festsetzung in der Verfassung der Russischen Föderation des Rechtes auf die freie Meinungsäußerung für jeden Menschen bestätigt die Freundlichkeit Russlands zu der demokratischen Rechtsentwicklung. Das Recht auf die freie Meinungsäußerung wurde in Russland während verschiedener historischen Zeitperioden in den ge-

setzlichen Normen bis 1936 nicht genehmigt. In gegenwärtigem Russland ist die freie Meinungsäußerung staatlich anerkannt und gewährt. Die Realisierung der freien Meinungsäußerung in den Massenmedien ist ein der Hauptrichtungen der gegenwärtigen Politik der Russischen Föderation, die mit der Realisierung der Rechte und Freiheiten des Menschen und Bürgers verbunden ist. Die freie Meinungsäußerung ist vom Staat anerkannt und gewährt, mit anderen Rechten und Freiheiten geschützt, deshalb werden die Beschränkungen bestimmt, aber im

Umfang, der für die Sicherung anderer Rechte notwendig ist. Die freie Meinungsäußerung ist ein wichtiges Element vom Verfassungsfundament jeglichen Staates. Der Grad der Realisierung der freien Meinungsäußerung zeugt über das Niveau der Entwicklung des Rechtsbewusstes von der Gesellschaft und Persönlichkeit, und bestimmt die Demokratie des Staates. Dank der freien Meinungsäußerung hat der Mensch eine Möglichkeit eigene Meinung zu äußern, entwickelt seine Fähigkeiten an der Steuerung der Tätigkeit vom Staat teilzunehmen.

Referencez:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): по состоянию на 21.04.2014 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О средствах массовой информации: [принят Верховным Советом России 27 декабря 1991 г. № 2124–1]: офиц. текст: по сост. на 29 июля 2017 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31. – Ст. 4827.
3. Краснова П. В. Свобода слова и право на информацию как основные факторы формирования гражданского общества / П. В. Краснова // Научные записки молодых исследователей. – 2015. – № 4. – С. 66–71.
4. Шастина А. Р. Свобода слова в СМИ в период глобализации / А. Р. Шастина // Известия БГУ. – 2009. – № 2. – С. 118–121.
5. Колесников Е. В. Конституционные основы свободы массовой информации в РФ: некоторые вопросы теории / Е. В. Колесников // Вестник СГЮА. – 2014. – № 1 (96). – С. 134–140.

*Frolov Sergey Aleksandrovich,
candidate, of legal Sciences
associate Professor, Volgograd state University
E-mail: kmp@volsu.ru*

THE SPECIFICITY FOR THE RESOLUTION OF DISPUTES ABOUT OWNERSHIP OF LAND

Abstract: The purpose of the article is the definition of a judicial order of consideration of land disputes. The author analyzes the rules of consideration of cases in courts, which are determined by the relevant procedural law. In this article we are talking about the foreign experience of creation of specialized courts for resolution of land disputes.

Keywords: land law, property, litigation.

*Фролов Сергей Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент, Волгоградского государственного университета
E-mail: kmp@volsu.ru*

СПЕЦИФИКА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Аннотация: Цель статьи — определение судебного порядка рассмотрения земельных споров. Автор анализирует правила рассмотрения дел в различных судах, которые определяются соответствующим процессуальным законодательством. В статье речь идёт о зарубежном опыте создания специализированных судов по разрешению земельных споров.

Ключевые слова: земельное право, право собственности, судебные споры.

В теории земельного права одновременно с термином «земельный спор» применяют термин «спор о правах на земельный участок». Понятие «спор о правах на земельный участок» не используется в Земельном Кодексе РФ в отличие от «земельного спора», однако часто упоминается в постановлениях высших судов. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» разъясняются особенности разрешения споров о правах

на земельные участки, на которых расположены многоквартирные дома [6].

Анализируя научную литературу, выяснилось, что некоторые исследователи считают термины «земельный спор» и «спор о правах на земельный участок» как идентичные. По мнению Б. В. Ерофеева, земельный спор — это обсуждение и доказывание своих прав на землю с соблюдением установленной процессуальной процедуры и равноправием перед законом всех участников земельных отношений [2, 600]. Из этого следует, что автор приравнивал земельные споры к спорам о правах на земельные участки, указывая, что земельный спор — это только обсуждение и доказывание своих прав на землю.

В отличие от «земельного спора», термину «спор о правах на земельный участок» в научной литературе внимания не уделялось и не уделяется.

Н. А. Сыродоев отмечает, что ст. 1 Земельного Кодекса РФ, посвященная принципам земельного законодательства, содержит массу «не только ненормативных, но и весьма спорных положений, привносящих лишь путаницу и засоряющих закон». В частности, указывается, что представления о земле, изложенные в ст. 1 Кодекса, не согласовываются с определением земельного участка как части поверхности [7, 7].

А. П. Анисимов и А. Е. Черноморец полагают, что объектом земельных отношений всегда будет конкретный земельный участок, как бы мал или велик по размерам он ни был. Понятие «земля», как им представляется, является понятием «весьма абстрактным и характеризует лишь ее связь с природой»; понятие земли «есть не что иное, как земельные участки, объединяемые в одну группу по выполняемым функциям или, что одно и то же в одну категорию по целевому назначению их использования»; понятие «земельный участок» просто заменяется словом «земля», которое является «сокращенным и всем понятным обозначением земельного участка ... все понятно и не требует никаких объяснений» [1, 28]. Однако совершенно ясно, что следует различать землю как объект природы и природный ресурс, как основу существования индивида, групп людей, этноса в целом как средство производства а также как объект гражданских отношений [5, 39].

Б. В. Ерофеев утверждает что права на земельные участки можно рассматривать с двух сторон: как юридический факт на основании которого возникает право обладания земельным участком и как совокупность правомочий в отношении владения, пользования и распоряжения землей.

Права на земельные участки условно делятся на право собственности, вещные права и обязательственные права. Тем временем обязательственные права в отличие от вещных прав на зе-

мельные участки, приобретаются в результате осуществления сделок, например при заключении договора аренды. В зависимости от вида права на земельный участок разнообразен и объем правомочий, которые может осуществлять его обладатель. Таким образом собственник, в отличие от других, обладает более широкими правомочиями в отношении земельного участка.

Нужно отметить что в отличие от земельных споров в содержание споров о правах на земельные участки не входят имущественные споры, возникающие из земельных отношений.

Следовательно, понятия «земельный спор» и «спор о правах на земельный участок» соотносятся как общее и частное. В то же время, термин «земельный спор», который является родовым по отношению к термину «спор о правах на земельный участок», включает в себя кроме споров о правах на земельные участки, в свою очередь и имущественные споры, которые возникают из земельных отношений.

Исходя из сказанного, можно утверждать что под спорами, связанными с правами на земельные участки понимают неурегулированные разногласия между участниками земельных отношений, о которых заявлено в суд общей юрисдикции арбитражный суд по поводу права собственности вещных или обязательственных прав, а также отдельных правомочий в отношении земельных участков.

Споры о правах на земельный участок которые являются разновидностью земельных споров можно классифицировать по разным основаниям. В практическом отношении наиболее приемлемыми критериями для классификации споров о правах на земельный участок выступают: субъекты разрешения спора; субъекты спора; основание возникновения спора [8, 63].

В зависимости от субъекта разрешения спора о правах на земельный участок можно условно разбить на:

- споры, рассматриваемые судами общей юрисдикции;

- споры, подведомственные арбитражным судам;
- споры, переданные сторонами на разрешение в третейский суд.

В соответствии со статьей 64 Земельного Кодекса РФ земельные споры рассматриваются в судебном порядке. Прежде, до января 1994 г. согласно предыдущему кодексу отдельные категории земельных споров в обязательном порядке изучались административными органами. В частности на основании статьи 115 ЗК РСФСР помимо судебных, к органам имеющим право разрешать земельные споры, относились Советы народных депутатов [4]. Помимо этого, обязательный досудебный порядок урегулирования некоторых земельных споров устанавливался отдельными федеральными законами. К примеру на основании статьи 13 Федерального закона от 24 июля 2002 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» с обязательным использованием согласительных процедур должны были рассматриваться споры о местоположении выделяемого земельного участка в счет земельной доли и размере компенсации оставшимся участникам долевой собственности [9]. На данный момент административный досудебный порядок рассмотрения земельных споров законодательством не утчен.

Большое количество споров о правах на земельные участки, рассматриваемых судами общей юрисдикции подсудны районным и городским судам. В данное время из указанной категории дел мировыми судьями могут быть рассмотрены только дела об определении порядка пользования земельным участком.

Изучение судебной практики показало, что к делам об определении порядка пользования земельным участком суды также относят дела об устранении препятствий в пользовании земельным участком.

В соответствии со статьей 64 Земельного Кодекса РФ до принятия дела к производству судом земельный спор может быть передан сторонами

на разрешение в третейский суд. Принимая к сведению что споры о правах на земельный участок являются разновидностью земельных споров, указанное положение в полной мере относится и к спорам о правах на земельный участок.

Следующим критерием позволяющим классифицировать споры о правах на земельный участок, выступают субъекты спора. Практическое значение классификации, в основе которой выступает субъектный состав спора, заключается в определении подведомственности и подсудности споров о правах на земельный участок. Сторонами в споре о правах на земельный участок могут быть граждане юридические лица, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления субъекты Российской Федерации и Российская Федерация. При этом от количества сторон будет зависеть является ли спор двухсторонним или многосторонним. Граждан и юридических лиц, участвующих в споре о правах на земельный участок, в зависимости от вида прав на земельный участок можно разделить на следующие категории: [3]

- собственники земельных участков – лица, являющиеся собственниками земельных участков;
- землепользователи – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования или на праве безвозмездного пользования;
- землевладельцы – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками на праве пожизненного наследуемого владения;
- арендаторы земельных участков – лица, владеющие и пользующиеся земельными участками по договору аренды, договору субаренды;
- обладатели сервитута – лица, имеющие право ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитут).

В зависимости от субъектного состава споры о правах на земельный участок классифицируют, как упоминалось ранее, на:

- споры, в которых сторонами или одной из сторон выступают граждане;

- споры, в которых с обеих сторон выступают юридические лица или индивидуальные предприниматели;

- споры, в которых одной из сторон или с обеих сторон выступают органы исполнительной власти или публично-правовые образования.

Споры о правах на земельный участок в которых обеими сторонами или одной из сторон выступают граждане, рассматриваются судами общей юрисдикции. Если сторонами спора выступают юридические лица или индивидуальные предприниматели, то спор разрешается арбитражным судом. Споры, в которых одной из сторон или с обеих сторон выступают органы исполнительной власти или публично-правовые образования, рассматриваются арбитражным судом, если они связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Следующим критерием для классификации споров о правах на земельный участок будет являться основание возникновения спора.

Анализ практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов показал что в зависимости от основания возникновения споры о правах на земельные участки условно можно разделить на:

- споры о признании права собственности и вещных прав на земельные участки;
- споры о границах земельных участков;
- споры об устранении препятствий в пользовании земельным участком;
- споры, связанные с предоставлением и изъятием земельных участков;
- споры о разделе земельных участков, определении порядка пользования земельным участком.

На практике нередко возникает вопрос: относятся ли споры о признании недействительной сделки с земельным участком к категории споров о правах на земельный участок? В связи с этим полагаем, что не совсем правильно расширительно толковать споры о правах на земельный участок.

Споры о правах на земельные участки необходимо отграничивать от гражданско-правовых споров в отношении земельных участков. Считается, что основными отличительными признаками, позволяющими успешно разграничивать земельные и гражданско-правовые споры по поводу земельных участков, будет характер спорных отношений и законодательство, применяемое при разрешении спора.

Так, если спор в отношении земельного участка не связан с земельными отношениями и при разрешении спора применяется гражданское законодательство, то, соответственно, спор будет относиться к гражданско-правовым. Отметим, что к гражданско-правовым спорам, объектом которых является земельный участок, будет относиться большинство споров о признании недействительной сделки с земельным участком.

Например, Омаров обратился в Борский городской суд Нижегородской области с иском к Волковой о признании договора купли-продажи земельного участка площадью 600 м² недействительным, о признании недействительной регистрации права собственности ответчика на спорный земельный участок, так как в момент совершения сделки не мог понимать значения своих действий и руководить ими, потому что находился в состоянии алкогольного опьянения. Ответчик, работая продавцом в магазине, расплачивалась за купленный земельный участок продуктами и спиртным, давая их без оплаты. Разрешая спор, суд первой инстанции в соответствии с п. 1 ст. 177 ГК РФ решением от 23 апреля 2014 г. удовлетворил заявленные требования о признании договора купли-продажи и государственную регистрацию права собственности Волковой на спорный земельный участок недействительными. Выводы суда подтверждаются объяснениями истца, показаниями свидетелей, заключением судебно-психиатрической амбулаторной экспертизы и заключением дополнительной судебно-психиатрической амбулаторной экспертизы.

В данном случае, учитывая факт, что спор хотя и связан с земельным участком, но не вытекает из земельных отношений, а также то, что при разрешении спора не применяется земельное законодательство, считается, что спор будет относиться к категории гражданско-правовых.

Учет изложенных положений позволит устранить имеющиеся в нормативных правовых актах недостатки, тем самым повысить эффективность правового регулирования земельных отношений.

Таким образом, специфика споров о правах на земельный участок зависит от видов классификации.

Список литературы:

1. Анисимов А. П., Черноморец А. Е. Некоторые вопросы теории земельного права в свете нового Земельного кодекса РФ // Новая правовая мысль. – 2002. – № 1. – С. 28–29.
2. Земельное право России: учебник для вузов / Б. В. Ерофеев; науч. ред. Л. Б. Братковская. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 679 с. – Серия: Бакалавр. Базовый курс.
3. Земельный Кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016 (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Земельный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 25.04.1991 N 1103-1) (ред. от 24.12.1993) // СПС «Консультант Плюс».
5. Корнеев А. Л. Сделки с земельными участками: Учебное пособие. – М., – 2006. – С. 39.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Сыродоев Н. А. Новый Земельный кодекс Российской Федерации // Правоведение. – 2002. – № 1. – С. 7.
8. Тоточнеко, Д. А. Понятие и классификация споров о правах на земельный участок / Д. А. Тоточенко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 63–68.
9. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 N 101-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Contents

Section 1. Gender Studies	3
<i>Long Sara</i> MODERN EUROPEAN GENDER DISCOURSE: THE LIMITATIONS AND OPPORTUNITIES OF HISTORICAL EXAMINATION THROUGH A GENDER BINARY LENS	3
Section 2. Study of art	8
<i>Mammadova Shabnam Amil, Aliyeva Ulkar Sabir</i> THE MAIN FEATURES OF THE STORY LINE OF THE “VAGIF” DRAMA BY SAMAD VURGUN, AND THE SAME-NAME OPERA BY RAMIZ MUSTAFAYEV	8
Section 3. History and archaeology	14
<i>Palunchanka Volha</i> THE NESVIZH MILITARY SCHOOL IN HISTORIOGRAPHY, 1845–2016: FOR THE 270 TH ANNIVERSARY OF ITS FOUNDATION	14
Section 4. Cultural studies	25
<i>Denysyuk Zhanna</i> FACTORS AND SOURCES OF THE FORMATION OF POST-FOLKLORE AS A CULTURAL PRACTICE OF MODERNITY	25
<i>Sarkisyan Tatiana Nikolaevna</i> SOCIAL AND CULTURAL ORIENTATION OF THE PEDAGOGICAL RESOURCE.....	28
Section 5. Linguistics	31
<i>Msc. Bojaxhi Jola</i> DEPENDENCE OF THE LANGUAGE OF SPECIALTY IN COMPUTER AND ELECTRONIC ENGINEERING OF THE ALBANIAN LANGUAGE FROM THE ENGLISH LANGUAGE.....	31
<i>Msc. Bojaxhi Jola</i> BRIEF OVERVIEW OF THE HISTORY OF INFORMATION TECHNOLOGY (IT) CULTURE IN ALBANIA.....	33
<i>Walter Arthur</i> RESEARCH OF SOCIAL PHENOMENA VIA LINGUISTIC APPROACHES	36
<i>Musabayova Narmin Chingiz</i> COMMUNICATION-ORIENTED APPROACH TO TEACHING OF SCIENTIFIC STYLE OF SPEECH TO THE FOREIGN STUDENTS AT THE BEGINNING STAGE OF EDUCATION	41
<i>Nikolaeva Albina Mikhailovna</i> SUBJECTIVE-VALUED SEMANTICS OF FIGURATIVE WORDS IN THE YAKUT LANGUAGE	45
Section 6. Literature	48
<i>Bovkunova Oksana Volodymyrivna</i> FROM THE POETICS OF STYLE TOWARDS THE POETICS OF GENRE: “THE DEFENCE OF POESY” BY PHILIP SIDNEY AND THE FORMATION OF THE RENAISSANCE POETICS	48

Section 7. Management	53
<i>Dr. Burton A. Aggabao, Rashed Saeed Al Yamahi</i>	
THE EXTENT OF IMPLEMENTING MANAGEMENT FUNCTIONAL AREA AND EFFICIENCY OF HR FUNCTIONAL AREA OF RASH AL KHAIMA MUNICIPALITY.....	53
<i>Lulcheva Ivanka</i>	
RATING OF QUALITY OF SERVICE IN A SPECIALIZED RESTAURANTS WITH BULGARIAN NATIONAL CUISINE	64
Section 8. Pedagogy	68
<i>Badashkeev Mikhail Valeryevich, Badashkeeva Marina Aleksandrovna</i>	
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF CHOICE OF PROFESSION IN THE CONDITIONS OF RURAL SCHOOL	68
<i>Klimova Natalia Igorevna, Vitkov Yuriy Vyacheslavovich</i>	
RUSSIAN SPIRITUAL EDUCATION AS A PHENOMENON OF DOMESTIC PEDAGOGICAL CULTURE	71
<i>Mukayeva Aiya</i>	
COMICS AS AN INNOVATIVE METHOD OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE).....	76
<i>Sidorov Vadim Igorevich</i>	
COACHING AS A PEDAGOGICAL TECHNOLOGY FOR CROSS-CULTURAL TRAINING OF TOURISM PROFESSIONALS.....	81
<i>Slusarskaya Tatyana Vadimovna, Kiseleva Elena Evgenievna</i>	
MODELING AS A DEVELOPMENT TOOL OF CREATIVE IMAGINATION AT THE SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH VISUAL IMPAIRMENT	88
Section 9. Psychology	92
<i>Yesbergenova Akerke Almazovna, Rakhym Zhaksyanim Toktagulovna</i>	
A HEALTHY STUDENT IS A SUCCESSFUL STUDENT	92
<i>Chanturia Ana-Maria</i>	
LAPIERE EXPERIMENT FROM THE PERSPECTIVE OF BEHAVIORAL ECONOMICS	95
Section 10. Sociology	102
<i>Dino Alket</i>	
CULTURAL TOURISM AS AN OPPORTUNITY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN KORÇA REGION	102
<i>Dino Alket</i>	
TOURISM AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT. ARE THESE AN INDUSTRY?.....	106
<i>Mr. Maulik Sergii</i>	
SOCIAL INNOVATIONS DEVELOP EFFECTIVE SOCIETIES: UKRAINIAN EXPERIENCE.....	109
Section 11. Philology	113
<i>Isaieva Natalia Stanislavivna</i>	
“WOMEN’S FICTION” AND THE CANONIZATION PROBLEM IN THE FEMINIST LITERATURE CRITICISM	113

<i>Markova Olga Ivanovna</i>	
THE STRUCTURE OF PATRIOTISM CONCEPT ACCORDING TO THE RESULTS OF AN EXPLICATIVE (RECEPTIVE) EXPERIMENT	120
Section 12. Philosophy	113
<i>Barash Lyubov' Aleksandrovna</i>	
“ARTISTIC TEXT IN POSTMODERN COMMUNICATION: THE PROBLEM OF UNDERSTANDING”	124
<i>Nesprava Nikolay Viktorovich</i>	
MAIN FEATURES OF RELIGIOUS TERRORISM	129
<i>Shatalova Yaroslavna Oleksandrivna</i>	
CORPORATOCRACY CONCEPT IN THE SCOPE OF A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS	133
Section 13. Economics	138
<i>Boyuk Nikolay Ivanovich</i>	
THEORETISCHE GRUNDLAGEN UND PRINZIPIEN DES HUMANITÄREN BESTANDTEILS DER STAATSSICHERHEITSPOLITIK.....	138
<i>Koti Sorina</i>	
PUBLIC CAPITAL: DETERMINANTS AND ITS IMPACT ON ECONOMY: CASE OF ALBANIA	144
<i>Minga Aldona, Doçi Esmeralda</i>	
EVALUATIONS OF INCOME EFFICIENCY IN APPLE PRODUCTION SECTOR A SFA APPROACH	150
Section 14. Science of law	153
<i>Pavel Aleksadrovich Kadochnikov</i>	
FREIE MEINUNGSÄUSSERUNG IN DEN MASSEN MEDIEN RUSSLANDS.....	153
<i>Frolov Sergey Aleksandrovich</i>	
THE SPECIFICITY FOR THE RESOLUTION OF DISPUTES ABOUT OWNERSHIP OF LAND.....	157